

В.В. ЛЕВИЦКИЙ

**ЗВУКОВОЙ СИМВОЛИЗМ:
МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Черновцы
Рута
2009

ББК 81.001.4+81.032
Л 371
УДК 81'344.6+81'371

Рецензенты:

Михалев А.Б. – доктор филологических наук, профессор, (Пятигорск, Россия)

Львова Н.Л. – кандидат филологических наук (Черновцы, Украина)

Левицкий В.В.

Звуковой символизм. Мифы и реальность. Монография. – Черновцы: Рута, 2009. – с.

ISBN

В книге обобщены результаты исследований звукового символизма, проводившихся в 1965-2008 г.г. в Черновицком университете. К сравнению привлекаются данные отечественных и зарубежных специалистов. Вводятся понятия “звукосимволический комплекс”, “символический потенциал звука”, символическая активность шкалы”, сопоставляются данные субъективного и объективного звукосимволизма более, чем в 50 языках различного строя. Рассматриваются природа и источники порождения звукового символизма. Исследуется соотношение фонетической мотивированности слова и его частотности, семантического, стилистического и грамматического статуса. Разграничиваются, интерпретируются и статистически исследуются понятия “фонетическая мотивированность”, “фонетическое значение”, “коннотативное значение”. Рассматриваются условия влияния звукового символизма на развитие и функционирование словарного состава языка. Предлагаются методики фоносемантического анализа текста.

УДК 81'344.6+81'371
ББК 81.001.4+81.032

ISBN

© Левицкий В.В., 2009
© «Рута», 2009

ОТ АВТОРА

Первый вариант этой книги был написан автором в 1991 году. В книге были подведены итоги многолетним исследованиям звукового символизма в Черновицком университете, хотя, естественно, в ней в той или иной степени затрагивались или рассматривались работы в области «фоносемантики» других советских исследователей. Однако в силу хорошо известных обстоятельств, сложившихся к концу 1991 года на постсоветском пространстве (имеются в виду экономические и организационные трудности), книга увидела свет лишь в 1998 году. Она была опубликована в издательстве Черновицкого университета под названием «Звуковой символизм. Основные итоги». Рецензию на книгу написал С.В. Воронин, которого, к сожалению, сегодня уже нет с нами.

С тех пор прошло более 10 лет. За это время и в Черновицком университете, и, разумеется, за его пределами (прежде всего, в России, если иметь в виду традицию в «отечественном» языкознании) появились новые работы по довольно широкому кругу вопросов, охватывающих не только звуковой символизм, но, скорее, «фоносемантику». Кроме того, – и это не менее важно – за это время эволюционировали взгляды автора на некоторые положения звукового символизма и методы его изучения. Было бы точнее и правильнее сказать, что произошла не эволюция авторских взглядов (многие «оппозиционные» идеи, касающиеся природы, характера и методов изучения звукового символизма, высказывались мною еще в 70-е годы), а их более четкое оформление.

Все это и предопределило необходимость переработать книгу – дополнить ее новыми разделами, подвергнуть ревизии данные, полученные самим автором книги и другими авторами, уточнить некоторые формулировки, пополнить библиографию и т.п.

Изменение некоторых акцентов в содержании книги повлекло за собой и изменение ее названия. Теперь книга называется иначе: «Звуковой символизм. Мифы и реальность».

Читателю, знакомому с вариантом-1998, будет, возможно, интересно узнать, что именно подверглось в книге изменению и дополнению; читателю, не знакомому с предыдущим вариантом, будет интересно узнать, что такое звуковой символизм и как он изучался в советском и украинском языкознании.

Хотелось бы надеяться, что таким образом удастся возродить интерес к изучению звукового символизма в украинском языкознании – на материале украинского языка, а также таких языков, как венгерский и румынский, носители которых входят в состав многонационального народа Украины.

Автор готов оказать посильную помощь в организации, планировании и проведении экспериментального изучения звукового символизма на Буковине и в Закарпатье.

Отзывы и пожелания можно направлять по адресу: 58012 Черновцы, ул. Коцюбинского, 2. Университет, кафедра германского, общего и сравнительного языкознания; e-mail: lessja@gmail.com.

Автор

Май 2009 г.

ВВЕДЕНИЕ

1. Что такое символ. Знак и его типы

Под звуко-символизмом в лингвистике подразумевают обычно наличие произвольной связи между звучанием и значением слова.

Не касаясь здесь слишком сложной проблемы онтологии и типологии знака (известно, что литература по этим вопросам насчитывает десятки названий), ограничимся лишь несколькими замечаниями, имеющими непосредственное отношение к предмету нашего исследования – *звуко-символизму*, делая особый упор на рассмотрение характерных свойств и особенностей *символа*.

Под знаком (в широком понимании) в семиотике подразумевают обычно некоторый материальный предмет, указывающий на другой предмет внешней действительности (ср. Peirce 1960: 135; Солнцев 1971: 95). Таким образом, всякий знак должен обладать, по крайней мере, двумя характерными признаками: а) быть *материальным*, т.е. чувственно воспринимаемым предметом действительности; б) указывать на что-либо вне себя (ср. Солнцев: 95). Поскольку знак указывает на объекты внешней (по отношению к себе) действительности, он определенным образом связан с этой действительностью. Дым, являющийся признаком лесного пожара, и дым, сигнализирующий (в силу предварительной договоренности) о приближении врага, будучи знаками в широком смысле слова (оба являются чувственно воспринимаемыми объектами, и оба указывают на предмет вне себя), *по-разному* связаны с внешней действительностью. В первом случае эта связь носит причинно-следственный характер (дым является следствием лесного пожара), а во втором – чисто условный характер. Знаки первого типа называют иногда естественными в отличие от остальных – искусственных (см. Шафф 1963: 186). Как видно, однако, из приведенного выше примера, более существенную роль в статусе знака играет не признак «естественный» (созданный природой) – «искусственный» (созданный человеком), а, как показано выше, *характер связи* знака с внешней действительностью. Можно, например, договориться, что, если утро будет солнечным, то участники загородной прогулки собираются в такое-то время возле автобусной остановки; если утро будет пасмурным, прогулка не состоится. В этом случае нечто (солнечное или пасмурное утро), в создании чего человек не может принимать никакого участия, будет все же *условным сигналом*, а не симптомом (как дым от пожара, кашель при простуде и т.д.). Вот почему нам представляется более правильным произвести первое деление всех знаков не на «естественные – искусственные» (как это сделал, например, А. Шафф), а на «симптомы – несимптомы». Знаки-симптомы связаны с внешней действительностью причинно-следственными отношениями. Остальные знаки можно разделить на три основные группы: знаки-указатели (собственно «знаки»), знаки-изображения и знаки-символы (ср. у Ч.С. Пирса – index, icon, symbol; однако Ч. Пирс вкладывает в термины index, icon и symbol совершенно иной смысл). Знаки-указатели, или собственно знаки, *связаны* с внешней действительностью *чисто условными* отношениями; таковыми в принципе являются все лингвистические знаки (*у Пирса это не указатели, а*

символы). Знаки-изображения (фотографии, рисунки, скульптуры и т.д.) являются более или менее верными копиями, отображениями действительности и связаны с ней, условно говоря, *материальными* отношениями.¹ Особое место среди всех знаков занимают символы (например, эмблемы, гербы, цвета флагов и т.д.). Характерной и отличительной особенностью символа А. Шафф считает его способность представлять *абстрактные*, идеальные объекты внешней действительности (например, такие идеальные «предметы», как верность, любовь, дружба, христианство, правосудие и т.д.). Однако не это свойство представляется нам главной особенностью символа. Ведь лингвистические знаки в подавляющем большинстве случаев обозначают весьма абстрактные категории внешнего мира (предлоги «в», «к», «у» обозначают не менее абстрактную идею, чем «дружба» или «война») и тем не менее относятся не к символам, а к знакам (к собственно знакам **(индексам?)**). В отличие от знака, замечает Э. Лерх, который, в свою очередь, опирался на учение Ф. де Соссюра, символ определенным образом связан с внешней действительностью. Поэтому символом правосудия являются весы (нем. Waage), а не колесница (Wagen). Символ занимает, по-видимому, промежуточное положение между знаком-указателем (собственно знаком) и знаком-изображением, поскольку, по словам того же Э. Лерха, символ, в отличие от образа, сохраняет не материальную верность действительности, а лишь «верность отношений» (Relationstreue). Таким образом, отличительным свойством символа является его связь с действительностью не на основе материального, а на основе *структурного* сходства (см. Lerch 1939).

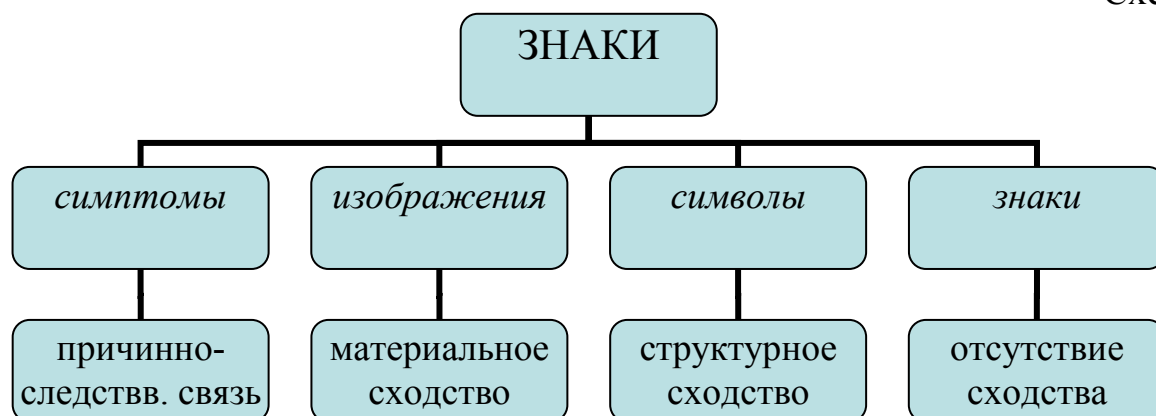
Символы, как и знаки, являются элементами *вторичных* материальных систем, т.е. значения символов приписаны им определенной социальной группой, что совершенно справедливо подчеркивает А. Шарф. Значения многих символов, действительно, непонятны без знания определенных культурно-исторических явлений или событий, на основе которых данные значения приписаны данным символам. Однако и здесь символ обладает характерной особенностью, отличающей его от знака. В силу чисто условной связи знака с тем, что он обозначает, значения его могут быть в принципе как угодно разнообразны: знак может иметь любое значение; изменчивость значений знака в принципе не знает никаких ограничений. Вариативность же приписанных (или могущих быть приписанными) символу значений *носит более ограниченный характер*. Идею дружбы и сотрудничества могут символизировать изображения рук, скрепленных в рукопожатии, цветок с пятью разноцветными лепестками («пять континентов»), пять колец, скрепленных друг с другом и т.п., но вряд ли символом дружбы может быть фигура женщины с весами в руках. И наоборот, изображение двух рук, скрепленных в рукопожатии, может символизировать идею дружбы двух народов, двух стран, идею единства двух партий, идею мира и т.д., но вряд ли этот символ может быть символом правосудия.²

¹ О наличии в языке знаков с «иконическими» элементами см. в: Б.А. Серебренников (редактор). Общее языкознание, «Наука», М., 1970, с.150-151.

² А. Шафф считает второй характерной особенностью символа его **образность**. Когда мы имеем дело с такими символами, как символ правосудия (весы, женщина с повязкой на глазах и с весами в руках), то термин «образность» представляется вполне уместным. Вряд ли, однако, с таким же правом можно употреблять термин

Подведем итоги. Все знаки обладают следующими общими свойствами: 1) они *материальны*, т.е. чувственно воспринимаемы; 2) они *указывают* на какой-либо предмет внешней действительности (т.е. обладают указательной функцией); 3) они указывают на предмет *вне себя* (обладают заместительной функцией); 4) все знаки являются элементами *вторичных* знаковых систем (т.е. значения знаков приписаны знакам социальными группами). Наиболее важным признаком, на основе которого устанавливаются различия между знаками, является тип отношений знаков с внешней действительностью: причинно-следственная связь, материальное сходство, структурное сходство, отсутствие сходства. В соответствии с этим все знаки делятся на: симптомы, изображения, символы, собственно знаки (см. схему 1).

Схема 1

(ЗНАКИ как родовое понятие и *знаки* как видовое? Запутывает)

Символическими свойствами могут обладать самые разнообразные предметы и явления внешнего мира: рисунки, скульптуры, цветы, движения человеческого тела, звуки, в том числе и звуки, производимые речевым аппаратом человека. «Необходимо отметить, – пишет в этой связи Ш. Балли (1955: 147-148), что наши голосовые органы производят *mutatis mutandis* те же символические движения, что и наши руки, кисти рук и т.д. Мы увеличиваем степень открытости рта, чтобы показать большие, и уменьшаем его, чтобы показать малые размеры чего-либо: при указании на длину мы вытягиваем губы вперед и т.д. Точно также мы увеличиваем раствор рта, когда произносим *vaste* «обширный», *large* «широкий», *grand* «большой» и т.д., мы вытягиваем губы, чтобы сказать *long* «длинный» и *profond* «глубокий». Напротив, представление о малых размерах выражается, как отметил Есперсен, во множестве языков словами, содержащими гласный /i/, самый закрытый из всех наряду с /y/. Подобные мысли были высказаны еще Платоном («Кратил»), которому принадлежат удивительно точные наблюдения (удивительно потому, что сегодня эти наблюдения подтверждены экспериментально) о связи определенных звуков и определенных понятий. Звук *R*, замечает Платон, лучше всего приспособлен для передачи порыва и движения, *L* – для обозначения

«образность», когда мы имеем дело с символом типа Z («серия крутых поворотов»). Кроме того, термин «образность» может привести к неправильному толкованию термина «символ». Поэтому мы предпочитаем говорить не об «образности» символа, а о его **структурном** сходстве с символизируемым понятием.

чего-то гладкого, лоснящегося, сочетание *gl* – для называния клейкого и липкого, *i* – узкого, *a* – большого, долгое *ē* – вечного.

Таким образом, звуковой символизм основан не на материальном, а на структурном сходстве между звуком и смыслом, а потому было бы неправильно отождествлять термины и понятия «**иконичность**» (iconicity) или «иконизм» и «**символизм**» языкового знака (термин *iconicity* в последние десятилетия стал довольно широко употребляться в работах американских авторов см. Hinton et al. 1994: 108, 112-113, 180, 192-194, 287-288 и др.). Термин «иконичность», т.е. звукоизобразительность, можно трактовать либо слишком широко, подразумевая, что звукоизобразительность включает в себя и звукоподражание, и звукосимволизм, либо более узко (и, с нашей точки зрения, более правильно) – только как *Lautmalerei*, т.е. ономотопею, ибо иконические знаки связаны с предметом, который они замещают, материальным сходством. Понятно, что полного материального сходства между иконическим языковым знаком (звукоподражательным словом) и «предметом», который обозначает этот знак, не может быть (об этом свидетельствуют фонетически сходные, но тем не менее разнящиеся от языка к языку звукоподражательные слова, передающие идентичные «предметы» внешней действительности). В этой связи остается непонятным, почему слова типа *flit*, *float*, *fly* («порхать», «покачиваться», «летать») относятся в работе [Magnus 2001] к примерам «истинного иконизма» (мы судим о позиции М. Магнус по версии, изложенной Л.П. Прокофьевой (Прокофьева 2007: 25). Где и кто доказал, что *fl* изображает (передает) колебательное движение? – ср. наши данные и данные Н.Л. Львовой (см. раздел 12, часть 1). Л. Блумфилд связывает *fl* с идеей быстрого и легкого движения, но в его книге содержится большое число примеров, где *fl* имеет совсем другие значения (см. Блумфилд 1968: 162-163).

С нашей точки зрения, приведенные примеры относятся как раз не к иконическим, а к символическим типам знаков.

Однако с самого начала гипотеза о существовании звукосимволизма (приверженцами которой были, кстати, Лейбниц, Ломоносов, Гумбольдт, Гердер, Гримм, Курциус, Шухардт, а в наше время Сэпир, Есперсен, Балли и др.) столкнулась с серьезными теоретическими трудностями. Возражения против существования звукосимволизма сводятся обычно к следующему: если бы между определенными звуками и определенными понятиями существовала произвольная связь, то не было бы возможным ни существование различных названий одного и того же предмета или явления в различных языках, ни тем более, изменение звуковой оболочки слова в процессе исторического развития языка. Понятие «большой» выражается, например, в латинском словом *magnus*, в греч. *megas*, в готском *mikils* и, т.о., наличие той или иной гласной в корне слова обусловлено действием фонетических и морфологических законов данного языка, а не действием звукосимволизма.³

Преодолеть подобного рода теоретические трудности можно было, выполнив две основные задачи: 1) убедительно доказать существование звукосимволизма; 2) удовлетворительно объяснить возможность

³ Этот пример принадлежит одному из участников дискуссии о звукосимволизме.

сосуществования звуко-символизма и изменчивости наименований одного и того же предмета в синхронии (от языка к языку) и в диахронии (в процессе исторического развития языка).

2. Немного истории

2.1. Звуковой символизм в Европе

В Европе звуко-символизм был по традиции лингвистической проблемой, что в известной степени предопределило характер и методы его изучения: отбор и анализ фактического материала проводился типичными для европейской лингвистики методами, без применения необходимого в этом случае математического аппарата или других каких-либо критериев. Довольно полные и квалифицированно выполненные обзоры зарубежных работ по символике звуков содержатся в книге А.Б. Михалева (см. Михалев 1995: 16-26), а также в книге Л.П. Прокофьевой (см. Прокофьева 2007: 19-22, 30-33, 106-130). Было бы несправедливо и неправильно отрицать или даже умалять научную ценность подобных европейских исследований, однако решить упомянутую в конце предыдущего раздела задачу № 1 чисто лингвистическими средствами в силу указанных выше причин оказалось невозможным. Единственное известное современной лингвистике экспериментальное исследование звуко-символизма в Европе было осуществлено в 1935 году Г. Мюллером (Германия). Г. Мюллер (см. Müller 1935) предъявлял испытуемым неизвестные им слова из «экзотических» языков типа *gogu*, *fiti*, *lala*, *mar* и т.п., предлагая угадать смысл этих слов. Полученные данные Г. Мюллер группировал в определенные классы (*Strukturen*), в которых объединялись «сходные» ответы (типа «большое животное», «нечто грузное, тяжелое» и т.д.). Хотя Г. Мюллер пришел к положительному выводу о связи определенных звучаний и понятий, с методической точки зрения его эксперимент страдал серьезными недостатками. Экспериментальные же работы, публиковавшиеся в американских журналах по психологии, европейской лингвистике оставались неизвестными.⁴ Таким образом, решить задачу № 1 европейской науке не удалось, однако – это может показаться парадоксальным – она заметно продвинулась в решении задачи № 2, т.е. в поисках (пусть не всегда удачных) теоретических основ функционирования звуко-символизма (Werner 1932; Sieberer 1947; Wandruszka 1952; Kronasser 1952; Ullmann 1962).

2.2. Звуковой символизм в Америке

В Америке изучение звуко-символизма проходило диаметрально противоположным путем. Главное внимание было уделено здесь экспериментальному исследованию звуко-символизма и соответственно этому разработке и усовершенствованию методики экспериментов.

⁴ Эпизодическое упоминание статьи Э. Сэпира (Sapir 1929), например, в работе Есперсена (Jespersen 1933), сути дела не меняет.

Первое экспериментальное исследование звуко-символизма в Америке было выполнено Э. Сэпиром в 1929 году. Э. Сэпир предлагал англоязычным испытуемым бессмысленные слоги типа *mil* и *mal*, которым произвольно были приписаны значения (например, «стол»). Испытуемые должны были решить, для обозначения какого размера – «маленький» (стол) или «большой» (стол) – подходят предложенные им сочетания. В результате оказалось, что /i/ больше подходит для обозначения малого, а /a/ – для обозначения большого размера. Исследование, начатое Э. Сэпиром, было продолжено С. Ньюмэн, опубликовавшим в 1933 году (фактически работа С. Ньюмэна была окончена в июне 1931 года) обширную статью, в которой с помощью аналогичной методики исследовались различные гласные и согласные фонемы. Кроме того, стремясь доказать, что оценка звуков речи не связана с языковым «тренингом» («языковой привычкой»), С. Ньюмэн обследовал большой список английских слов со значениями «большой» и «маленький». На основе полученных данных С. Ньюмэн пришел к следующим выводам: 1) гласные английского языка по шкале «маленький-большой» располагаются в таком порядке: i, e, ε, ¾, a; 2) согласные (от «маленького» к «большому») располагаются в последовательности: t, d, p, b, k, g (глухие оцениваются как «меньшие» по сравнению со звонкими, передние – как «меньшие» по сравнению с задними); 3) оценка звуков испытуемыми связана с физическими (акустико-артикуляционными) характеристиками этих звуков.

Последующие экспериментальные работы по изучению звуко-символизма в США и Канаде были посвящены главным образом разработке и усовершенствованию методики исследования звуко-символизма (Tsuru 1934; Allport 1935; Brown/Black/Horowitz 1955; Brown/Nuttal 1959; Miron 1961). Что касается второго вопроса (теоретических разысканий), то должное внимание ему стали уделять в Америке лишь в сравнительно недавнее время (Brown 1958; Taylor / Taylor 1962; Weiss 1964; Ervin-Tripp / Slobin 1966; Ohala 1994).

Последние десятилетия характеризуются появлением в США и Европе огромного числа работ, свидетельствующих о все возрастающем интересе к проблемам звукового символизма. Кроме употреблявшихся ранее терминов *phonetic symbolism* и *sound symbolism*, в зарубежных работах, как уже говорилось во Введении, стали широко употреблять термин *iconicity*, а также *phonosemantics* (см., например, Wescott 1980; 1987; Hinton et al. 1994).

2.3. Звуковой символизм в СССР

Звуковой символизм никогда не был баловнем советской лингвистики. В советской философской и языковедческой науке считалось, что звуковой символизм противоречит ленинской материалистической теории отражения, ибо язык отражает объективную действительность не внешней, звуковой, а внутренней, семантической, стороной, а потому между звучанием и значением не может существовать “отприродной” связи. Но даже и такого рода аргументация, как это нередко случалось в советской науке того времени, подменялась цитированием работ, не имевших никакого отношения к проблемам языкознания. Звуковой символизм не был в данном случае исключением. Возможность его

существования опровергалась известным высказыванием К. Маркса об отсутствии какой-либо связи между именем Яков и человеком – носителем этого имени (т.е. между предметом и его названием).

Вся проблематика, связанная с отношением между звучанием и значением, ограничивалась в советском языкознании в течение длительного времени изучением звукоподражательных слов. При этом неизменно подчёркивалось, что звукоподражательная лексика находится на периферии языка. Наиболее значительный вклад в исследование звукоподражательной лексики и в развитие теории “звуковых жестов” и “мимологии” внесли работы Е.Д. Поливанова, Н.И. Ашмарина, Д.В. Бубриха, Н.К. Дмитриева, В.И. Абаева, Н.А. Баскакова, Л.Н. Харитонова. В 1965 году опубликована монография А.М. Газова-Гинзберга, в которой собран и обобщён обширный материал по звукоизобразительной лексике в семитских языках. Проведённый автором в заключительном разделе книги несложный статистический анализ показал, что из 181 глагольного корня в семитских языках 115 можно с уверенностью считать звукоподражательными по своему происхождению. Это позволило А.М. Газову-Гинзбергу выдвинуть “теоретически обоснованное положение о звукоподражательности ... происхождения языкового материала” [Газов-Гинзберг 1965: 169].

Начиная с середины пятидесятых годов в учебниках и монографиях, рассчитанных на широкий круг лингвистов, всё чаще стали появляться высказывания, в той или иной форме допускающие существование звукового символизма и возможность его воздействия на функционирование слова. Так, например, в примечаниях к книге Ш. Балли “Общая лингвистика и вопросы французского языка”, вышедшей в русском переводе в 1955 году, Р.А. Будагов, комментируя рассуждения Ш. Балли, заметил, что вопросы “символики звуков” представляют определённый интерес. Ещё более определённо высказывается по этому поводу Д.Н. Шмелёв: “... в реальном языке, где звуки не являются носителями собственных значений, а выступают как смыслоразличители в составе морфем и слов, их самостоятельная “выразительность” не может играть сколько-нибудь заметной роли. Это не значит, однако, что продолжавшиеся в течение веков попытки определить собственный “смысл” звуков (например, установить, какие эмоции или представления способны вызвать каждый из гласных сам по себе) основаны целиком на недоразумении и иллюзиях ...” [Шмелёв 1964: 162].

Таким образом, к началу 60-х годов в советском языкознании созрели условия для рассмотрения звукоизобразительности как явления, выходящего за узкие рамки звукоподражания и включающего в себя все аспекты сложного взаимодействия звучания и значения слова, в том числе и те, которые составляют понятие “звуковой символизм”.

Интенсивное экспериментальное (с помощью психолингвистических методов) изучение звукового символизма в СССР начинается в середине 60-х годов. Думается, что этому способствовало несколько обстоятельств.

Во-первых, основное внимание суловых от лингвистики, т.е. тех лингвистов, которые были призваны блюсти чистоту марксистско-ленинского учения о языке, было сосредоточено в середине 60-х годов (см., например, Филин 1965) на критике стуктурализма. Поскольку многие из гонителей советского стуктурализма в прошлом были приверженцами марризма, можно

предположить, что им в определенной степени была «классово близкой» проблематика звукоизобразительности, активно обсуждавшаяся, как сказано выше, в советской лингвистике 20-30-х годов.

Во-вторых, в середине 60-х годов в СССР пробуждается интерес к психолингвистике. Психолингвистика с ее явной направленностью на изучение содержательной стороны языка выступала своего рода антиподом структурализма, наибольшим из «грехов» которого был «формализм» и «отрыв языка от мышления». Совершенно не случайным представляется тот факт, что именно в 1967 году была издана известная книга А.А. Леонтьева «Психолингвистика», в которой ее автор не только снял табу с «не тех» идей (см. с. 106), но и фактически призвал к экспериментальному исследованию гипотезы Сэпира/Уорфа о соотношении языка и мышления и звукового символизма (с. 55-58, 105-106).

Можно предположить, что такое «вольнодумство» было обусловлено не только тем, что после отставки Н.С. Хрущева в гуманитарном секторе советской науки на некоторый – очень короткий – период было допущено небольшое «послабление», закончившееся решениями печально знаменитого апрельского (1968 г.) Пленума ЦК КПСС об усилении идеологической борьбы, но и тем, а, скорее всего, – прежде всего тем, что на психолингвистику возлагалась задача существенно потеснить позиции структурализма.

В 1966 году была опубликована серия материалов о восприятии звуков, представленных группой под руководством М.В. Панова [см. Панов 1966]. В 1967 году опубликованы результаты исследований А.С. Штерн [Штерн 1967] и результаты наших исследований [Левицкий 1967]. В 1969 году в Ленинграде состоялся семинар, посвященный мотивированности языкового знака (среди докладчиков, в той или иной степени затронувших вопросы звукового символизма, следует упомянуть А.П. Журавлёва, И.Н. Горелова, Ю.Н. Завадского, А.А. Леонтьева⁵, Б.В. Журковского, А.Н. Журина, А.С. Штерн). Материалы семинара опубликованы в издательстве “Наука” под редакцией М.В. Павлова.

Значение последнего события – Ленинградского семинара – в развёртывании исследований по звуковому символизму трудно переоценить: всего лишь 4–5 лет отделяют этот семинар от появления первых монографических работ, посвящённых соотношению фонетики и семантики.

В 1974 году в издательстве Ленинградского университета выходит книга А.П. Журавлёва “Фонетическое значение”. Приходится лишь удивляться тому, что при отсутствии в советском языкознании каких-либо традиций и опыта психолингвистического и статистического анализа языкового материала книга А.П. Журавлёва выполнена на уровне лучших зарубежных исследований, опирающихся на многолетний опыт и навыки использования методики семантического дифференциала. В книге вводится понятие “содержательность языковой формы на фонетическом уровне”, т.е. “фонетическое значение” (с. 15–16), определяется место фонетического значения в структуре слова (с. 31–33) и публикуются результаты экспериментального исследования символического значения звуков русского языка по 25 шкалам осгудовского семантического

⁵ А.А. Леонтьеву принадлежит особая заслуга в привлечении внимания к проблеме звукового символизма и в организации его исследования в СССР.

дифференциала. На основании полученных оценок символических свойств звуков в работе предпринята (с помощью ЭВМ) попытка измерить “содержательный аспект звуковой формы” сегментов текста, равных слову или стихотворному произведению. С этой целью А.П. Журавлёвым предложена формула для нахождения величины фонетического значения слова, в которой учтены позиции ударных и безударных, начальных и неначальных звуков (с. 121–125).

Если книга А.П. Журавлёва была посвящена главным образом детальному изучению символических свойств звуков русского языка и функционированию фонетического значения в речи (тексте), то вышедшая несколькими месяцами ранее наша книга “Семантика и фонетика” [Левицкий 1973] затрагивает иной круг вопросов: типология языковых знаков и место символа среди них, методика экспериментального изучения звукового символизма, природа и источники его порождения, степень универсальности звукосимволических правил (разумеется, в той или иной степени эти вопросы затрагиваются и в книге А.П. Журавлёва). Наконец, третья монографическая работа, посвящённая проблеме соотношения семантики и фонетики (эти два компонента присутствуют в названии всех трёх упоминаемых здесь книг), опубликована в 1982 году и уже своим названием заявила о появлении новой науки – “фоносемантики” [Воронин 1982].

“Фоносемантика мыслится как наука, которая рождает и утверждает себя на стыке фонетики (по плану выражения) и лексикологии (по совокупности этих планов)”, – пишет автор книги [Воронин 1982: 21]. Основными принципами фоносемантики, по мнению С.В. Воронина, являются принцип произвольности языкового знака, принцип детерминизма, отражения, целостности, многоплановости. В книге подробно рассматриваются типы звукоподражательных и звукосимволических слов, звукосимволизм и происхождение языка и другие вопросы (сам термин *phonosemantics* появился в зарубежном языкознании до выхода в свет монографии С.В. Воронина – см., например, Wescott 1980).

Десятилетие между концом семидесятых и началом девяностых годов ознаменовалось дальнейшим изучением звукового символизма на материале различных языков [см., например: Глухарёва 1978; Мазанаев 1985; Климова 1986; Канкия 1988; Лихоманова 1986; Барташова 1987; Слоницкая 1987; Койбаева 1987; Юсифов 1986; Журавлёва 1983; Вельди 1988; Хусаинов 1988]. Звуковой символизм получил признание в работах крупных советских учёных [см. Гамкрелидзе 1972; Панфилов 1977; Солнцев 1977; Русанивский 1988] и даже в учебниках и учебных пособиях [см. Супрун 1983: 167-168; Плотников 1984: 22-26].

Состоявшееся в 1989 году в Пензе под эгидой Института языкознания АН СССР всесоюзное совещание по проблемам фоносемантики свидетельствует о всё возрастающем интересе к изучению этого явления в СССР.

Материалы этого совещания частично опубликованы в книге “Фоносемантические исследования” под редакцией С.В. Воронина, А.В. Пузырёва, Ю.А. Сорокина и др.

В 1995 году в **Пятигорске** опубликована книга А.Б. Михалёва “Теория фоносемантического поля”, в которой обобщён обширный и интересный материал по изучению звукосимволизма в зарубежной Европе и странах СНГ за последние 100-150 лет. А.Б. Михалёв установил символические значения “бифонов” типа

BR, PL и т. п. в четырёх языках различного строя (английском, русском, французском и арабском). Полученные данные представлены в книге в виде схем (с. 185–202). Эти схемы имеют немалое прикладное значение и могут оказаться полезными не только в работах по фоносемантике (мы использовали их, например, в книге “Этимологические и семасиологические исследования в области германских языков”). (Вообще-то, бифоны в «Теории...» служили только стартовой площадкой для построения концепции полевого структурирования семантики морфемотипов)

В этом же, 1995, году вышла в свет книга А.В. Пузырёва “Анаграммы как явления языка”, значительная часть которой посвящена проблеме звукосимволизма.

В 90-е годы продолжалось изучение фоносемантики в С.-Петербурге под руководством С.В. Воронина.

В Черновицком университете в 1970-90 г.г. исследованы символические свойства гласных и согласных английского языка [Комарницкая 1985], немецкого языка [Кушнерик 1987], а также украинского, русского и молдавского языков; особое внимание здесь уделено изучению соотношения фонетического и коннотативного значения слова, фонетического значения и мотивированности, а также исследованию семантических и стилистических функций сочетаний фонем (см. работы О.В. Найдеш и Н.Л. Львовой).

В последние годы в России появилось немало работ, посвященных фоносемантическим исследованиям. (Здесь можно также упомянуть кандидатские диссертации моих аспиранток: Ж.М. Тамбиева. Межъязыковые фоносемантические соответствия гуттуральных согласных (на материале русского, английского и абазинского языков). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2003. – 17 с.; М.Д.Зимова. Звукоизобразительные тенденции начальных согласных в немецком и новогреческом языках. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. – 17 с.; М.Э.Данилова. Семантика рифм современной английской лексики (фоносемантический аспект). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2007. – 21 с.)

Из этих работ доступными для меня оказались монографии И.Ю. Павловской, Л.П. Прокофьевой и две книги С.С. Шляховой⁶.

В диссертации С.С. Шляховой, а также в составленном ею словаре русских фоносемантических аномалий собран интереснейший материал, касающийся функционирования звукоизобразительных слов русского языка (см. Шляхова 2006; Шляхова 2004; Шляхова 2003). Однако по понятным причинам наибольший интерес для меня представляют монографии И.Ю. Павловской (Павловская 2001) и Л.П. Прокофьевой (Прокофьева 2007).

Хотя в монографии И.Ю. Павловской бросается в глаза явное отсутствие тематического единства и целостности (одна часть работы посвящена исследованию английской фразеологии, другая – исследованию текста, третья – вопросам методики преподавания), автору удалось, тем не менее, получить интересные результаты и выводы. Книга Л.П. Прокофьевой подкупает

⁶ Как можно понять из обзоров литературы, содержащихся в этих книгах, изучение звукового символизма в российском языкознании трансформировалось в 1990-е-2000-е годы в «фоносемантический анализ текста». Работ, посвященных изучению собственно звукового символизма, в этих обзорах я не обнаружил.

глубиной анализа, привлечением огромного числа источников по теме работы, в том числе малоизвестных, и обилием материала, который автор использовал не до конца. Хотя я неоднократно полемизирую в данной книге с обоими авторами, это никак не умаляет достоинств их работ.

Из монографических работ по звуковому символизму, появившихся в последние годы на Украине, следует назвать книгу В.И. Кушнерика (см. Кушнерик 2004) и некоторых других украинских исследователей (см. Калита 2001). А.А. Калита детально исследовала связь смысла с просодическими компонентами речи.

Таким образом, интерес к изучению звукового символизма на постсоветском пространстве (прежде всего – в России) не угас. Вот почему, как об этом уже сказано в небольшом авторском предисловии к этой книге (см. с. 3), представляется целесообразным вновь вернуться к обсуждению проблемы звуко-символизма – уже с учетом появившихся за последнее время работ.

ЧАСТЬ 1

СИМВОЛИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЗВУКОВ

1. Основные понятия фоносемантики и методы её изучения

1.1. Фоносемантика, звукоподражание, звукосимволизм

Мысль о существовании того явления, которое сегодня называется “фоносемантическим значением”, “звукоизобразительностью” и т.д., т.е. о произвольной связи между звучанием и значением слова можно обнаружить уже в трудах древних философов.

Звукоизобразительные слова делятся на две основные категории: **звукоподражательные**, когда денотатом имени являются предметы, явления, процессы внешнего мира, способные производить звуки, и **звукосимволические**, когда денотатом имени являются предметы, явления, процессы, качества внешней действительности, не способные к звукопроизводству – см. Гумбольдт 1984: 92-94; Воронин 1982: 175-176; (ср. с иной классификацией у А.М. Газова-Гинзберга [указ. соч., с. 3]); см. также Левицкий 2000: 537.

Хотя под фоносемантикой необходимо понимать и звукоподражание, и звукосимволизм, вместе с тем очевидно, что оба явления недопустимо смешивать друг с другом ни при теоретическом рассмотрении, ни, тем более, при экспериментальном изучении, так как обе разновидности звукоизобразительности имеют свою специфику и требуют своих специфических методов изучения. По сложившейся традиции, говоря о связи фонетики и семантики, под фонетическим значением лингвисты понимают в последнее время прежде всего звуковой символизм. Именно это явление и будет предметом рассмотрения в данной главе.

1.2. Типология звукового символизма

В современной лингвистике и психолингвистике – вслед за И. Тэйлор [см. Taylor 1965] – различают два вида звукового символизма – **субъективный** (выявляемая экспериментальным путём связь определённых звуков и значений в психике человека) и **объективный** (связь определённых звуков и значений в словах того или иного языка). Различие двух видов звукового символизма обусловлено свойствами самого объекта, ибо оба типа упомянутой выше связи – в языке и в сознании испытуемого – не всегда идентичны. Так, например, в большинстве славянских языков понятие “маленький” обозначается словами, содержащими гласный /a/, в то время, как испытуемые, говорящие на русском и украинском языках, оценивают звук /a/ как “большой”, а звук /и/ как “маленький”. Большая часть экспериментальных работ, начатых в 20-е годы Д. Узнадзе, М. Миязаки и Э. Сэпиром, посвящена изучению субъективного

звукового символизма (далее ЗС)⁷. Таким образом, различие «субъективный-объективный» звукосимволизм основано на противопоставлении двух фундаментальных явлений – проявление связи звука и смысла в психике человека и в речи (языке). В фоносемантической литературе предлагаются также иные классификации типов звукового символизма, в основу которых положены иные критерии – форма проявления звукового символизма, «материал», используемый в звукосимволических единицах, источники порождения ЗС и т.п. Так, например, в статье [Hinton/Nichols/Ohala 1994: 2-6] различаются такие типы звукового символизма:

материальный (или «телесный» – corporeal), звуковой символизм – использование определенных звуков или интонационных моделей для выражения внутреннего состояния говорящего (эмоционального или физического). Сюда относятся «симптоматические» звуки – такие, как кашель, икота и т.п. В этом случае, как замечают сами авторы, мы имеем дело, скорее, не с символом, а со знаком или симптомом.

имитативный (imitative) ЗС – различные оноματοпоэтические слова;

синестетический (synesthetic) ЗС, под которым понимается «акустическая символизация неакустических явлений» (там же, с. 4);

конвенциональный (conventional) ЗС, под которым понимается связь по аналогии (analogical association) определенных фонем или пучков фонем с определенным значением, напр., /gl/ в англ. glitter, glisten, glow, glimmer и т.д. Сходная типология предлагается также А.Б. Михалевым (см. Михалев 1995: 36) и А. Лу, который различает имитативный, синестетический ЗС, а также фонестезию (ассоциация фонемных сочетаний со значениями типа flap) – см. Lu 1998: 52-59. Легко заметить, что в последнем случае классификация осуществлена на совершенно различных основаниях: два первых типа выделяются по одному признаку, а третий тип – по другому признаку; два первых типа относятся к субъективному ЗС, третий – к объективному ЗС. Э. Сэпир различал **экспрессивный** (когда фонетические единицы служат для символизации эмоционально-оценочных значений типа “малюсенький”) и **референциальный** звукосимволизм (при символизации предметов типа мальчик, мужчина).

Однако, повторимся, наиболее существенным нам представляется различие субъективного и объективного звукового символизма. Этому противопоставлению соответствует в определенной степени и структура нашей книги.

2. О чем спорили 30-50 лет назад

В экспериментальных работах зарубежных (преимущественно американских и канадских) исследователей, опубликованных в 50-е-60-е годы (экспериментальное изучение ЗС за рубежом началось в конце 20-х – начале 30-х годов), обсуждались три основные проблемы:

– методика экспериментального изучения ЗС;

⁷ Наиболее полный и детальный обзор зарубежных работ сдан в книгах: Brown 1958; Ertel 1969; Peterfalvi 1970; Михалёв 1995.

- характер ЗС (носит ли ЗС национальный или универсальный характер);
- источники порождения звукового символизма.

2.1. Экспериментальное изучение субъективного звукосимволизма

В принципе всякое экспериментальное изучение субъективного звукового символизма (СЗС) основано на создании такой искусственной ситуации, в которой испытуемый сравнивает предъявленные ему “форму” и “содержание” (звук и смысл) и оценивает взаимоотношения между ними. Изменения в качественном и количественном составе предъявляемого материала обуславливают существование различных процедурных вариантов.

По количественному соотношению “звук – смысл” различают варианты “1 – 0” (за рубежом эксперимент Г. Мюллера, в СССР – В.В. Левицкого) “1 – 1” (Brackbill / Little 1957), “2 – 1”, “1 – 2”, “2 – 2” и некоторые другие (обзор работ см. в: [Ertel 1969]). Наибольшее распространение получили варианты “1 – 2” или “1 – 5” и “2 – 2”.

Так, количественный вариант “1 – 0” означает, что испытуемым предъявляется одно звучание (слово), но не предъявляется никакого смысла; испытуемые должны “угадать” значение каждого слова. Вариант “2 – 2” означает, что испытуемым предъявляются два слова (звучания) и два смысла (тоже в виде слов): испытуемые должны приписать каждое из двух звучаний каждому из двух смыслов.

По качественному составу предъявляемого материала также различают несколько процедурных вариантов, причём варьироваться может как “форма”, так и “содержание”. Варьирование процедуры по “форме” зависит прежде всего от того, что собой представляют предъявляемые испытуемому звучания – слова естественного языка, искусственные языковые образования или отдельные звуки. Процедура, при которой испытуемому в качестве “формы” представляют слова неизвестного естественного языка, а в качестве “содержания” – слова родного языка (как правило, используется вариант “2 – 2”), получила название **“методики подбора”** (matching experiment). Несмотря на то, что методика подбора нашла широкое применение в США, она имеет ряд существенных недостатков, детальный анализ которых даётся в работах И. Тэйлор, С. Эртеля, Ж. Петерфальви и других исследователей.

Главный же изъян этой методики заключается в том, что правильный “подбор”, т.е. “угадывание” значений иностранных слов, может быть обусловлен фонетическим и структурным сходством сравниваемых единиц, а не звуковым символизмом.

По числу фонем предъявляемые звучания делятся на однофонемные, трехфонемные и многофонемные. Процедура с однофонемной “формой” использовались, например, А.П. Журавлёвым, С. Эртелем, однако большее признание получили искусственные триграммы, образованные по модели “согласный + гласный + согласный” (СГС). Что касается варьирования “содержания”, то смыслы могут быть заданы: а) чаще всего с помощью слов родного языка; б) с помощью рисунков и фигур; в) образцами цвета. Обычно смысл задаётся в виде осгудовской шкалы с 5 – 7 делениями, полюса которой

обозначены антонимичной парой слов типа “маленький – большой”, “слабый – сильный” и т.п. Существенных различий между устным и письменным предъявлением материала не обнаружено.

2.2. Источники порождения и форма проявления звукового символизма

С методикой изучения звукового символизма, как показано выше, тесно переплетаются две другие проблемы – проблема порождения звукового символизма и проблема его «универсальности» versus «национальной специфичности».

На первом этапе исследования звукового символизма было бесспорно установлено, что испытуемые, говорящие на одном и том же языке, приписывают сходным или одинаковым фонетическим единицам сходные или одинаковые значения. На втором этапе была предпринята попытка доказать, что сходные или идентичные соответствия между звуком и смыслом устанавливаются также испытуемые, говорящие на разных языках. Гипотеза о межнациональном (“универсальном”) характере звукового символизма получила своё экспериментальное подтверждение в исследованиях С. Цуру и Г. Фриза (1934), Л. Алпорта (1935), Р. Брауна и его сотрудников (1955-1959), использовавших методику подбора (вариант “2 – 2”) (обзор работ см. в [Brown 1958]) и в работе М. Майрона [Miron 1961], применившего процедурный вариант с искусственными словами типа СГС. Однако появление работы И. и М. Тэйлоров [Taylor / Taylor 1962], положившей начало третьему, наиболее драматическому, этапу в изучении СЗС, поставило под сомнение полученные ранее результаты. Искусно полемизируя со своими противниками, И. и М. Тэйлоры, особенно И. Тэйлор, вели борьбу в двух направлениях – деструктивном и конструктивном. Критика в работах Тэйлоров была направлена прежде всего на ошибки процедурного характера во всех предшествующих экспериментах, проведённых с помощью методики подбора. Тем самым лишился оснований вывод об универсальном характере звукового символизма. Конструктивная программа Тэйлоров основывалась на результатах экспериментального изучения английского, корейского, тамильского и японского языков. Используя вариант “1 – 5”, Тэйлоры предложили носителям соответствующего языка – школьникам – оценить по 4 шкалам 144 искусственных слога типа СГС. Слоги типа СГС были получены Тэйлорами на основе так называемого «**латинского квадрата**» (подробнее см. Приложение к этой книге). Полученные данные были интерпретированы следующим образом.

1. Звуковой символизм носит не универсальный, а национальный, специфический характер. Так, в английском языке звук /t/ оценивается как “маленький”, а в корейском – как “большой”.

2. В основе звуко-символизма лежит приобретённый в процессе обучения языку речевой навык (language habit), закрепивший ассоциацию между определёнными звуковыми и семантическими единицами. Например, фонема [g] в английском языке встречается в начале слов, связанных с понятием “большой” (grand – “грандиозный”, great – “великий”, grow – “расти”, gain – “прирост”, gross – “большой, тучный” и т.п.), и поэтому испытуемые оценивают

СГС с начальным [g] как “большое”. Чем теснее генетическая связь между языками, тем в большей степени должны совпадать их звукосимволические свойства, и наоборот.

Свою концепцию Тэйлоры называли “**теорией обратной связи**”. В психолингвистической литературе её вполне справедливо принято считать разновидностью **ассоциативной теории**.

Среди зарубежных работ, опубликованных в 60-90 г.г., следует также отметить серию полемических статей Дж. Вейса (J.H. Weiss), интересную, но, к сожалению, мало известную у нас книгу западногерманского психолога С. Эртеля и несколько статей других авторов, в частности Р. Тарте, А. Кориат, Де Вито (см. Tarte 1974; Tarte / Barrit 1971; Koriat 1975; De Vito / De Vito / Civicly 1972).

Выводы С. Эртеля об универсальном характере СГС и синестезической, неассоциативной, основе его функционирования вытекают из серии экспериментов, в результате которых выяснилось, что испытуемые немцы и чехи (студенты и школьники) приписывают одинаковые значения искусственным словам типа *oka* – *elin*. Р. Тарте и Л. Бэррит, использовавшие аналогичную процедуру (англичанам и чехам предъявляли искусственные слова и рисунки), делают более осторожные выводы, справедливо полагая, что для окончательного решения вопроса об универсальном характере СЗС требуются дальнейшие эксперименты [см. Tarte 1974].

Таким образом, существование универсальных или, по крайней мере, межнациональных фоносемантических соответствий требуют дальнейшего экспериментального подтверждения. При этом возможно использование двух процедурных вариантов: 1) оценка фоносемантических свойств одних и тех же звуков или звуковых комплексов (слов) испытуемыми разных национальностей (упомянутые эксперименты С. Эртеля, Р. Тарте, Л. Бэррит и др.) с последующим корреляционным анализом полученных результатов; 2) сравнение установленных экспериментальным путём символических свойств звуков в различных языках. Оба процедурных варианта используются в нашей работе.

2.3. Звуки или звукобуквы?

Хотя нас с А.П. Журавлевым объединяли общие научные интересы и теплые товарищеские отношения, не следует думать, что между нами отсутствовали споры по тем или иным вопросам.

Возражая против методики, предложенной Тэйлорами, и полемизируя со мной, А.П. Журавлев писал в своей книге «Фонетическое значение» следующее:

«В сходных звукосочетаниях для носителей разных языков существенными становятся разные дифференциальные фонологические признаки. Например, для английского языка признак мягкости – твердости фонологически несуществен, и английские информанты не будут на него заметно реагировать. Поэтому при статистической обработке можно считать, что в «английских» звукосочетаниях *dip* и *dop* начальные звуки воспринимаются информантами как одинаковые. Но русские

информанты, как будет показано ниже, четко реагируют на изменения мягкости – твердости, поскольку этот признак в русском языке является дифференциальным. Следовательно, начальные звуки в «русских» звукосочетаниях *дип* и *доп* будут восприниматься как различные. В эксперименте В.В. Левицкого это обстоятельство не учтено, поэтому результаты для начальных согласных, по крайней мере для русского и украинского языков, не могут сравниваться с соответствующими результатами по другим языкам» (Журавлев 1974: 27).

Однако аргументы, приведенные А.П. Журавлевым, свидетельствуют, наоборот, против применяемой им методики. Выше мы показали, что, во-первых, при использовании латинского квадрата экспериментатор получает данные о символике звука во всех его основных позициях, допустимых в данном языке (например, в сочетаниях *тид*, *тад*, *тюг*, *тум* и т.п.). Во-вторых, в результате обработки данных экспериментатор может получить три типа оценок: а) для «смешанных» типов (например, без учета палатальных и велярных); б) для велярных согласных; в) для палатальных согласных (отдельно обрабатываются оценки /т/ в сочетаниях *тад*, *тум* и т.п. и отдельно – в сочетаниях *тид*, *тюг* и т.п.). Именно такая процедура осуществлена нами при изучении символики украинских гласных и согласных (см. Левицкий 1973). Наоборот, если в эксперименте А.П. Журавлева испытуемым предъявлялись буквы, которые произносил экспериментатор и которые были записаны в анкете испытуемого, остается неясным, каким образом экспериментатор предъявлял испытуемым палатальные звуки, обозначенные во всех итоговых таблицах (см. Журавлев 1974: 70 и др.) как *н'*, *л'*, *м'*, *с'* и т.д. Случайно или неслучайно этот важный процедурный компонент обойден в работах А.П. Журавлева молчанием? Если автор полагает, что носителем фонетического значения является звукобуквенный психический образ, который ... осознается и четко закрепляется лишь под влиянием буквы» (Журавлев 1974: 36), то следует заметить, что таких букв, как *л'*, *н'*, *м'* и т.п., которые, очевидно, предъявлялись испытуемым, в русском языке не существует и, следовательно, никакого психического образа *н'* или *м'* в сознании испытуемых не могло быть. Как произносил экспериментатор изолированные буквы, обозначающие палатальные согласные? Как *ль*, *мь*, *нь*? С какой буквой ассоциировался испытуемыми графический знак, обозначающий палатализацию? С запятой?

Уже в те далекие 70-е годы было ясно, что основным мотивом, побуждавшим А.П. Журавлева предъявлять испытуемым «звукобуквенный образ», были не изложенные им выше «теоретические» принципы («звукобуквенный образ», «несовпадения в фонологической системе различных языков», «наличие/отсутствие палатализации» и т.п.), а чисто практические соображения. Еще в 1973 году я писал:

«Неоспоримым преимуществом методики А.П. Журавлева является ее экономичность при подготовке и особенно при обработке материала. Влияние «языковой привычки» ни та, ни другая процедура (особенно при неправильно данной инструкции) также не исключает полностью. Если в будущем будет обнаружена значимая корреляция между данными, полученными с помощью предъявления СГС, и данными, полученными с помощью предъявления изолированных букв,

то безусловное предпочтение (из-за ее экономичности) надо будет отдать методике А.П. Журавлева. До тех пор, пока такая корреляция не установлена, преимущества остаются на стороне методики «СГС»⁸ – см. Левицкий 1973: 20.

Попытаемся сравнить данные, полученные А.П. Журавлевым и нами в 1970-е годы (см. Левицкий 1973: 25-26; Журавлев 1974: 46-49). Аналогичное сравнение осуществил А.П. Журавлев в 1974 году (см. Журавлев 1974: 58). Мы располагаем данными по двум шкалам – шкале «размера» (у нас «маленький – большой»; у Журавлева «большой – маленький») и шкале «оценки» (у нас «приятный-неприятный»; у Журавлева «хороший-плохой»). Русские гласные по шкале размера в нашем эксперименте располагаются так (от «маленького» к «большому»): *и, а, у, э, о, ы*; в эксперименте А.П. Журавлева: *и, у, а, э, ы, о*. Используем для сравнения ранговую корреляцию (см. табл. 1)

Таблица 1

Ранговая корреляция гласных русского языка по шкале размера

гласные	Ранги		Разница рангов d	d ²
	Левицкий	Журавлев		
и	1	1	0	0
а	2	3	1	1
у	3	2	1	1
э	4	4	0	0
о	5	6	1	1
ы	6	5	1	1
				$\Sigma d^2 = 4$

$$r = +0,89; df = 4$$

Коэффициент корреляции достаточно высок и при $df = 4$ обладает необходимой статистической значимостью. Это значит, что существенных расхождений между данными А.П. Журавлева и нашими данными не установлено. Иные результаты мы получаем по шкале оценки (см. табл. 2).

Таблица 2

Ранговая корреляция гласных русского языка по шкале оценки

гласные	Ранги		Разница рангов d	d ²
	Левицкий	Журавлев		
и	1	3	2	4
о	2	2	0	0
а	3	1	2	4
у	4	5	1	1
э	5	4	1	1
ы	6	6	0	0
				$\Sigma d^2 = 10$

⁸ Применение многосложных сочетаний нецелесообразно, однако может быть использован и такой вариант (например, для выяснения роли ударения).

$$r = +0,71; df = 4$$

Хотя коэффициент r достаточно высок, необходимой значимостью он не обладает. Между оценками гласных по шкале оценки наблюдаются заметные расхождения. При аналогичном сравнении оценок согласных установлено следующее: по шкале размера $r = +0,55$ при табличном значении $r = 0,58$ (величина коэффициента «не дотягивает», чтобы быть значимой); по шкале оценки, как и следовало ожидать, коэффициент оказался еще меньшим: $r = +0,47$ при табличном 0,58. Значимости нет. В книге А.П. Журавлева приведены иные числа, **что** объясняется, по-видимому, ошибками в арифметических вычислениях; читатель при желании может убедиться в этом сам. Однако общие выводы А.П. Журавлева совпадают с нашими (Журавлев 1974: 58).

Итак, только по шкале размера оценки символических значений звуков русского языка обнаруживают достаточно заметное сходство в результатах, полученных А.П. Журавлевым и нами. Мы далеки от мысли полагать, что полученные нами оценки являются «эталонными». Требуются дополнительные эксперименты с участием большего числа испытуемых, чтобы ответить на вопрос, какая из методик приближает нас в большей степени к «истине». Небезынтересно заметить, что, по некоторым данным, сами по себе формы букв могут вызвать у носителя языка определенные ассоциации: А – «пробуждение», Г – «хватание, получение», Е – «выход энергии», М – «чувство удовлетворения», W – «сплоченность» и т.п. (цит. по: Калита 2001: 56). Такого рода факты в еще большей степени ставят под сомнение методику А.П. Журавлева. Можно предположить, что А.П. Журавлев получил бы совершенно различные результаты при предъявлении букв $г$ и $з$ (например, по шкале «округлый-угловатый») – ср. данные, приводимые в [Прокофьева 2007: 119].

Не исключено также, что формы кириллического $г$ и латинского g могут также оказать влияние на оценку соответствующих звуков по шкале формы. На возможность влияния графики на «мотивирование означающим» указывал ещё Ш. Балли (Балли 1955: 149-150); возможное влияние графики на результаты экспериментов, в которых буква О связывается с понятием «черный», обсуждается в [Fischer-Jørgensen 1978: 87].

Все это позволяет сделать вывод, что форма буквы, действительно, может повлиять на результаты экспериментов; но это лишь укрепляет нас во мнении, что в психолингвистических экспериментах необходимо использовать такие методики, где одни и те же «звукобуквы» окажутся в различном окружении.

Вот почему мы по-прежнему настаиваем на том, что методика с предъявлением материала в форме СГС (по схеме «латинский квадрат») является более корректной. Если, как мы отмечали еще 30-35 лет назад, существенных различий между результатами, полученными по этой методике, и результатами по методике А.П. Журавлева обнаружено не будет, экономичность второй методики делает ее, безусловно, более предпочтительной.

3. Оценка символических свойств звуков испытуемыми различных национальностей

В качестве объекта изучения были использованы 15 гласных, составляющих систему вокализма немецкого языка (из анализа была исключена лишь фонема [ə]). Из всех звуков было составлено 16 бинарных оппозиций типа [a – i], [u: – u] и т.д. Оппозиции подбирались двумя экспериментаторами (В.И. Кушнериком, В.В. Левицким) независимо друг от друга, так чтобы были учтены различия гласных по долготе, степени открытости, т.е. подъёму, лабиализованности, ряду.

Звуки предъявлялись испытуемым в письменной форме, в виде анкеты, в которой делались необходимые разъяснения и помещалась инструкция. В качестве испытуемых выступали студенты немецкого отделения факультета иностранных языков Черновицкого университета, родным языком которых является украинский и русский, и студенты-стажёры филологического факультета Воронежского университета, родным языком которых является немецкий. Все гласные оценивались по двум шкалам (“сила” и “оценка”) с перерывом в 1-2 недели. Использовалась пятибалльная шкала, т. е. “форма” предъявляемого материала включала 2 элемента, а “содержание” – 5 (процедура “2 – 5”). Каждый звук оценивался не менее, чем 30 информантами одной национальности. Результаты эксперимента отражены в табл. 3. Корреляционный анализ двух рядов оценок показал, что коэффициенты корреляции по шкале силы $r_1 = +0,76$, по шкале оценки $r_2 = +0,77$ (при табличном значении $r = 0,68$, $P = 0,01$). Иначе говоря, между обоими рядами оценок установлена статистически значимая корреляция.

Таблица 3

Корреляция между результатами двух экспериментов

Звуки	Шкала		Шкала	
	ЧГУ	ВГУ	ЧГУ	ВГУ
а	3,33	3,41	3,41	3,65
а:	4,00	4,07	3,67	3,94
е:	3,24	3,55	3,10	3,16
ε	2,41	2,50	2,76	2,54
ε:	2,96	3,61	2,57	2,10
і	2,60	2,10	3,27	2,83
і:	3,34	3,97	3,20	2,26
О	2,71	2,52	3,08	2,91
о:	3,68	4,13	3,60	3,90
œ	3,16	3,03	3,13	3,19
ø:	2,96	3,68	3,33	3,45
u	3,20	2,92	2,93	3,02
u:	3,72	4,13	2,67	2,71
у	3,36	3,05	2,87	3,21
у:	2,84	3,00	3,10	3,39

Следует подчеркнуть, что наличие корреляции между оценками испытуемых различных национальностей звуков одного и того же языка *вовсе не означает, что испытуемые одной национальности (например, украинцы или русские) могут быть использованы в качестве испытуемых для исследования символических звуков иного языка (например, немецкого или русского)*. Проведенный эксперимент свидетельствует лишь о том, что испытуемые, говорящие на различных языках, используют в оценке символических значений звуков какой-то сходный механизм.

4. Субъективный звуковой символизм

Существование субъективного звукового символизма, т.е. определённых соответствий между звуковыми и семантическими единицами в психике носителей того или иного языка, не вызывает сомнений уже с тех пор, как были опубликованы экспериментальные исследования Э. Сэпира и С. Ньюэна. Однако, как показано выше (см. часть 1, 2.2.), до сих пор остаётся неясным, носят ли звуко-символические правила национально-специфический, межнациональный или универсальный⁹ характер. Чтобы продемонстрировать межнациональный характер звукового символизма, необходимо, как минимум, убедительно доказать, что звуко-семантические соответствия не зависят от генетической близости языков или, по крайней мере, зависят не только от этой близости, и что однотипные звуковые единицы в различных языках обладают сходным набором символических значений. К сожалению, сравнение оценок символических свойств звуков различных языков сопряжено с серьёзными трудностями. Во-первых, такое сравнение предполагает проведение большого числа трудоёмких экспериментов по различным шкалам на материале многих языков. Во-вторых, необходимо, чтобы обследование проводилось по сходной методике, по сопоставимым шкалам и т.д. Между тем, психолингвистика располагает в этой области лишь скудными, выполненными с помощью различных процедур и поэтому трудно сопоставимыми фактами. В табл. 4-13 собраны и представлены данные о символических значениях гласных и согласных в английском, немецком, русском, украинском, молдавском¹⁰, венгерском языках по нескольким шкалам. В крайнем правом столбце каждой таблицы указан источник, из которого почерпнуты соответствующие сведения (сведения о тамильском, японском и корейском языках взяты из упомянутой выше статьи И. и М. Тэйлоров). Понятно, что число гласных и согласных в различных языках не совпадает; кроме того, не одинаково число звуков, подвергнутых экспериментальному изучению (например, И. и М. Тэйлоры обследовали только по 6 гласных и 12 согласных, в то время как для украинского языка собраны данные по 40 согласным). В таблицах

⁹ Различия между понятиями “межнациональный” и “универсальный” звуко-символизм, очевидно, весьма относительны. Тем не менее, будем полагать, что звуко-символизм носит межнациональный характер, если обнаружено фоно-семантическое сходство между генетически родственными языками; если такое сходство обнаружено между неродственными языками, можно говорить об универсальном характере звукового символизма. Понятие “универсальность” уточняется далее на с. 61, 67. .

¹⁰ За языком сохранено название, использовавшееся во время проведения эксперимента и в публикациях, содержащих изложение итогов этого эксперимента [см. Левицкий 1979]. Разумеется, автор уважает право любого человека называть свой язык и свою национальность так, как он считает необходимым.

представлены не оценки символических значений, а ранги звуков между полюсами шкал. Это облегчает дальнейший сопоставительный анализ данных. Из согласных русского и украинского языков к сопоставлению привлечены только твёрдые звуки (данные о палатальных согласных представлены в работах [Журавлёв 1974], [Левицкий 1973]). Французские гласные по шкале размера представлены двумя рядами – передними и задними – в соответствии с тем, как был организован и проведён эксперимент Ж.-М. Петерфальви.

Каким же образом можно сравнить имеющиеся в современной психолингвистике данные о субъективном звуковом символизме? Прежде всего преобразуем таблицы 4 и 5, где представлено максимальное число языков, таким образом, чтобы в этих таблицах остались только общие для всех языков фонемы (как в экспериментах Эртеля и Тэйлоров, отвлечёмся при этом от некоторых специфических особенностей звуков в тех или иных языках).

В табл. 14 и 15 представлено после выполненных операций соответственно по 10 согласных и 5 гласных звуков. Для того, чтобы делать какие-либо выводы о сходстве или несходстве символических свойств звуков в различных языках, необходимо выяснить, не зависит ли распределение звуков в таблицах 14 и 15 от генетического родства языков. Выборочное попарное сравнение распределения звуков в обеих таблицах с помощью ранговой корреляции обнаружило следующее: корреляция между английским и немецким языками, выраженная коэффициентом ранговой корреляции, равна +0,15, между русским и украинским +0,38, между английским и молдавским +0,24, между молдавским и тамильским +0,25, между русским и венгерским +0,28, между украинским и тамильским +0,33, между молдавским и украинским +0,67. Таким образом, если сравнить величины коэффициентов для близкородственных языков (английский + немецкий, русский + украинский) с величинами коэффициентов между неродственными языками (украинский + тамильский, русский и венгерский) или между языками неблизкородственными (украинский и молдавский), то со всей определённостью можно сделать вывод о том, что *звукосимволическое сходство между языками не зависит от их генетического родства*. Этот вывод полностью подтверждается данными, полученными на ином материале [см. Левицкий 1973: 27-28; Левицкий / Стернин 1989: 170].

Таблица 4

Ранги согласных в 9 языках (“маленький – большой”)

ЯЗЫКИ	р а н г и																								источники
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	
английский	t	p	k																			b	d	g	Newman, 1933
английский	n	p	ʃ	t	s	d													r	b	dʒ	m	k	g	I.Taylor, M.Taylor, 1962
английский	p	t	s	f	θ	z	h	k	l	ʃ	ŋ	tʃ	j	dʒ	n	m	ð	b	d	r	v	w	z	g	Комарницкая, 1985
немецкий	ç	s	f	p	k	t	ts	tʃ	h	n	l		r	m	pf	ŋ	d	v	j	b	z	g	x	ʃ	Кушнерик, 1987
русский	ч	й	ц	с	п	х	к	ш	т	ф					г	м	ж	з	л	б	н	р	в	д	Журавлёв, 1974
русский	п	л	с	м	т	н													к	ш	д	г	р	б	Левицкий, 1973
украинский	й	к	н	з	ц	п	ш	м	л	с	в			ф	х	дж	дз	д	г	ч	р	ж	т	б	Левицкий, 1973
молдавский	л	ф	м	ш	н	в	п	к	с	ц					х	ж	дж	г	т	з	ч	б	д	р	Левицкий, 1979
венгерский	h	ts	p	t	f	j	k	v	b	l					g	n	z	tʃ	m	ʒ	d	ʃ	s	r	Левицкий, 1977
корейский	dʒ	m	n	r	g	d													b	ʃ	k	s	p	t	I.Taylor, M.Taylor, 1962
тамильский	d	k	m	ʃ	t	g													s	p	n	r	b	dʒ	I. Taylor, M. Taylor, 1962
японский	r	p	s	t	k	m													n	ʃ	dʒ	b	g	d	I. Taylor, M. Taylor, 1962

Таблица 5

Ранги гласных в 10 языках (“маленький – большой”)

ЯЗЫКИ	р а н г и															ИСТОЧНИКИ
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
английский	i	e	ɛ											¾	a	Newman, 1933
английский	i	e	a										U	o	u	I.Taylor, M.Taylor, 1962
английский	i	ə:	Λ	e	u	i:					u:	¾	o:	o	a:	Комарницкая, 1985
немецкий	i	o	ɛ	a	œ	u	y	y:	ɛ:	e:	ø:	i:	a:	o:	u:	Кушнерик, 1987
русский	и	у	э										а	ы	о	Журавлёв, 1974
русский	и	а	у										э	о	ы	Левицкий, 1973
украинский	i	e	o										и	у	а	Левицкий, 1973
молдавский	и	e	э	y									ы	о	а	Левицкий, 1979
венгерский	i	e	a										y	u	o	Левицкий, 1977
корейский	a	u	i										e	U	u	I.Taylor, M.Taylor, 1962
тамильский	e	U	u										a	i	o	I.Taylor, M.Taylor, 1962
французский (передние)	i	y	e										ø	ɛ	œ	Peterfalvi, 1970
французский (задние)	u	o												O	a	Peterfalvi, 1970
японский	U	e	u										i	a	o	I.Taylor, M.Taylor, 1962

Таблица 6

Ранги согласных по шкале оценки (“неприятный – приятный”)

языки	р а н г и																						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
немецкий	pf	ts	x	tʃ	г	р	k	s	t	ʃ	f	ç	v	j	п	g	η	b	z	d	l	h	m
русский	х	ф	ш	ц	ж	с	п	г	з	к				т	ч	й	в	р	м	н	д	б	л
украинский	х	дж	ч	д	дз	ф	ц	г	б	й		т	ж	р	ш	в	с	з	п	к	н	м	л
молдавский	п	ш	р	м	г	л	ц	н	ч	т				в	к	ж	б	х	з	ф	дж	д	с
немецкий	х	s	ks	k	г	t	j	ts	р	ç	f		ʃ	g	b	η	d	h	n	z	v	l	m

Таблица 7

Ранги гласных по шкале оценки (“неприятный – приятный”)

языки	р а н г и							источники
	1	2	3	4	5	6	7	
немецкий	е	i	о	u	œ	y	a	Кушнерик, 1987
русский	ы	у	э		и	о	a	Журавлёв, 1974
украинский	у	и	е		о	a	i	Левицкий, 1973
молдавский	э	е	ы	у	и	a	о	Левицкий, 1979
немецкий	е	y	œ	i	u	о	a	Ertel, 1969

Таблица 8

Ранги согласных по шкале силы (“слабый – сильный”)

языки	р а н г и																								источник и
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	
англий- ский	h	j	n	θ	f	dʒ	ʒ	p	l	ŋ	s	p	m	t	ʃ	d	k	ɾ	b	v	w	z	tʃ	g	Комарниц- кая, 1985
немец- кий	h	ç	v	l	j	b	ŋ	g	d	n	m	f		z	s	ɾ	p	k	t	x	ʃ	ts	pf	tʃ	Кушнерик 1987
рус- ский	п	ч	ц	к	ф	х	т	ш	й	м					с	г	ж	н	з	л	б	д	в	р	Журавлёв, 1974
украин- ский	й	ч	дз	х	п	ф	т	с	л	ш	в			ц	н	м	з	к	ж	г	б	д	дж	р	Левиць- кий, 1973
молдав- ский	л	ф	ш	п	с	н	м	х	в	г					к	т	ч	ц	б	з	ж	дж	д	р	Левицкий, 1979
немец- кий	l	m	v	n	z	h	ŋ	b	g	d	j			ç	ʃ	f	x	ks	ts	p	ɾ	t	s	k	Ertel, 1969

Таблица 9

Ранги гласных по шкале силы (“слабый – сильный”)

языки	р а н г и															источники
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
английский	ə:	e	i	Λ	О	u					¾	o:	a:	i:	u:	Комарницкая, 1985
немецкий	i	ε	О	a	υ	y:	œ	y	e:	ε:	ø:	i:	a:	o:	u:	Кушнерик, 1987
русский	и	у	а										ы	э	о	Журавлёв, 1974
украинский	i	и	е										а	о	у	Левицкий, 1973
молдавский	е	ы	и	э									у	о	а	Левицкий, 1979
немецкий	О	ø	y:	o:	e:	y	i:	u:	ε:	a:	υ	œ	i	e	a	Ertel, 1969

Таблица 10

Ранги согласных по шкале активности (“медленный – быстрый”)

языки	ранги																								источники
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	
английский	η	ð	n	w	š	m	v	z	l	dž	θ	ž	h	b	g	d	f	j	tš	s	p	k	r	t	Комарницкая, 1985
немецкий	š	η	m	z	h	n	v	j	b	l	tš		d	x	ç	g	ts	r	f	pf	k	p	t	s	Кушнерик 1987
русский	н	х	м	л	ф	ж	ш	с	р	з					д	в	ц	г	к	т	ч	п	б	й	Журавлёв, 1974
украинский	ц	ф	й	м	ч	х	л	с	т	п	дж			ж	ш	дз	в	н	д	к	з	г	р	б	Левицкий, 1973
молдавский	н	ш	м	ф	т	ч	л	х	с	п					к	ж	дж	б	г	в	ц	д	р	з	Левицкий, 1979
немецкий	m	l	v	b	n	η	z	h	d	g	ç			j	š	x	f	r	k	p	t	ts	ks	s	Ertel, 1969

Таблица 11

Ранги гласных по шкале активности (“медленный – быстрый”)

ЯЗЫКИ	р а н г и															источники
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
английский	a:	О	О:	u:	¾	i:					u	e	Λ	О:	i	Комарницкая, 1985
немецкий	u:	o:	a:	ø:	e:	ε:	y:	О	υ	i:	a	y	œ	e	i	Ertel, 1969
немецкий	u:	o:	a:	i:	ø:	e:	ε:	y:	υ	œ	ø:	a	ε	О	i	Кушнерик, 1987
русский	a	и	о										э	у	ы	Журавлёв, 1974
украинский	i	a	e										у	о	и	Левицкий, 1973
молдавский	ы	у	э	о									е	и	а	Левицкий, 1979

Таблица 12

Ранги согласных по шкале температуры (“холодный – горячий”)

ЯЗЫКИ	р а н г и																							источники
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	
немец- кий	k	г	t	p	x	ts	pf	f	s	ç	l	b	š	j	g	h	n	d	z	v	η	tš	m	Кушнерик, 1987
рус- ский	р	м	б	л	д	ц	з	г	к	н				х	с	ф	п	т	ш	й	в	ж	ч	Журавлёв, 1974
украин- ский	дж	ж	т	з	дз	г	р	с	ф	д	ч		б	н	ш	х	к	м	ц	л	п	в	й	Левиць- кий, 1973
молдав- ский	з	р	б	в	т	г	м	ч	н	л				п	с	х	ц	к	д	ш	ж	ф	дж	Левицкий, 1979

Таблица 13

Ранги гласных по шкале температуры (“холодный – горячий”)

языки	р а н г и															источники
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
немецкий	i	ε	y	О									а	υ	œ	Кушнерик, 1987
русский	ы	о	у										э	а	и	Журавлёв, 1974
украинский	о	е	у										и	а	і	Левицкий, 1973
молдавский	а	э	ы	у									о	е	и	Левицкий, 1979

Таблица 14

**Ранги согласных в 9 языках
 (“маленький – большой”)**

языки	р а н г и										источники
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
английский	n	p	š	t	s	d	r	b	m	k	I.Taylor, M.Taylor, 1962
немецкий	s	p	k	t	n	r	m	d	b	š	Кушнерик, 1987
русский	s	p	k	š	t	m	b	n	r	d	Журавлёв, 1974
украинский	k	n	p	š	m	s	d	r	t	b	Левицкий, 1973
молдавский	m	š	n	p	k	s	t	b	d	r	Левицкий, 1979
венгерский	p	t	k	b	n	m	d	š	s	r	Левицкий, 1977
корейский	m	n	r	d	b	š	k	s	p	t	I.Taylor, M.Taylor, 1962
тамильский	d	k	m	š	t	s	p	n	r	b	I.Taylor, M.Taylor, 1962
японский	r	p	s	t	k	m	n	š	b	d	I.Taylor, M.Taylor, 1962

**Ранги гласных в 9 языках
("маленький – большой")**

языки	р а н г и				
	1	2	3	4	5
английский	i	e	a	o	u
немецкий	i	o	e	a	u
русский	i	u	e	a	o
украинский	i	e	o	u	a
молдавский	i	e	u	o	a
венгерский	i	e	a	u	o
корейский	a	o	i	e	u
тамильский	e	u	a	i	o
японский	e	u	i	a	o

В таблицах 14 и 15 обращает на себя внимание неравномерное распределение звуков на полюсах шкал. Так, звук /p/ представлен в левых четырёх столбцах таблицы 14 семь раз (в английском, немецком, русском, украинском, молдавском, венгерском и японском языках). Наоборот, звук /b/ чаще встречается в правых четырёх столбцах (семь раз). Распределение согласных и гласных на полюсах шкал (по четыре столбца в табл. 14 и по 2 столбца в табл. 15) представлено в табл. 16 и 17. В этих таблицах явно неравномерно распределены частоты звуков /p/, /k/, /t/, /b/, /d/, а также /i/, /e/, /o/, /a/. Проверить, существенно или несущественно отличаются друг от друга частоты распределения указанных звуков, можно с помощью **критерия хи-квадрат**.¹¹ Для нахождения величины хи-квадрат представим найденные частоты звуков в виде альтернативных таблиц (см. табл. 18 и 19). Судя по величине хи-квадрат (13,1 и 11,9) распределение согласных и гласных на полюсах шкал носит неравномерный характер. Иначе говоря, полюс "маленький" символизируется гласными /i/, /e/ и согласными /p/, /k/, полюс "большой" – гласными /o/, /a/ и согласными /t/, /b/, /d/.

Таблица 16

Частоты согласных на полюсах шкалы размера

полюса	з в у к и									
	п	р	š	t	s	k	m	r	b	d
маленький	4	7	5	4	3	5	3	2	1	2
большой	3	2	3	3	2	1	2	6	7	6

Таблица 17

Частота гласных на полюсах шкалы размера

полюса	з в у к и				
	i	e	a	o	u
маленький	6	6	1	2	3
большой	1	1	5	6	5

¹¹ Техника нахождения величины χ^2 (хи-квадрат) рассмотрена далее в разделе 8.

Таблица 18

**Альтернативное распределение частот звуковых комплексов
на полюсах шкалы размера**

полюса	звуковые комплексы		всего
	[p, k]	[r, b, d]	
маленький	12	5	17
большой	3	19	22
всего	15	24	39

$$\chi^2=13,14$$

$$P=0,01$$

$$K=0,58$$

Таблица 19

**Альтернативное распределение частот звуковых комплексов
на полюсах шкалы размера**

полюса	звуковые комплексы		всего
	[i, e]	[a, o, u]	
маленький	12	6	18
большой	2	16	18
всего	14	22	36

$$\chi^2=11,7$$

$$P=0,01$$

$$K=0,57$$

Изменения комбинации языков и комбинации звуков не вносит каких-либо существенных корректив в полученный вывод [см. Левицкий 1975: 56-57; Левицкий / Комарницкая / Кушнерик 1986: 174-175].

Аналогичный анализ, осуществленный для табл. 6-14, т.е. для таблиц, в которых представлено распределение гласных и согласных по шкалам силы, активности, температуры, оценки (учитывалось по 4 согласных и по 3 гласных на каждом полюсе шкалы), показал, что по некоторым шкалам наблюдается статистически существенное различие в распределении частот гласных и согласных (см. табл. 20).

Таблица 20

Статистически существенное распределение частот гласных и согласных

Шкалы	Гласные	Согласные
размер	[i, e] – [a, o, u]	[p, k] – [r, b, d]
сила	[e, i] – [a, o, u]	[l] – [r, d]
активность	[i, e] – [a, o, u]	[m, n] – [r, t, p]
оценка	–	[m, n, l, d] – [ts, tʃ, ʃ, x]
температура	–	[v, tʃ, ɲ, j] – [r, z, b]

Из табл. 20 видно, что чаще всего противопоставление семантических признаков осуществляется путем противопоставления звука *r* (по четырем шкалам из 5) звукам *l, m, n*, а также звонких *b, d* глухим *p, t, k*. Исключение

составляет шкала оценки, где «приятным» *m*, *n*, *l* (отнесение к «приятным» звука *d* интуитивно воспринимается как сомнительное) противопоставляются «неприятные» фрикативные и аффрикаты *ts*, *tʃ*, *ʃ*, *x*. Вместе с тем в целом ряде случаев наблюдаются противоречия. Так, упомянутый звук *d* в украинском языке оценивается как «неприятный» (см. табл. 6); звук *a* в молдавском оценивается как «холодный», а в немецком, русском и украинском – как «горячий» (табл. 13). Звук *b* в немецком по данным Э. Эртеля оценивается как «медленный», по данным В.И. Кушнерика оценка этого звука приближается к нейтральной (9-е место), а в остальных языках *b* оценивается как «быстрый». Список таких противоречий можно было бы продолжить.

Представляется, однако, что сопоставление символических свойств фонетических систем различных языков окажется более эффективным, если осуществить анализ не на уровне фонем, а на уровне фонетических признаков. В этом случае анализу можно подвергнуть все представленные в таблицах 4-13 звуки. Наборы фонетических признаков, составляющих все анализируемые звуки, были установлены по соответствующим авторитетным источникам. После выполнения указанных процедурных условий полученные нами таблицы были преобразованы в таблицы признаков и на основе последних составлены четырёхпольные (альтернативные) таблицы, которые подверглись статистической обработке с помощью критерия хи-квадрат.

Статистический анализ четырёхпольных таблиц позволил установить, что между некоторыми фонетическими и семантическими единицами существует статистически значимая связь (если для четырёхпольной таблицы полученная величина $\chi^2 \geq 3,84$).

Оказалось, что понятие “большой” символизируется признаками: [звонкость], [дрожание], [задний ряд], [нижний подъём], понятие “маленький” символизирует следующие признаки: [глухость], [латеральность], [передний ряд], [верхний подъём], [средний подъём]; понятие “сильный” – [звонкость], [смычно-фрикативность], [взрывность], [дрожание], [задний ряд], [лабиализованность]; понятие “слабый” – [глухость], [сонорность], [латеральность], [передний ряд], [нелабиализованность]; понятие “быстрый” – [смычность], [взрывность]; понятие “медленный” – [сонорность, фрикативность]. Для других признаков, названных в табл. 4-13, связи оказались статистически несущественными. Остаётся неясным, таким образом, носит ли символизация шкал температуры, света, твердости и некоторых других национальный или межнациональный характер. В украинском языке, например, шкала света символизируется противопоставлением [передний ряд] – [задний ряд], а в молдавском – [верхний подъём] – [нижний подъём], в символизации шкалы температуры между молдавским и украинским имеется сходство: в обоих языках релевантна оппозиция [губность] – [заднеязычность] (для согласных). Таким образом, полученные нами ранее (в 1973 году) результаты могут быть дополнены данными, основанными на: а) большем числе обследованных языков; б) большем количестве звуков; в) большем количестве шкал. В сделанный ранее вывод о том, что субъективный звуковой символизм носит межнациональный характер по шкале размера, следует внести коррективы: межнациональный характер СЗС зафиксирован и для других шкал.

Следует также сделать некоторые дополнительные выводы, касающиеся процедуры анализа. Как показывает накопленный опыт, носителями символических значений могут быть три типа фонетических единиц: звукотип (фонема), фонетический признак и единица, которую можно обозначить как **“звукосимволический комплекс”**. Звукосимволический комплекс представляет собой группу фонем, часто (но не обязательно) объединённых определёнными фонетическими признаками, которые, будучи противопоставленными другому звукосимволическому комплексу, образуют один из противочленов звукосимволической (экспрессивной) оппозиции (о коммуникативных и экспрессивных оппозициях см. подробнее в разделе 11), коррелирующей с оппозицией семантических признаков. Например, семантическая оппозиция [большой] – [маленький] символизируется с помощью оппозиции звуковых комплексов [i, e]: [o, a] или [p, k]: [b, r, d]. Расширение числа согласных (указанные комплексы получены на материале 10 согласных, представленных в табл. 14) показывает, что комплексы согласных по шкале размера включают в себя следующие звуки: [m, n, p, l, t, s]: [r, d, b, g, dž]; для шкалы силы оппозиция состоит из следующих комплексов [k, s, t, ts, p, r]: [l, v, m, n] [см. Левицкий / Стернин 1989: 180].

Хотя, как видно, из изложенного, существование межнациональных звукосимволических регулярностей для целого ряда шкал вряд ли оставляет какие-либо сомнения, думается всё же, что окончательный вывод можно будет сделать лишь после того, как будут получены исчерпывающие данные о символических свойствах гласных и согласных языков, представляющих различные языковые семьи (прежде всего, угро-финскую, тюркскую, семитскую и др.) *Поэтому изучение символических свойств звуков различных языков всё ещё остаётся актуальной задачей психолингвистики.*

5. Сравнительный анализ данных других авторов

К сожалению, большинство зарубежных исследований субъективного символизма выполнено с помощью методики подбора, которая позволяет устанавливать сходство языкового поведения испытуемых при подборе антонимичных пар слов неизвестных языков, но не позволяет устанавливать более или менее точные фонетико-семантические соответствия на уровне фонемы или фонетических признаков. Тем не менее, отдельные данные о символических свойствах звуков, которые можно было бы сопоставить с полученными нами результатами, поддаются некоторому обобщению. Как видно из табл. 5, С. Ньюман [Newman 1933] расположил гласные по шкале размера следующим образом: /i/, /e/, /ε/, /¾/, /a/. Согласные по этой же шкале С. Ньюман сгруппировал следующим образом: /t/, /d/, /p/, /b/, /k/, /g/. Следовательно, передние, верхние гласные, глухие, переднеязычные, губные согласные символизируют малый размер, а нижние гласные, звонкие и заднеязычные согласные – большой размер. Эти результаты полностью согласуются с полученными нами данными о семантико-фонетических соответствиях по шкале размера на уровне фонетических признаков. Звуки /i/ и /e/ по данным С. Ньюмана оказались не только “маленькими”, но и более

“светлыми”. Иначе говоря, шкала размера коррелирует со шкалой света. Такая же корреляция обнаружена нами на материале украинского языка (коэффициент корреляции $r = +0,78$; $P = 0,01$ [Левицкий 1973: 43]). Ж. Петерфальви исследовал символические свойства гласных французского языка, располагая их “сериями” – передние, задние и т. д. Как показано в табл. 5, по шкале размера серия передних располагается, по данным Ж. Петерфальви, следующим образом: [i], [y], [e], [ø], [ɛ], [œ], серия задних: [u], [o], [O], [a]. Нетрудно заметить, что эти результаты хорошо согласуются с результатами, полученными на материале других языков, но включить данные Ж. Петерфильви в табл. 15, к сожалению, оказалось невозможным, так как в этом случае возникли затруднения при ранжировании [i] и [u], занявших в каждой из двух серий первое место, а также двух типов [o], одно из которых необходимо отнести к полюсу “маленький”, а другое – [O] – к полюсу “большой”. Шкала “острый – тупой” символизируется гласными французского языка в таком порядке: i, ɛ, e, y, œ, ø, a, u, o, O, шкала света – тремя сериями гласных: i, ɛ, e, a // y, ¾, œ // u, O, o. Эти результаты в принципе совпадают с данными о символических свойствах гласных украинского и молдавского языков [Левицкий 1973; Левицкий 1979]. В молдавском языке гласные по шкале формы (от “острого” к “тупому”) располагаются так: и, е, а, о, э, у, ы; по шкале света (от “светлого” к “тёмному”): и, е, а, о, э, ы, у; в украинском языке по шкале света гласные следуют в таком порядке: i, e, o, и, у, а. Таким образом, звуки /i/ и /e/ символизируют понятие “светлый” во всех трёх языках – французском, молдавском и украинском. В работе [Jakobson/Waugh 1979] установлено, что /i/ ассоциируется со светлым, а /u/ с темным. Не подлежит сомнению и сходство символических свойств гласных по шкале формы в различных языках. Р. Тартэ и Л. Бэрритт [Tarte / Baritt 1971; Tarte 1974] на материале английского и чешского языков установили, что испытуемые (чехи и англичане) приписывают звук /u/ фигурам эллиптической формы, а звук /i/ – фигурам треугольной формы. Кроме того, в тех же экспериментах было обнаружено, что в обоих языках /a/ символизирует большой размер, а /i/ – малый размер. Т.А. Полукарова [Полукарова 1989: 54-55], исследовавшая английские гласные (испытуемыми выступали студенты английского отделения пединститута), установила, что передние гласные символизируют “нежный”, “безопасный”, задние – “мужественный”, “страшный”, лабиализованные гласные – “округлый”, нелабиализованные – “угловатый”. Сказанное даёт основание полагать, что шкала формы (“острый” – “тупой”) относится, по-видимому, к тому участку сенсорного континуума, где наблюдается наиболее четкое соответствие смысловых и звуковых единиц. Во всяком случае, символические свойства лабиализованных гласных по этой шкале обнаружены во множестве экспериментов (см., например, работу: [Слоницкая 1989: 32-33]). Л.Ф. Лихоманова установила, что /i/ связано в глаголах движениями со смыслами «быстрый», «короткий», «резкий», а /¾/, /u/, /Λ/ – с «медленный», «тяжелый».

В целом ряде зарубежных работ (прежде всего, в работах Дж. Охалы) установлена закономерность о соотношении качества гласных и согласных и их акустической частоты: высокий тон, гласные с высокой второй формантой

(типа /i/) и согласные **с** высокой акустической частотой ассоциируются с малым размером, остротой и быстрым движением; низкие тона, гласные с низкой второй формантой (типа /u/) и низкочастотные согласные ассоциируются с большим размером, мягкостью и медленным движением (Hinton et al. 1994: 10; см. также Berlin 1994: 91 и др.). Такой вывод согласуется с данными, полученными в [Ultaп 1978]: в 90 % обладованных языков небольшой размер символизируется передними высокими гласными (аналогичные данные получены нами в 1969 году – см. Левицкий 1969); ср. также с приведенными выше данными С. Ньюмана.

Наибольший интерес для сопоставительного анализа данных представляют результаты, полученные западногерманским психологом С. Эртелем, который обследовал символические свойства 22 согласных и 17 гласных немецкого языка по 18 шкалам. При сравнении данных С. Эртеля с данными других авторов следует иметь в виду два важных обстоятельства. Во-первых, после статистической обработки и проведения факторного анализа полученные С. Эртелем результаты по 18 шкалам были сведены к трём измерениям: сила, движение и оценка. Таким образом, помещенные в табл. 6-10 данные С. Эртеля представляют не “чистые” шкалы силы, движения и оценки, а усреднённые оценки по “объединённым” шкалам, полученным в соответствии с принятой в психолингвистике процедурой использования семантического дифференциала Ч. Осгуда. Во-вторых, чтобы наглядно представить испытуемым различия между краткими и долгими гласными, С. Эртель предъявлял им не бессмысленные слова и не отдельные буквописания (как это было сделано для согласных), а реально существующие в немецком языке слова, допуская при этом, с нашей точки зрения, грубую методическую ошибку, т.к., естественно, значения слов не могли не повлиять на действия испытуемых, оценивавших “звучание” этих слов по шкалам семантического дифференциала. Кстати, за эту же методическую ошибку С. Эртель критикует и канадских исследователей Тэйлоров (см. следующий раздел). Наконец, в список согласных С. Эртель включил звук, не являющийся фонемой в немецком языке (сочетание ks), но не включил некоторые сочетания, являющиеся фонемами (например, [pf]). Проведённый нами корреляционный анализ результатов экспериментов В.И. Кушнерика и С. Эртеля (учитывались только общие для обоих экспериментов фонемы – 21 согласная и 15 гласных) обнаружил следующее: для согласных коэффициенты ранговой корреляции равны: +0,76 [движение], +0,84 [оценка], +0,67 [сила]; для гласных коэффициенты равны: +0,84 [движение], –0,36 [сила], +0,39 [оценка]. Таким образом, для согласных во всех случаях наблюдается статистически значимая высокая положительная корреляция. Между гласными (кроме шкалы активности) корреляция отсутствует, что объясняется, с нашей точки зрения, прежде всего особенностями избранной С. Эртелем процедуры эксперимента. Этот вывод подтверждается двумя фактами: во-первых, совпадением оценок согласных в опытах С. Эртеля и В.И. Кушнерика; во-вторых, совпадением оценок гласных в экспериментах, проведённых в Черновицком университете (испытуемые – украинцы и русские) и в Воронежском университете (испытуемые – немцы) – см. табл. 3. Интересно отметить, что в языках, где имеется фонологическое

противопоставление долгих и кратких гласных (например, в немецком и в английском), это противопоставление используется при символизации целого ряда понятий. Как видно из табл. 9 и 11, понятие “медленный” символизируется в английском и немецком долгими гласными, а понятие “быстрый” – краткими (аналогичное противопоставление обнаружено Т.А. Полукаровой в английском языке), понятие “сильный” – долгими, “слабый” – краткими гласными.

Датская исследовательница Эли Фишер-Йоргенсен (Fischer-Jørgensen 1978) установила, что испытуемые-датчане соотносят понятие «толстый» преимущественно с /u/, /o/, /O/, а понятие «тонкий» – преимущественно с /e/, /ε/, /a/. Правда, следует заметить, что с методической точки зрения ее эксперимент построен некорректно: испытуемым предъявлялись реально существующие в датском языке слова, обозначающие понятия «толстый-тонкий», «мягкий-твёрдый», «слабый-сильный» и т.п., которые необходимо было соотнести с одной из названных выше групп гласных. Хотя автор отрицает влияние формы датских слов (наличия в них того или иного гласного) на выбор испытуемых, она все же отдаёт себе отчет в том, что такое влияние могло иметь место (с. 83).

Особое место в зарубежных исследованиях звукового символизма занимают работы И. и М. Тэйлоров. Думается, что анализу полученных ими данных следует посвятить отдельный раздел, так как на результатах своих экспериментов (см. раздел 2.2) Тэйлоры построили теорию порождения звукового символизма, резко отличающуюся от взглядов других исследователей.

6. Звуковой символизм в четырёх неродственных языках

В зарубежной науке участники дискуссий по тем или иным вопросам нередко прибегают в своих работах к одному довольно эффективному полемическому приёму: они подвергают проверке результаты исследований, полученные оппонентами. Так, И. Тэйлор [Taylor 1963] подвергла критическому анализу результаты многолетних исследований звукового символизма, выполненных с помощью методики подбора, и пришла к заключению, что эти результаты, вопреки утверждениям авторов соответствующих работ, не дают достаточных оснований для того, чтобы сделать вывод об универсальном и межнациональном характере звукового символизма. В свою очередь, С. Эртель детально проанализировал материал, который И. и М. Тэйлоры предъявили испытуемым – носителям четырёх упомянутых выше языков (английского, японского, корейского, тамильского), и обнаружил, что значительная часть (около 47%) “бессмысленных”, по утверждению Тэйлоров, трёхфонемных триграмм типа СГС на самом деле имеет то или иное лексическое значение в обследованных языках, а поэтому результаты, полученные Тэйлорами, могли быть обусловлены не действием звукосимволических факторов, а влиянием семантики слов, реально существующих в каждом из четырёх языков.

Предварительные наблюдения над распределением частот звуков, сделанные нами на материале, представленном Тэйлорами в программной

статье “Phonetic symbolism in four unrelated languages” (см. раздел 2.2), побуждает нас также подвергнуть дополнительному анализу данные Тэйлоров.

Прежде всего следует ещё раз напомнить, что в статье Тэйлоров полученные результаты сведены в таблицы, в которых представлены средние оценки 12 согласных и 6 гласных по 4 шкалам осгудовского дифференциала (размер, оценка, активность, температура).

Судить о том, имеются ли какие-либо различия в распределении исследованных звуков по полюсам шкал, по этим таблицам невозможно. Поэтому преобразуем таблицы Тэйлоров, как это сделано в разделе 4, таким образом, чтобы в полученных таблицах (см. табл. 21-28) гласные и согласные располагались в порядке уменьшения их средних оценок. В этом случае таблицы принимают следующий вид (см. в качестве образца табл. 25-26, где представлено распределение гласных и согласных по шкале активности). Уже беглое знакомство с таблицами 21-28 обнаруживает явное сходство в символизации полюсов шкал в четырёх языках. Так, в левой трети таблицы 25 сосредоточены взрывные /b/ и /t/ – по 3 раза, в правом – сонорные /m/ и /n/ – 4 раза. Аналогичное распределение частот наблюдается и в других таблицах. Для того, чтобы получить возможность использовать более строгие статистические критерии для обнаружения сходства или различия между языками, подвергнем все исходные таблицы с рангами гласных и согласных следующей обработке. Составим таблицы распределения частот звуков на полюсах шкал (в четырёх

Таблица 21

Ранги согласных по шкале размера по данным Тэйлоров

языки	р а н г и											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
английский	g	k	m	j	b	r	d	s	t	š	p	n
корейский	t	p	s	k	š	b	d	g	r	n	m	j
тамилский	j	b	r	n	p	s	g	t	š	m	k	d
японский	d	g	b	j	š	n	m	k	t	s	p	r

Таблица 22

Ранги гласных по шкале размера по данным Тэйлоров

языки	р а н г и					
	1	2	3	4	5	6
английский	u	o	U	a	e	i
корейский	u	U	e	i	o	a
тамилский	o	i	a	u	U	e
японский	o	a	i	u	e	U

Таблица 23

Ранги согласных по шкале оценки по данным Тэйлоров

языки	р а н г и											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
английский	š	t	m	j	b	n	d	p	k	s	g	r

корейский	r	š	m	k	b	j	p	t	n	g	d	s
тамилский	j	r	b	s	p	š	m	t	n	k	g	d
японский	r	t	p	j	s	m	š	n	d	k	b	g

Таблица 24

Ранги гласных по шкале оценки по данным Тэйлоров

языки	р а н г и					
	1	2	3	4	5	6
английский	e	u	o	a	i	U
корейский	a	e	i	o	u	U
тамилский	a	o	i	u	e	U
японский	a	o	i	u	e	U

Таблица 25

Ранги согласных по шкале активности по данным Тэйлоров

языки	ранги											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
английский	r	t	b	j	p	g	k	d	n	s	m	š
корейский	s	p	t	k	r	š	d	j	g	m	b	n
тамилский	k	d	b	t	p	š	g	r	j	n	m	s
японский	j	d	b	g	p	s	r	š	t	k	n	m

Таблица 26

Ранги гласных по шкале активности по данным Тэйлоров

языки	р а н г и					
	1	2	3	4	5	6
английский	i	a	e	o	U	u
корейский	e	a	o	i	u	U
тамилский	U	o	e	u	a	i
японский	a	i	o	e	u	U

Таблица 27

Ранги согласных по шкале температуры по данным Тэйлоров

языки	р а н г и											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
английский	r	š	j	s	b	g	p	m	t	d	k	n
корейский	m	r	d	b	g	n	t	p	j	k	š	s
тамилский	j	n	r	d	s	g	b	š	t	p	m	k
японский	m	b	n	p	r	g	d	k	t	j	š	s

Таблица 28

Ранги гласных по шкале температуры по данным Тэйлоров

языки	р а н г и					
	1	2	3	4	5	6
английский	a	e	U	i	u	o
корейский	U	o	u	i	a	e
тамилский	i	o	a	U	u	e
японский	o	a	U	e	u	i

Таблица 29

**Частоты звуков на полюсах шкал в четырёх
неродственных языках**

шкалы		з в у к и																	
		с о г л а с н ы е											гласные						
		g	k	m	n	r	b	p	d	t	s	š	j	i	e	a	o	u	U
размер	Л	2	2	1	1	1	2	1	1	1	1	0	3	1	0	1	3	2	1
	П	0	1	2	2	2	0	2	1	2	1	2	1	1	3	1	1	0	2
активность	Л	1	2	0	0	1	3	1	2	3	1	0	2	2	1	3	1	0	1
	П	1	1	4	4	0	1	0	0	1	1	1	1	1	0	1	0	3	3
оценка	Л	0	1	2	0	3	1	1	0	2	1	2	3	0	2	3	2	1	0
	П	4	3	0	2	1	1	0	3	0	2	0	0	1	2	0	0	1	4
температура	Л	0	0	2	2	3	2	1	2	0	1	1	2	1	1	2	3	0	1
	П	0	3	1	1	0	0	1	1	3	2	2	2	1	2	1	1	3	0

Таблица 30

**Альтернативное распределение частот звуковых комплексов
на полюсах шкалы активности**

полюса	звуковые	комплексы	всего
	[t, b]	[m, n]	
левый	6	0	6
правый	2	8	10
всего	8	8	16

$$\chi^2 = 9,8 \quad P = 0,01 \quad K = 0,77$$

левых и правых столбцах – для согласных и в двух левых и правых столбцах – для гласных). Результаты этой операции представлены в табл. 29. Следующий этап – формирование звуко-символических комплексов и обработка полученных данных с помощью критерия χ^2 . Выпишем из таблицы 29 все звуки, соотношения частот которых составляет для гласных 2:1, 2:0, 3:1, 3:0, 4:0, а для согласных – 3:1, 3:0, 4:0. Противопоставление частот звуко-символических комплексов представим в виде альтернативных таблиц (в качестве образца см табл. 30).

Статистический анализ альтернативных таблиц показал, что все 4 шкалы, использованные Тэйлорами, символизируются противопоставлением определённых звуко-символических комплексов. Наименьшее число таких комплексов (см. табл. 31) вскрыто для шкалы размера, т.е. как раз той шкалы, материалом которой иллюстрируются рассуждения И. Тэйлор об узконациональном характере звукового символизма. Тем не менее, и для этой шкалы нами установлено, как видно из табл. 31, несомненное сходство. Для того, чтобы сопоставить полученные данные с результатами других исследований, необходимо выявить и представить символические свойства звуков в четырёх неродственных языках с помощью универсального эталона – набора фонетических признаков. С этой целью данные, содержащиеся в таблице 29, были

преобразованы в частоты признаков, а затем вновь обработаны с помощью критерия хи-квадрат. Результаты анализа представлены в табл. 31.

Таблица 31

**Фоносемантические регулярности в четырёх
неродственных языках**

шкалы	звуко-символические оппозиции на уровне звуковых комплексов	χ^2	звуко-символические оппозиции на уровне фонетических признаков	χ^2	другие языки
размер	[o, u] : [e, U]	5,3	звонкость – глухость	3,97	украинский, немецкий
оценка	[j, r] : [d, k, g] [a, o] : [U]	10,6 9	верхний – неверхний подъём	6,4	украинский, молдавский, немецкий
активность	[t, b] : [m, n] [a, i] : [u, U]	9,6 4,7	смычность – сонорность верхний – неверхний подъём лабиализованность – нелабиализованность	12 4,3 4	украинский, немецкий молдавский украинский
температура	[r] : [t, k] [a, o] : [e, u]	9 6,5	звонкость – глухость вибрантность – глухость губность – заднеязычность	4,7 6,7 4,3	украинский, немецкий украинский молдавский

В крайнем правом столбце этой таблицы указаны языки, для которых обнаружены аналогичные звуко-символические оппозиции в исследованиях других авторов.

Интересно заметить, что на материале некоторых азиатских языков установлены звуко-символические ассоциации, сходные с теми, которые зафиксированы в экспериментах Тэйлоров. Так, в японском и тамильском *u* связано, по данным Тэйлоров, с малым, а не с большим размером. Наоборот, *i* связано в тамильском с большим размером. Аналогичные связи обнаружил Г. Диффлот (Diffloth 1994). Оставаясь на «синестетических» позициях,

Диффлот объясняет обнаруженную им необычную ассоциацию тем, что при произнесении высоких гласных язык занимает в ротовой полости больший объем, чем при произнесении низких гласных. Следовательно, синестезия при перенесении одних видов ощущений на другие также может приобретать различные формы, т.е. варьироваться.

Таким образом, материал, собранный Тэйлорами, не соответствует выводам, который был сделан обоими исследователями и, в первую очередь, И. Тэйлор о национально-специфическом характере звукового символизма. Эксперимент Тэйлоров ещё раз со всей наглядностью свидетельствует о том, что *символизация семантических единиц в различных языках осуществляется в соответствии с универсальными синестезическими правилами, но средствами, реально существующими в фонетических системах того или иного языка*. Между семантическими и фонетическими единицами нет и не может быть уже в силу только этой причины одно-однозначного соответствия. Поэтому с методической точки зрения при сопоставлении различных языков более правильно исследовать символические свойства звуковых наборов, а не отдельных звуков. Кроме того, данные экспериментов могут быть искажены действием факторов процедурного характера: инструкцией, набором предъявляемых звуковых стимулов, формой предъявления материала, составом испытуемых, наконец, способом обработки полученных данных.

Вместе с тем, было бы преждевременно и неправильно полностью отбрасывать “теорию обратной связи”, как называют Тэйлоры свою гипотезу. Накопленные наблюдения показывают, что оценка некоторых звуков, действительно, может зависеть от ассоциативной связи этих звуков с определёнными значениями – прежде всего, грамматическими. Так, русские и немцы по-разному судят о сходных фонетических единицах. Немцы оценивают русский звук /x’/ по шкале оценки не столь отрицательно, как русские (см. [Журавлёв 1974: 83]; см. также табл. 6, где сходный немецкий звук [ç] занимает одно из нейтральных мест). Это можно объяснить вхождением звука [ç] в состав уменьшительно-ласкательного суффикса немецкого языка *-chen*. В отличие от слов, аффиксы с деривационным значением являются парадигматически более тесно связанными единицами, их число невелико, а частота встречаемости намного выше, чем частота встречаемости отдельных слов, так как аффиксы входят в состав не одного, а множества слов. Поэтому в конечном итоге взаимосвязь некоторых деривационных (грамматических, а не лексических, как полагают Тэйлоры) значений с некоторыми звуками ([ç] + [уменьшительно-ласкательное значение]) может оказать влияние на результаты психолингвистических экспериментов. Полемизируя с И. Тэйлор, Дж. Вейс (Weis 1964: 546-458) указывал, что, если бы в основе звуко-символизма лежала языковая привычка, то это в первую очередь проявилось бы не на оценке начальных, а на оценке конечных согласных, поскольку в индоевропейских языках грамматическая информация заложена в суффиксе. Дж. Вейс, судя по результатам некоторых экспериментов (см. Левицкий 1973: 19), оказался прав; в целом, однако, не исключено, что на результаты эксперимента могут оказать влияние как аффиксальные, так и корневые морфемы (см. Левицкий 1973: 85-86). Однако преувеличивать роль подобных факторов нет оснований. И вот

почему. Не случайно, очевидно, ещё Э. Сэпир (см. раздел 1.2) различал экспрессивный и референциальный звуковой символизм. Материал многочисленных исследований (см., например, раздел 2.3.) свидетельствует о том, что действие звукового символизма распространяется в первую очередь как раз на сферу сенсорных и эмоционально-оценочных явлений. Поэтому, если аффиксальная семантика и оказывает влияние на функционирование звукового символизма, то в расчёт могут быть приняты прежде всего аффиксы с эмоционально-оценочным (типа русск. *-ик* в *стол-ик*), а не “референциальным” значением (типа русск. *-тель* в слове *учи-тель*). Число же эмоционально-оценочных аффиксов в языках, где развита аффиксация, сравнительно невелико. По этой причине и действие “языкового навыка” ограничено, по-видимому, лишь сравнительно небольшим набором звуков и ещё более узким кругом шкал – прежде всего, очевидно, шкалой оценки: этим, возможно, отчасти *объясняется столь широко наблюдаемая специфичность шкалы оценки в различных языках.*

Вопрос о функционировании звукового символизма в сфере грамматических (деривационных, а, тем более, реляционных) значений заслуживает, разумеется, специального изучения. Если в современных индо-европейских языках действие звукового символизма в сфере грамматики весьма ограничено, то в языках других семей, например, в ряде языков Африки и Азии, как показывают исследования советских [Газов-Гинзберг 1974; Журковский 1968; Журинский 1972] и зарубежных [Вестерман 1963] исследователей, символизация грамматических значений – широко распространённое явление. Возможно, это явление было характерно и для индо-европейских языков на ранней стадии их развития (достаточно вспомнить гипотезу о звукосимволическом происхождении индо-европейского аблаута, высказанную Дж. Оппом и Э. Прокошем (см. Прокош 1954: 121); см. также Louden 2000; Southern 1999). М. Лауден с помощью статистического анализа обнаружил, что в сильных глаголах в германских языках передние гласные чаще встречаются в формах настоящего времени, а задние – в формах прошедшего времени. Такое распределение гласных коррелирует с обозначением ближнего и дальнего дейксиса (ср. рус. *здесь там*, нем. *hier-dort*). Так или иначе, необходимо было бы провести статистическое обследование звукового состава аффиксов в индо-европейских и других языках с целью выявления звуко-семантических связей в сфере грамматики. Проведённое нами предварительное исследование 23 языков различного строя [Левицкий 1969] показало, что в обозначениях понятия “маленький” звук /i/ встречается не только в корне слов, но и в суффиксах. Случайно ли этот звук широко распределён в уменьшительно-ласкательных формах европейских имён собственных (типа Tony, Lilly, Dicky)? Я. Малкил предлагает термин **морфосимволизм** в противоположность термину фоносимволизм: в первом случае имеется в виду символика грамматических форм, а во втором – символика звуков (Malkiel 1994: 207). А.П. Журавлев, который начинал свою научную деятельность с изучения синтаксиса русского языка, полагает, что символическими свойствами могут обладать и синтаксические конструкции (см. Журавлев 1971).

7. Символическая активность шкал и символический потенциал звуков

Выделяя звуко-символические комплексы, мы уже обратили внимание на то, что на полюсах шкал сосредотачиваются определённые звуки, в результате чего частоты этих звуков оказываются неодинаковыми в левой и правой частях таблиц, где представлены ранги гласных и согласных. Из этого наблюдения следует важный вывод: сила связи между определёнными семантическими единицами (“большой”, “быстрый”, “слабый”) и фонетическими единицами (звуками /и/, /а/, /р/, /п/ и т.д.) не одинакова. Можно предположить, что сила этой связи зависит от двух факторов: а) от способности того или иного звука символизировать данное понятие или группы понятий; б) от способности того или иного *понятия* или группы понятий (т. е. “шкалы”, поскольку её составляют 5 – 7 “понятий”) символизироваться данным звуком или группой звуков. Назовём первый фактор **символическим потенциалом** звука, а второй – **символической активностью**¹² шкалы. Очевидно, чтобы получить более точные данные о величинах символических потенциалов звуков и символической активности шкал, необходимо найти какой-либо статистический метод, с помощью которого оба понятия получили бы количественное выражение. Накопленный опыт показывает, что есть несколько методов получения таких величин. Во-первых, можно использовать средние оценки звуков по каждому измерению. Совершенно очевидно, что звуки, получившие оценки, близкие к 5 или, наоборот, к 1 (по пятибалльной шкале), и будут как раз теми единицами, которые обладают наибольшим символическим потенциалом. Те же звуки, оценки которых приближаются к 3, будут “нейтральными” единицами, т.е. такими, которые обладают наименьшим символическим потенциалом. Однако для получения численных выражений потенциалов пришлось бы сначала найти “очищенные” веса (оценки) каждого звука, т. е. ту часть веса, которая превышает число 3, а затем уже суммировать очищенные оценки *по всем* шкалам. Для получения величин символической активности шкал следовало бы, наоборот, суммировать очищенные оценки *всех звуков* по каждой шкале. При анализе символических свойств гласных и согласных молдавского языка мы использовали процедуру, близкую к изложенной, но пользовались не очищенными весами звуков, а набором оценок, приписываемых каждым испытуемым каждому звуку (вычисления осуществлялись с помощью ЭВМ). Программа, которую выполняла ЭВМ, сводилась к следующим основным операциям:

- 1) нахождение средней оценки каждого звука по каждой шкале;
- 2) сравнение набора оценок каждого звука с соответствующим набором оценок всех оставшихся звуков и в итоге получение: а) величины хи-квадрат для определения того, существенно ли отличаются оценки звуков друг о друга; б) вычисление на основе χ^2 коэффициента сопряженности для определения меры связи между определёнными семантическими и фонетическими оппозициями.

¹² Впервые эти понятия введены нами в 1979 году (см. Левицкий 1979: 49); см. также Левицкий 1973.

После выполнения соответствующих операций было обнаружено, что по величине своего символического потенциала гласные молдавского языка располагаются так: и, а, е, ы, о, у, э. Это значит, что наибольшим символическим потенциалом обладают гласные /и/ и /а/, а наименьшим – /э/ и /у/. Начальные согласные молдавского языка по величине своего символического потенциала располагаются следующим образом: р, ш, з, ф, ж (дж), д, м, б, ц, н, х, л, с, п, ж, г, в, т, к, ч. Это значит, что звуки /р/, /ш/, /з/, /ф/, (дж) обладают наибольшим символическим потенциалом и выполняют наибольшее число звуко-символических функций (/р/ символизирует, например, в молдавском языке понятия “большой”, “сильный”, “быстрый”, “острый”, “тёмный”, “холодный”, “плохой”, “твёрдый”). Для измерения символической активности шкал был найден средний коэффициент сопряжённости для всех гласных и согласных по каждой шкале. Результаты этого анализа показали, что, во-первых, гласные и согласные играют неодинаковую роль в символизации разных шкал. Например, шкала размера в большей степени символизируется гласными, чем согласными, а шкала твёрдости – в большей степени согласными. В целом оказалось, что *гласные обладают большим символическим потенциалом, чем согласные*. Во-вторых, символическая активность шкал, как и следовало ожидать, также оказалась неодинаковой. По мере убывания величины символической активности шкалы располагаются так (учитываются суммарные величины гласных и согласных): *сила, форма, свет, движение, твёрдость, размер, оценка, температура*. Как видно из этого перечня, наименьшей активностью обладают шкалы *оценки* и *температуры*.

Второй путь нахождения величин символических потенциалов звуков заключается в том, чтобы использовать ещё один получаемый в экспериментах показатель – степень *согласия* испытуемых в оценке того или иного звука. Можно допустить, что, если между испытуемыми наблюдается высокая степень согласия, оценки звуков будут существенно отклоняться от нейтральной зоны, т. е. от оценки 3; наоборот, если степень согласия низка, то получаемые оценки будут приближаться к 3. В этом случае, в отличие от предыдущей процедуры, используются не непосредственные оценки звуков, а косвенные показатели. Недостаток такого метода нахождения символических потенциалов заключается в том, что “нейтральная” оценка 3 может быть получена в результате отсутствия согласия между испытуемыми (когда, грубо говоря, одни испытуемые приписывают звуку оценку 1, а другие – 5) и в результате того, что между испытуемыми наблюдается согласие, но большинство из них приписывают звуку “нейтральную” оценку 3. Иначе говоря, оценка 3 не обязательно свидетельствует об отсутствии согласия между испытуемыми. Вот почему, используя данную процедуру в одном из своих экспериментов [см. Левицкий 1973], мы в дальнейшем отказались от неё, но внесли – с учётом сказанного – некоторые коррективы в обработку данных молдавского языка, где учитывалась и средняя оценка звука, и набор оценок этого звука, что позволяло получать более чёткие представления о характере оценки 3. Тем не менее, небезынтересно сравнить данные, полученные для молдавского языка с помощью первой процедуры, с данными украинского языка, полученными на основе коэффициента согласия W [см. Левицкий 1973: 41-42]. В украинском

языке гласным принадлежит большая роль при символизации шкал света, размера, силы, твёрдости, оценки и температуры; согласные доминируют только по шкале движения.

Наконец, можно предложить ещё один путь нахождения символических потенциалов звуков. Совершенно очевидно, что на полюсах шкал в таблицах 4 – 13 сосредоточены как раз те звуки, которые обладают наибольшими символическими потенциалами. Поэтому наиболее простой процедурой нахождения символических потенциалов будет подсчёт частоты встречаемости тех или иных звуков в левой и правой частях таблиц.

Фактически такая процедура осуществлена нами для данных, полученных И. и М. Тэйлорами (табл. 29). Подсчитав суммы частот по столбцам таблицы 29, мы получим следующие результаты. Наибольшим символическим потенциалом среди тех звуков, которые исследовали Тэйлоры в 4 языках, обладают /dž/, /k/, /m/, /n/, /t/, /a/, /U/, /o/. Аналогичный анализ данных, представленных в табл. 4-13, показывает, что в украинском, немецком, молдавском, русском, английском языках гласные по величине символических потенциалов располагаются следующим образом (при нахождении соответствующих частот производилось предварительное усреднение данных, чтобы обеспечить равенство условий в тех случаях, когда число языков в таблицах было неодинаковым): согласные – r, m, ts, k, d, b, t, p, x, š, n, l, v, s, f, tš, g, ž, dž, j, h, dz, гласные – i, a, o, u, e.

Однако, если пользоваться частотами звуков, сосредоточенных на полюсах шкал, и альтернативными таблицами для нахождения χ^2 и K, то, как уже показано выше (см. табл. 20), наибольшим символическим потенциалом из согласных обладают r, l; m, n; b, d; p, t, k, а также ts, tš, š, x.

Чтобы более точно определить величину символической активности шкалы, можно также воспользоваться величинами χ^2 и коэффициентами сопряженности, полученными на основании частот звуков на полюсах шкал. В табл. 32 представлены величины коэффициентов сопряженности K для гласных и согласных по 7 шкалам

Таблица 32

Степень активности шкалы (величины коэффициентов K)

шкалы	гласные	согласные	средняя величина K
твёрдость	0,52	0,9	0,71
сила	0,46	0,9	0,68
активность	0,34	0,88	0,61
размер	0,57	0,58	0,58
оценка	—	0,76	0,38
температура	—	0,71	0,36
свет	0,49	0,2	0,35
средняя величина	0,34	0,70	0,52

По шкале оценки и температуры гласные не имеют статистической значимости.

Думается, однако, что наиболее точные результаты даёт первая из предложенных в данном разделе процедур, которая предполагает использование средних оценок каждого звука. Применение этой процедуры выявило ещё одну интересную закономерность: *неодинаковой символической активностью обладают не только шкалы, т.е. группы понятий, но и полюса шкал, т. е. противоположные понятия*. Так, например, в украинском языке понятия “маленький”, “слабый”, “приятный”, “медленный”, “мягкий”, “светлый” символизируются в большей степени, чем противоположные понятия.

В целом проведённый в данном разделе анализ позволяет сделать два важных вывода.

1. Гласные и согласные обладают неодинаковыми символическим потенциалом.

2. Шкалы и их полюса, т. е. наборы понятий или противоположные понятия, обладают неодинаковой символической активностью.

8. Изучение звуко-цветовых ассоциаций

После того, как в советском языкознании в середине 60-х годов была прорвана блокада запретных тем и изучение звукосимволизма стало привлекать к себе бóльшее внимание советских лингвистов, и А.П. Журавлеву, и мне, особенно интенсивно занимавшимся экспериментальным исследованием символики звуков, хотелось затронуть как можно более широкий круг вопросов, связанных с этим явлением.

В работах А.П. Журавлева такое стремление выражалось прежде всего в том, что он хотел как можно шире и всесторонне изучить функционирование фонетического значения на уровне отдельного слова и целого текста (особенно поэтического). Меня, как видно из изложенного выше, интересовали прежде всего вопросы, связанные с методикой изучения звукового символизма (в частности, степень влияния различных процедурных условий на результаты эксперимента), его природой, источниками порождения и характером проявления в родственных и неродственных языках.

В свете сказанного становится понятным, что А.П. Журавлев стремился прежде всего получить оценки символического значения гласных и согласных русского языка по как можно большему числу шкал. Получив данные о символике русских гласных и согласных по 25 шкалам осгудовского семантического дифференциала, А.П. Журавлев уже в начале 70-х годов провел первые эксперименты по изучению звуко-цветовых ассоциаций в русском языке (одной из первых публикаций А.П. Журавлева на эту тему была статья в научно-популярном журнале «Знание – сила» – см. 1972, № 2). В монографии «Фонетическое значение» (1974) результаты проведенных экспериментов изложены в виде небольшого раздела на с. 50-53.

Ознакомившись с публикацией А.П. Журавлева в журнале «Знание – сила», я обратил внимание на то, что по данным А.П. Журавлева в русском языке гласный /а/ ассоциируется с красным цветом, /и/ – с синим, /о/ – с желтым. Во всех этих случаях прослеживается четкая связь между исследуемыми звуками и первой ударной гласной в названии соответствующего цвета (*а* – красный, *и* – синий, *о* – жёлтый). Такое распределение между звукоцветовыми ассоциациями и названиями цвета могло стать одним из решающих аргументов в дискуссии о том, какой фактор – «синестезия» или «языковая привычка» – лежит в основе порождения ЗС (А.П. Журавлева этот «теоретический» вопрос не интересовал). Именно при обсуждении этого вопроса (в подразделе «Три теории порождения звукового символизма») в книге «Семантика и фонетика» я и провел вслед за А.П. Журавлевым эксперимент по выявлению звуко-цветовых ассоциаций на материале украинского и молдавского языков (см. Левицкий 1973: 86-89). Целью эксперимента, как подчеркивалось в цитируемом разделе, «является не установление звукоцветовых соответствий..., а проверка выдвинутой выше гипотезы: при приписывании гласным одного из цветовых значений испытуемые используют механизм «языковой привычки»» (с. 87). Поэтому процедура эксперимента была максимально приближена к процедуре, использованной А.П. Журавлевым. Полученные результаты отображены в следующей таблице (см. табл. 33).

Таблица 33

Звуко-цветовые ассоциации в украинском и молдавском языках

	Украинский язык						Молдавский язык					
	і	е	а	о	у	и	и	е	а	о	у	ы
красный	6	3	11	12	6	2	1	1	8	12	6	2
желтый	9	6	4	15	2	4	5	6	10	5	1	3
синий	7	4	5	5	5	14	2	2	9	4	12	1
зеленый	8	15	11	4	2	0	6	19	0	3	0	2
фиолетовый	6	7	6	1	14	6	12	2	1	6	3	6
коричневый	4	5	3	3	11	14	4	0	2	0	8	16

Как видно из табл. 33, в украинском языке, красный цвет более всего связан со звуками [о] и [а] (ср. укр. *червоний*; частота /а/ объясняется, скорее всего влиянием русского языка); желтый цвет — с /о/ (ср. укр. *жовтий*); синий – [и] (ср. укр. *синий*); зеленый – с [е] (ср. укр. *зелений*); на связь фиолетового и [у] могло оказать влияние слово *бузковий* («сиреневый»); коричневый связан с [и] (ср. укр. *коричневий*). Аналогичные типы связей обнаруживаются и в молдавском: красный (*рошу*) – /о/; зеленый (верди) – /е/; синий (албаstrу) /а/; желтый (галбен) – /а/.

Эти результаты были интерпретированы нами следующим образом. «Очевидно, существуют такие измерения, где транспозиция ощущений происходит сравнительно легко (сюда относятся шкалы размера, силы, твердости и т.д.), и такие, где транспозиция осу-

ществляется труднее (сюда относятся, по-видимому, шкалы цвета, вкусовых ощущений, температуры).

Когда испытуемый (при правильно сформулированной инструкции) сталкивается с более «легкой» шкалой, срабатывает «механизм синестезии». Когда перед испытуемым стоит более сложная задача, поиски ее удовлетворительного решения приводят в действие «механизм языковой привычки». В некоторых случаях в ходе одного и того же эксперимента оба механизма действуют поочередно. Отсюда и неизбежность некоторого «разнобоя» результатов, получаемых даже одним исследователем. Меняя инструкцию, «запуская» в испытуемом либо механизм транспозиции ощущений, либо механизм «языковой привычки», мы будем получать различные результаты. При «нейтральной» инструкции в «легких» случаях у испытуемого будет срабатывать первый механизм, а в более трудных — второй.

Подведем итоги. В основе звуко-цветового символизма лежит транспозиция одних видов ощущений в другие, однако на результаты тестирования могут оказать влияние, по крайней мере, три фактора: инструкция, шкала измерения и вся фонологическая система данного языка» (см. Левицкий 1973: 88-89).

В последующие годы звуко-цветовые ассоциации неоднократно привлекали к себе внимание советских лингвистов. А.П. Журавлев разработал на основе полученных им данных методику измерения «цветной музыки стиха» (см. «Звук и смысл», с. 119-135) и успешно применил ее для изучения «цветового значения» в произведениях выдающихся русских поэтов.

Однако наиболее полное, всестороннее, фундаментальное изучение проблемы звуко-цветовых связей осуществлено в исследовании Л.П. Прокофьевой (см. Прокофьева 2007). Л.П. Прокофьева ввела в научный оборот множество таких работ, которые отечественному читателю были или мало известны или не известны вообще, а свое собственное исследование построила на огромном фактическом материале, во много раз превышающем объем материала известных нам экспериментальных работ по изучению символики звуков. Для нас в этой работе — по понятным причинам — наибольший интерес представляют два вопроса: 1) как исследователь интерпретирует то, что мы называем «источником порождения звуко-цветового символизма» (синестезия или языковая привычка, т.е. синестетическая или ассоциативная теория) и 2) в какой степени полученные Л.П. Прокофьевой данные о «звуковой музыке стиха» совпадают с результатами А.П. Журавлева. Второй вопрос мы обсудим во второй части нашей работы (см. раздел 7, часть 2).

Что касается первого вопроса, то на него Л.П. Прокофьева отвечает следующим образом: «Практически одинаковые данные по русскому и английскому языкам свидетельствуют о том, что цветовые номинации, безусловно, оказывают существенное влияние на ассоциирование графонов, но это влияние *не абсолютное*, а скорее, «направляющее». Таким образом, наблюдения, сделанные еще в конце XIX века французом Фердинандом Сюаре де Мендозой, подтвердились материалом аудиторских экспериментов среди

несинестетов, говорящих на русском и английском языке как родном. Видимо, та же тенденция обуславливает цветовые ассоциации графонов любого языка, что еще раз свидетельствует в пользу *универсальности ЗЦА*» (там же, с. 145-146).

Поскольку автор ссылается на работу Ф.С. де Мендозы, необходимо привести цитируемое Л.П. Прокофьевой высказывание этого практически не известного отечественному читателю автора и комментариев к нему Л.П. Прокофьевой. «В целом, – пишет де Мендоза, – слоги и слова окрашиваются в соответствии с составляющими их гласными и некоторыми «влиятельными» согласными. Значение, даже в названиях цветов, не оказывает, в основном, никакого влияния на возникающий образ. Также два синонима окрашиваются по-разному» (цит. по Прокофьева 2007: 107). «Это замечание, – добавляет Л.П. Прокофьева, – чрезвычайно важно, т.к. демонстрирует недостаточную убедительность теории зависимости ассоциаций от номинаций цвета» (там же).

Приведенное высказывание де Мендозы содержит, однако, противоречивые и не до конца ясные толкования соотношенности звука и цвета. В самом деле, что означает фраза «слова окрашиваются в соответствии с составляющими их гласными и... согласными»? Ведь в приведенных (в виде примечания) данных о звуко-цветовых ассоциациях, полученные де Мендозой, нет однозначного соответствия между звуком (или буквой?) и цветом. Звук *a* может означать *черный* и *красный* (первые два места); *è* тоже обозначает два цвета – *светлокоричневый* и *белый*; аналогично распределяются частоты и по другим звукам. Читателю остается неясным, что оценивали испытуемые – буквы или звуки, но, судя по тому, что данные Мендозы содержат *è* и *é/e* с различным типом ударения, речь идет о буквах. Следующая фраза в приведенной цитате Мендозы – «Значение, даже в названиях цветов, не оказывает... влияния на возникающий образ» – свидетельствует, похоже, о том, что входящие в состав названия цвета звуки не оказывают влияния на окраску слов и слогов. Но, если это так, то два по-разному звучащие слова, обозначающие оттенки одного и того же цвета, должны окрашиваться одинаково. Но у Мендозы находим нечто прямо противоположное: два синонима окрашиваются по-разному. Непонятно, к какой части высказывания Мендозы относится комментарий Л.П. Прокофьевой о «недостаточной убедительности» теории зависимости ассоциаций от номинаций цвета – к первой или ко второй? Как понимать слова «универсальность ЗЦА»? Речь идет об универсальных (сходных) звуко-цветовых соответствиях в различных языках? Или универсальность ЗЦА следует понимать лишь как то, что во всех языках можно обнаружить определенные звуко-цветовые соответствия (вовсе не обязательно совпадающие в этих языках)? Похоже, что автор имеет в виду первое, отмечая, например, сходство цветовых ассоциаций звуков /a/, /k/, /o/ и др. в русском и английском языках (с. 140-144).

Думается, что для получения более убедительного ответа на вопрос, чем обусловлены звуко-цветовые ассоциации в обследованных Л.П. Прокофьевой языках, целесообразно провести дополнительный качественный и количественный анализ полученных *ею* же данных.

Качественный анализ сводится к следующему. Составим таблицу, в которой будут зафиксированы ответы на такие вопросы:

а) входит ли первый гласный или согласный названия цвета в перечень тех «графонов», которые, по данным Л.П. Прокофьевой, символизируют соответствующий цвет?

б) входит ли ударный гласный в названии цвета в перечень графонов, символизирующих соответствующий цвет?

в) какие графоны (один согласный и один гласный) занимают по своей частоте первое место среди всех графонов, символизирующих данный цвет, и входят ли эти графоны в название соответствующего цвета?

Таблица 34

Результаты качественного анализа данных Л.П. Прокофьевой

Название цвета	Первый звук слова	Ударный гласный	Наиболее частотный согласный	Наиболее частотный гласный
1	2	3	4	5
красный	+	+	к+	а+
синий	+	+	с+	и+
зеленый	+	+	з+	ё+
желтый	+	+	ж+	о+?
фиолетовый	+	—	ф+	ю—
оранжевый	+	—	о+	р+
черный	+	—	ч+	ы+
белый	+	—	б+	о—
коричневый	+	—	к/г+	ы+
red	+	—	г+	а—
blue	+	+	б+	и+
green	+	+	г+	е+
yellow	+	+	у+	е+
orange	+	—	е+?	о+
black	—	—	х+	о—
brown	+	—	д—	и—
violet	+	—	в+	и+
white	+	+	ш+	и+

Красный цвет, как видно из Приложения 5 в книге Л.П. Прокофьевой, символизируется чаще всего согласным /к/ и гласным /а/, что отражено в 4 и 5 столбцах таблицы 34; при этом /к/ является первым согласным в слове *красный*, а /а/ – ударным гласным в этом слове (см. столбцы 2 и 3 в нашей таблице). Точно так же буквы *с* и *и*, символизирующие синий цвет, входят в название этого цвета в качестве первого согласного и ударного гласного (столбцы 2 и 3 табл. 34) Эти же буквы – *с* и *и* занимают по своей частоте первые места среди ответов респондентов в опытах Л.П. Прокофьевой. Если обозначить знаками «+» и «–» утвердительные ответы на поставленные выше вопросы, то по 4 плюса в словах русского языка набирают *красный*, *синий*, *зеленый* и, похоже, *жёлтый* (здесь наиболее частым гласным является /о/, которое, очевидно, отождествляется респондентами с буквой *ё*). Будем, однако, поступать максимально формально и полагать, что в столбце 5 *о* не соответствует *ё*. По 3 плюса имеют *оранжевый*, *черный* и *коричневый* (здесь /к/ и /г/ в четвертом столбце имеют одинаковую частоту – 130; см. Прокофьева, с. 269). По 2 плюса имеют *фиолетовый* и *белый*.

Несколько «хуже» выглядят результаты по английскому языку. Здесь по 4 плюса набирают *blue*, *green*, *yellow*, *white*; 3 плюса – *violet*; 2 плюса – *orange* и *red*; 1 плюс у *brown* и ни одного положительного знака у *black*. В целом распределение знаков выглядит следующим образом (см. табл. 35)

Таблица 35

Результаты качественного анализа символизации цвета

Русский язык	Число «+»	Английский язык	Число «+»
красный	4	blue	4
синий	4	green	4
зеленый	4	yellow	4
желтый	3	white	4
коричневый	3	violet	3
черный	3	orange	2
оранжевый	3	red	2
фиолетовый	2	brown	1
белый	2	black	0

Таким образом, качественный анализ свидетельствует о том, что для русского языка от 7 до 9 слов из проанализированных нами 9, т.е. от 77 % до 100% – в зависимости от того, будем ли мы считать положительным результатом наличие хотя бы двух знаков «+» или трех знаков из 4 возможных, – установлено соответствие между символическим значением графонов и названиями соответствующего цвета; для английского языка аналогичное соотношение составляет от 5 до 7 слов из 9 возможных (т.е. от 56 % до 77 %).

Тот факт, что для английского языка результаты оказались немного «хуже», чем для русского (понятно, что исследователь не имеет права в подобных случаях оценивать результаты как «плохие» или «хорошие» и

должен занимать отстраненную позицию; поэтому мы употребляем слово «хуже» в кавычках), был заведомо предсказуем: расхождения между написанием и произношением букв и слов в английском языке существенно больше, чем в русском языке. Кроме того, следует учесть, что участие русскоязычных респондентов, как называет испытуемых Л.П. Прокофьева, проходило под непосредственным контролем экспериментатора; англоязычные испытуемые получали анкеты по Интернету или через лиц-посредников; следовательно, условия экспериментов были неодинаковы. Не надо думать, что наличие у испытуемого времени на «обдумывание» и отсутствие такового не может существенно повлиять на эксперимент (см., например, по этому поводу замечание А.П. Журавлева в книге «Звук и смысл», с. 15).

Полученные отклонения от ожидаемых результатов, особенно для английских слов, представляют особый интерес и дают исследователю повод выдвинуть новые гипотезы относительно механизма приписывания звукам того или иного цветового значения. Из данных Л.П. Прокофьевой видно, что, например, русскоязычные испытуемые чаще всего приписывают значение «черный» не только графону *ч* ($F = 374$ – первое место), но и графонам *ш* ($F = 258$), *п* ($F = 232$), *т* ($F = 220$), *х* ($F = 187$), *д* ($F = 167$), *щ* ($F = 158$). В этом перечне явно преобладают шипящие (*ч, ш, щ*), которые вместе со звуком */х/* оцениваются в русском языке по шкале оценки как «плохие», «неприятные» (см. Журавлев 1974: 46-49). Следовательно, если при оценке звука испытуемым включается механизм ассоциации (о чем см. выше, с. 48), то сопоставление оцениваемого звука с предъявляемым словом (*ч* – «черный») может осуществляться не только по линии формы (*ч* – звучание/написание *черный*), но и по линии содержания, которое включает ассоциируемые с данным словом парадигматические а, возможно, и синтагматические ассоциации слова. Когда-то на подобного рода поиски в психике человека, правда, в другой связи указывал А.А. Леонтьев, который писал:

«Представляется возможным выдвинуть гипотезу о том, что в качестве ориентиров в признаковом поле (или, если угодно, в качестве исходных признаков для выбора слова) могут служить не только фонетические ..., но и семантические признаки». И далее: «... в нормальном случае поиск происходит, по-видимому, ... двумя независимыми, но согласованными путями – на основе иерархии акустико-артикуляционных признаков и на основе семантических признаков, причем первенство принадлежит – в общем случае – семантическим... Учет промежуточных результатов поиска по данному принципу при поиске по другому принципу (мотивированный поиск) дает не менее известное явление «звукового символизма» (Леонтьев 1971: 16-17).

В приведенном примере коннотациями *черный* являются *плохой, неприятный* – отсюда связь с «плохими» звуками – */ч/, /ш/, /щ/, /х/*; парадигматическими ассоциациями слова *черный* являются *траур, темный, трагический, труп, плохой* – отсюда, возможно, связь с */т/* и */п/*; синтагматическими ассоциациями являются, например, *черная дыра* – отсюда, возможно, связь с */д/*. Еще более интересным в свете приведенных рассуждений

является англ. *black*. Здесь, по данным Л.П. Прокофьевой, частоты двух графонов резко отличаются от всех остальных: $x - 351$, $z - 231$; следующим идет t с частотой 104 (т.е. в 2-3 раза меньшей, чем первые два согласных). С чем ассоциируется у англоязычных испытуемых X и Z ? Можно предположить, например, что z ассоциируется с пустотой (*zero*), а x – с плохим, неправильным, неизвестным, неясным (см. толкования x в толковых словарях англ. языка).

И все же осуществленный нами качественный анализ может оставить сомнения в том, что в основе звуко-цветовых соответствий в русском и английском языках лежит механизм ассоциации (а не синестезии). Мы уже упоминали тот факт, что Л.П. Прокофьева ссылается, например, на сходство обозначения красного цвета графоном a в русском и англ. языках, что, следовательно, не может быть обусловлено ассоциативным механизмом, поскольку в англ. слове *red*, в отличие от русск. *красный*, графон a отсутствует.

В таблице 12 в книге Л.П. Прокофьевой приведены наборы графонов, символизирующих тот или иной цвет в русском и английском языках. В перечни включены наиболее частые графоны (как можно понять из примечания на с. 145, «лидирующими» Л.П. Прокофьева считает графоны, частота которых превышает 15 % от общего числа ответов испытуемых). Однако, как видно из Приложения 5, в символизации цвета принимают участие все или почти все графоны – с той лишь разницей, что частоты одних отличаются от частот других.

Для того, чтобы дать точный и окончательный ответ на вопрос о том, в какой степени перечень графонов, могущих символизировать тот или иной цвет (в соответствии с ответами респондентов), совпадает с перечнем графонов, входящих в название этого цвета, необходимо осуществить специальный количественный анализ. Наиболее адекватным методом в этом случае может быть критерий χ^2 и коэффициент сопряженности K .

Количественный анализ. Для читателя, не знакомого с техникой вычисления χ^2 и коэффициента сопряженности K , сделаем несколько наиболее важных пояснений. В табл. 36 представлены так называемые **эмпирические** или, иначе, наблюдаемые частоты, обозначаемые символом O . Для каждого поля таблицы могут быть найдены так называемые **теоретические** или **ожидаемые** (E) частоты. Так, для поля $[a]$ эмпирическая частота O составляет 1439, а теоретически ожидаемая $E = \frac{3781}{23364} \times 5184 = 839$. Следовательно,

фактически наблюдаемая величина значительно превышает теоретически ожидаемую. Наоборот, для поля $[b]$ $E = 2942$, в то время как фактически наблюдаемая величина $O = 2342$, т.е. намного меньше. Критерий χ^2 позволяет учесть все отклонения эмпирических частот от теоретически ожидаемых и дать ответ, является ли такое отклонение в сумме статистически существенным или нет. Для четырехпольных таблиц статистически значимой величиной χ^2 является 3,84 и выше. При больших величинах в полях альтернативной таблицы, как это имеет место в нашем случае, величины χ^2 тоже могут оказаться очень высокими. Поэтому правильнее воспользоваться коэффициентом сопряженности Чупрова (K), который является относительной величиной и находится по формуле:

$$K = \sqrt{\frac{\chi^2}{\sqrt{(r-1)(c-1)} \cdot N}},$$

где χ^2 – сумма χ^2 ; r – число строк в таблице, c – число столбцов в таблице, а N – общее число наблюдений. Для четырехпольных таблиц числа $(r - 1)$ и $(c -$

1) равны 1, а потому формула приобретает вид $K = \sqrt{\frac{\chi^2}{N}}$.

Сумма χ^2 для четырехпольных таблиц находится по формуле $\chi^2 = \frac{(a \cdot d - b \cdot c)^2 \cdot N}{(a+b)(c+d)(a+c)(b+d)}$. Для таблицы 36 нахождение χ^2 выглядит так:

$$\chi^2 = \frac{(1439 \cdot 15838 - 2342 \cdot 3745)^2 \cdot 23364}{3781 \cdot 19583 \cdot 5184 \cdot 18180} = \frac{14020092^2 \cdot 23364}{3781 \cdot 19583 \cdot 5184 \cdot 18180} = 658.$$

$$K = \sqrt{\frac{658}{23364}} = \sqrt{0.028} = 0.168.$$

Следует заметить, что K всегда будет иметь положительный знак, т.к. он равен числу, извлекаемому из корня квадратного. Знак коэффициента сопряженности можно определить с помощью коэффициента Бернулли Φ , который для четырехпольных таблиц по своей абсолютной величине совпадает с K .

В качестве образца расчетов χ^2 и K приводим четырехпольные таблицы для русского *красный* и *черный*, а для английского – *red* и *black* (все таблицы составлены на основе данных Л.П. Прокофьевой, представленных в ее книге в Приложениях 3 и 4, – см. Прокофьева 2007: 264-265).

Таблица 36

Распределение частот графонов [к, р, а, с, н, ы, й] в символике цветов

Графоны \ Цвета	Красный	Другие цвета	Всего
к, р, а, с, н, ы, й	1439 a	с 3745	5184
другие графоны	2342 b	d 15838	18180
всего	3781	19583	23364

$$\chi^2 = 658; K = 0,168$$

Таблица 37

Распределение частот графонов [ч, ё, р, н, ы, й] в символизации цветов

Графоны \ Цвета	чёрный	другие	всего
ч, ё, р, н, ы, й	809	3312	4121
другие графоны	2114	17129	19243
всего	2923	20441	23364

$$\chi^2 = 232; K = 0,10$$

Таблица 38

Распределение частот графонов [r, e, d] в символизации цветов

Графоны \ Цвета	красный	другие цвета	всего
r, e, d	548	2087	2635
другие	2702	17026	19728
всего	3250	19113	22363

$$\chi^2 = 94,3; K = 0,065$$

Таблица 39

Распределение частот графонов [b, l, a, c, k] в символизации цветов

Графоны \ Цвета	черный	другие	всего
b, l, a, c, k	240	4093	4333
другие	1711	16319	18030
всего	1951	20412	22363

$$\chi^2 = 68,37; K = \Phi = -0,055$$

Результаты проведенного нами статистического анализа представлены в табл. 40.

Таблица 40

**Величины χ^2 и K для звуко-цветовых ассоциаций
в русском и английском языках (на основании данных Л. Прокофьевой)**

Названия цвета	χ^2	K	Названия цвета	χ^2	K
синий	1874	0,283	white	425	0,138
зеленый	1028	0,21	violet	421	0,137
красный	658	0,168	yellow	4,03	0,134
черный	232	0,10	blue	168	0,087
белый	145	0,08	green	146,5	0,081
желтый	142,6	0,08	red	94,3	0,065
фиолетовый	141,5	0,08	orange	84,8	0,062
коричневый	44,6	0,04	brown	4,8	0,015
оранжевый	38,8	0,04	black	68,4	-0,055
Средняя величина	—	0,12		—	0,074

Какие же выводы позволяют сделать данные, представленные в табл. 40?

1. Все суммы χ^2 и, следовательно, все коэффициенты сопряженности обладают необходимой статистической значимостью; наименьшая сумма χ^2 , приближающаяся к критической, установлена для англ. brown, однако и она обладает значимостью.

2. Все коэффициенты положительны, за исключением коэффициента для англ. black. Это значит, что черный цвет в английском языке символизируется преимущественно звуками, не входящими в обозначение черного цвета black.

3. Во всех случаях, кроме black, тот или иной цвет и в русском, и в англ. языке символизируется прежде всего теми звуко-буквами, которые входят в состав названия данного цвета. Такая закономерность может быть количественно измерена с помощью величины коэффициента сопряженности.

4. Закономерность, сформулированная в п. 3, проявляется в русском языке статистически сильнее, чем в английском (средняя величина К в русском языке в 1,6 раза больше, чем в английском).

5. Степень проявления статистической закономерности, сформулированной в п. 3 и измеряемой с помощью величины коэффициента К, позволяет разделить исследуемые цвета в русском и английском языках на три подгруппы – с величиной К больше, чем 0,10; с величиной К в пределах 0,05 – 0,10; с величиной К меньше 0,05. В соответствии с этим к «сильной» символизации в русском языке относятся *синий, зеленый, красный*; к «средней» – *черный, белый, желтый, фиолетовый*; к «слабой» – *коричневый, оранжевый*; в английском языке к первой группе относятся *white* «белый», *violet* «фиолетовый», *yellow* «желтый»; к средней группе – *blue, green, red, orange*; к третьей группе *brown*.

6. Тот факт, что *оранжевый* и *коричневый* в обоих языках занимают нижние строки таблицы, может свидетельствовать о том, что степень символизации цвета зависит от его принадлежности к «основным» цветам. Однако в русском языке это может быть связано с длиной слова (числом слогов в слове).

В целом полученные результаты полностью подтверждают гипотезу, выдвинутую нами в начале 70-х годов. При символизации («оценке испытуемыми») любой шкалы в зависимости от а) инструкции; б) формы предъявления материала и в) свойства самой шкалы, т.е. символизируемого понятия *могут действовать в большей или меньшей степени или попеременно два механизма – механизм синестезии и ассоциативный механизм* («языковая привычка»). При равенстве или сходстве двух первых условий (материал и инструкция) «свойство шкалы» заключается в том, что некоторые шкалы облегчают перенос одних видов ощущений на другие, т.е. действие синестезии, а другие затрудняют такой перенос. При символизации шкал первого типа («мягкий-твердый»; «гладкий-шероховатый», «маленький-большой» и т.п.) испытуемые подсознательно используют механизм синестезии. При символизации шкал второго типа (шкалы температуры, вкусовых ощущений, цвета) могут включаться различные механизмы – 1) подлинная синестезия (по данным Л.П. Прокофьевой таких испытуемых очень немного – см. с. 115); 2) ассоциативный механизм. *При этом ассоциация, как показано выше, осуществляется прежде всего по линии формы (звучание или написание) слова, обозначающего одно из предъявляемых понятий («горячий», «холодный», «сладкий», «горький», «красный», «черный» и т.п.), но может, по-видимому, осуществляться по смысловой, содержательной, оси, включающей парадигматические или синтагматические ассоциации слова, задающего*

символизируемую шкалу или символизируемый признак («черный-плохой»; «черный-черная дыра»; «черный-пустой-зеро»).

9. Объективный звуковой символизм

Лингвистические методы изучения объективного звукового символизма почти не изменились за последние 100-150 лет (впрочем, они ничем не отличаются и от методов античных авторов) и строятся по следующему образцу: сначала выдвигается гипотеза о связи определённого звука с определённым понятием или комплексом понятий, после чего для подтверждения выдвинутой гипотезы предлагается список лексем, объединённых, с точки зрения исследователя, общими фонетическими и семантическими признаками. Такая “процедура” имеет, по крайней мере, три основных недостатка.

Во-первых, слова, входящие в те или иные списки, подбираются исследователем произвольно. Семантическая общность таких слов весьма относительна. Например, Е. Фенц [Fenz 1940] для подтверждения связи понятия “резкое изменение направления” и звука /k/ в немецком языке приводит список лексем со значениями “угол”, “подбородок”, “крючок”, “колени”, “сустав”, “кривая”, “поворот” и т. п. При этом списки состоят только из таких слов, в звучание которых входит определённая фонема (например, [k] или [i]). Между тем, остаётся невыясненным, существуют ли в этом языке слова с тем же значением, но с иным звучанием. Например, О. Есперсен [Jespersen 1933] упоминает английские слова со значением “маленький” *little*, *wee*, *tiny*, в звучание которых входит [i], но не упоминает более частотное по сравнению с *wee* и *tiny* слово *small*, включающее в своё звучание /o/. О. Есперсен не исследует также число слов английского языка со значением “большой”, включающих в своё звучание /i/, например, *big*.

Во-вторых, подбор языков, когда исследование проводится в межнациональном плане, также носит крайне субъективный характер. О. Есперсен, например, приводит примеры из эскимосского и японского, но не приводит ни одного примера из русского или других славянских языков.

Наконец, в-третьих, для одних языков составляются более подробные списки (10 – 15 слов), для других – менее подробные (1 – 2 слова), а потому, как показано выше, в одних случаях анализируются сравнительно редкие слова, а в других – только самые частые.

Во второй половине XX столетия в европейской науке (главным образом, в психологии) были предприняты попытки поставить исследование объективного звуко-символизма на экспериментальную основу. Наиболее важный шаг в этом направлении сделан С. Эртелем [Ertel 1969]. Однако, будучи психологом, а не лингвистом, С. Эртель допустил, к сожалению, существенный методический просчёт, поставивший под сомнение результаты проведённого им исследования. Он отбирал и группировал подлежащие исследованию языки не по лингвистическому, а по географическому признаку (языки Азии, Африки и т. п.), в результате чего в его списке оказалось четыре славянских языка (из них два близкородственных), три индоиранских (из них два близкородственных –

хинди и урду), два финно-угорских и только один тюркский и т.д. Аналогичной произвольностью характеризуется отбор языков в работе [Thorndike 1945].

Между тем, в *статистических экспериментах подобного рода важно, чтобы различные группы родственных языков были представлены в количественном отношении равномерно*, иначе будут нарушены пропорции встречаемости одного и того же корня, а, следовательно, одной и той же группы звуков. Мы пытались решить эту проблемы [Левицкий 1969], во-первых, уравнивая число индоевропейских и неиндоевропейских языков (14 – 14), и, во-вторых, отбирая от каждой группы или подгруппы родственных языков, как правило, по 3 языка. Однако первый принцип отбора языков оказался излишним, так как степень звукосимволического сходства языков не зависит от степени их генетического родства (см. далее раздел “Межъязыковые фоносемантические корреляции”), а второй принцип не выполним, так как в одних случаях целые “семьи” представлены одним-двумя языками, а в других – группа или подгруппа насчитывает 10 – 15 языков. *Поэтому наиболее целесообразным решением проблемы репрезентативного равенства языков и корней представляется усреднение полученных статистических данных по каждой группе родственных языков.*

Основные результаты экспериментально-статистического изучения ОЗС на материале 53 языков можно свести к следующим [см. Левицкий 1979а].

1. Наибольшим символическим потенциалом в естественных языках обладают гласные /i/ и /a/ и согласные /l/, /r/, /t/, /m/, /p/.

2. Наибольшей символической активностью обладают шкалы: твёрдости [мягкий – твёрдый], гладкости [гладкий – шероховатый], активности [медленный – быстрый], света [светлый – тёмный], формы [острый – тупой], размера [маленький – большой]; наименьшей – шкала температуры и оценки. В переводе на трёхмерную систему измерений, принятую вслед за Ч. Осгудом в ряде зарубежных и советских работ, посвящённых изучению звукового символизма, шкалы следует расположить так: *сила, активность, оценка.*

3. Роль гласных и согласных в символизации различных шкал не одинакова, т. е. шкалы различаются своей вокалической и консонантической активностью. *Так, гласные символизируют в первую очередь активность, форму, размер, а согласные – твёрдость и гладкость.*

4. Между шкалами наблюдается (хотя и не во всех случаях) статистически значимая корреляция. Это означает, что сходные семантические единицы символизируются в различных (неродственных) языках сходными фонетическими единицами (см. табл. 41).

5. Распределение частот звуков в словах, обозначающих сходные или тождественные понятия в неродственных языках, носит неравномерный характер. Соответствующий анализ позволяет установить **статистические звукосимволические универсалии**. Например, понятие размера символизируется с помощью звукосимволических оппозиций [верхний подъём – нижний подъём] (для гласных), и [звонкость – глухость], [латеральность – дрожание] (для согласных) и т. д. (см. табл. 42-44).

6. Различные признаки обладают неодинаковым символическим потенциалом. Признаки гласных распределяются так (в порядке убывания):

верхний подъём, нижний подъём, средний подъём, лабиализованность, задний ряд, передний ряд, нелабиализованность. Признаки согласных распределяются так: латеральность, дрожание, переднеязычность, глухость, смычность, губность, фрикативность, звонкость, палатализованность, сонорность, заднеязычность, смычно-фрикативность (т.е. аффрикаты).

Корреляция между шкалами¹³

шкалы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
размер	—	-20	-18	-05	+51	+26	+13	+09	-17	-15	+01	-01
сила			+47	+50	+03	-32	-05	-26	-37	-29	+09	+15
твёрдость				+10	+28	-36	+32	+09	-12	-27	-29	+36
активность					+06	-03	+17	-34	-28	-64	+33	-18
вес						+11	+49	+10	-28	-54	+18	+02
оценка							-05	-24	-01	+04	+04	-24
свет								+19	+03	-51	+58	-22
температура									+31	+16	-05	+22
форма										+48	-03	+18
гладкость											-56	+17
влажность												-08
прочность												—

7. Полюса одной и той же шкалы обладают различной символической активностью. Большей активностью обладают: “маленький”, “сильный”, “мягкий”, “легкий”, “хрупкий”. Полюса шкал активности (“быстрый”, “медленный”) и формы (“острый” и “тупой”) обладают приблизительно равной символической активностью.

¹³ В табл. 41 указаны сотые доли, т.е. – 20 следует читать – 0,20.

Таблица 42

Ранги согласных

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	
малень- кий	t	f	s	tš	n	m	k	ts	dž	v	j	l	š	h	p	g	x	b	z	dz	ž	r	d	боль- шой
слабый	m	b	z	l	dz	ž	n	tš	d	h	x	p	š	f	dž	j	v	s	k	ts	g	r	t	силь- ный
мягкий	p	l	n	ž	m	dz	h	d	f	j	š	b	dž	tš	x	v	z	k	s	g	r	ts	t	твёр- дый
медлен- ный	m	n	l	d	v	dz	dž	ž	b	j	g	h	z	t	š	f	ts	tš	x	k	s	p	r	быст- рый
лёгкий	l	k	f	s	b	ts	dž	h	p	n	x	j	š	t	dz	tš	v	ž	z	g	m	r	d	тяжё- лый
плохой	t	p	d	š	m	k	f	v	j	dž	s	r	z	dz	ts	h	l	x	tš	n	ž	b	g	хоро- ший
тёмный	x	m	k	d	b	t	r	z	p	ž	ts	dz	s	n	š	tš	v	f	dž	h	j	g	l	свет- лый
холод- ный	j	r	s	d	ts	tš	l	x	k	f	dž	g	n	š	h	v	z	ž	dz	b	p	m	t	горя- чий
острый	r	x	dz	ts	dž	tš	s	v	h	d	l	š	ž	k	z	f	n	j	m	g	t	p	b	ту- пой
шерохо- ватый	r	k	b	x	p	j	d	dz	dž	š	ts	g	tš	ž	s	n	v	z	f	h	t	m	l	глад- кий
мокрый	l	t	d	z	f	dž	v	n	m	b	g	dz	ts	ž	tš	x	r	p	š	s	j	h	k	су- хой
хрупкий	x	ž	v	p	ts	r	s	tš	h	m	k	l	f	b	j	š	z	dž	d	g	n	dz	t	проч- ный

Ранги гласных*

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
маленький	i	y	u	ü	¾	a	o	ö	e	большой
слабый	y	a	o	ö	u	¾	e	ü	i	сильный
медленный	a	¾	ö	e	o	ü	y	u	i	быстрый
мягкий	ö	o	ü	e	u	i	y	¾	a	твёрдый
лёгкий	i	ö	e	¾	u	o	y	ü	a	тяжёлый
плохой	a	i	e	u	¾	y	o	ü	ö	хороший
светлый	e	a	y	i	¾	o	ü	ö	u	тёмный
холодный	i	ü	a	y	o	ö	¾	e	u	горячий
острый	e	a	¾	y	i	o	ö	ü	u	тупой
шероховатый	o	e	u	y	ü	a	i	ö	¾	гладкий
мокрый	y	ö	o	e	i	¾	u	ü	a	сухой
хрупкий	u	a	ü	i	e	y	ö	¾	o	прочный

Таблица 44

Звукосимволические соответствия на уровне фонетических признаков

понятия	признаки	понятия	признаки
маленький	передний ряд, верхний подъём, глухость, сонорность, палатализованность	большой	нижний подъём, задний ряд, звонкость, вибрантность, велярность
слабый	значимой связи нет	сильный	передний ряд
мягкий	средний подъём, латеральность, губность, сонорность, палатализованность	твёрдый	глухость
медленный	нижний подъём, латеральность, сонорность	быстрый	верхний подъём, вибрантность, глухость
лёгкий	латеральность, глухость	тяжёлый	звонкость, вибрантность
хороший	значимой связи нет	плохой	глухость
светлый	латеральность, нелабиализованность, переднеязычность	тёмный	лабиализованность, глухость
горячий	губность	холодный	значимой связи нет
острый	нелабиализованность, передний ряд, вибрантность, смычность, фрикативность	тупой	лабиализованность, задний ряд, смычность, губность
гладкий	латеральность, переднеязычность	шероховатый	глухость, вибрантность, средне- и заднеязычность
мокрый	латеральность, сонорность, переднеязычность	сухой	средне- и заднеязычность, глухость
прочный	переднеязычность	хрупкий	фрикативность

* Знак у передаёт звук, соответствующий русскому ы.

10. Межъязыковые фоносемантические корреляции

Вопрос о корреляции между языками на основе символических свойств их звуковых систем ставился нами в разделе 4. Этот вопрос имеет исключительно важное значение для фоносемантики, так как от его решения зависит выбор теории, объясняющий возникновение и существование звукового символизма. Если звукосимволические правила зависят от генетического родства языков, значит в основе звукосимволизма лежит ассоциативная связь между определёнными понятиями и их обозначениями в том или ином языке. Если, наоборот, символические регулярности не зависят от генетической близости языков, значит звуковой символизм возникает на основе транспозиции одних видов ощущений в другие и не зависит от ассоциативной связи звуковых и семантических единиц языка, т.е. от ассоциации между принятым в языке названием и обозначаемым идеальным или реальным предметом.

Результаты корреляционного анализа на основе данных о символизации понятий “большой” и “маленький” в 12 группах языков представлены в табл. 45. Число $df=10$, значимостью $P \leq 0,05$ обладают коэффициенты с абсолютной величиной $\geq 0,58$.

Наличие корреляции между языками может быть обусловлено двумя факторами:

а) сходством лексического состава языков в силу их генетического родства или контактов, приведших к заимствованиям (ср. рус. *слабый*, польск. *slaby*, рум. *slab*);

б) сходством наборов фонетических единиц, входящих в состав соответствующих (этимологически не связанных) лексем, порожденным конкретными историческими условиями развития лексико-семантической и фонетической систем каждого языка, то есть “случайными” причинами (ср. рус. *тупой*, индонез. *tumpul*, узб. *тумток*, кит. *дуньди*, хинди *кунд*, нем. *stumpf*, ненец. *тынха* и т. п.).

Хотя действие первого фактора нельзя исключить полностью, всё же его влияние на степень корреляции между языками следует признать весьма ограниченным. Средний коэффициент корреляции каждой группы индоевропейских языков с остальными индоевропейскими языками, как правило, меньше, чем средний коэффициент корреляции этих языков с языками других семей. В целом индоевропейские языки коррелируют с неиндоевропейскими в большей степени, чем с индоевропейскими, а высокие коэффициенты корреляции между группами родственных языков обусловлены вовсе не их генетическим родством. Так, корреляция между славянскими и балтийскими ($r = +0,56$, см. табл. 45) языками обусловлена тем, что в обеих группах понятие “маленький” обозначается сходно звучащими лексемами: *мал-* в славянских и *maz-* в балтийских. Однако оба корня этимологически не связаны [Фасмер 1967: 564, 620]. Сходство между германскими и романскими языками также обусловлено не генетическим родством, а другими причинами. В романских обозначениях понятия “маленький” высока частота встречаемости звуков /p/, /t/, /k/, /m/ и /l/ (ср. фр. *petit*, ит. *piccolo*, рум. *mic*, порт. *pequeno*). Эти

же гласные и согласные встречаются в словах “маленький” в германских обозначениях понятия “маленький”: англ. *little*, *small*, нем. *klein*. Таким образом, корреляция между германскими и романскими, а также между славянскими и балтийскими языками обусловлена сходством наборов фонетических единиц, входящих в состав лексем, обозначающих понятие “маленький”. Аналогичными причинами объясняется сходство между другими группами родственных и неродственных языков.

Таблица 45

Корреляция между языками

языки	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
славянские	—	+48	+56	+39	-07	+41	+31	+42	+53	+32	+45	+10
германские			+05	+65	+17	+40	+47	-02	+84	+14	+23	+36
балтийские				+15	-10	+14	+07	+42	+25	+42	+26	-13
романские					+35	+46	+59	0	+68	+12	+22	+46
индо-иранские						+24	+14	+05	+24	+26	+03	+06
тюркские							+51	+18	+51	+12	+44	+53
финно-угорские								+23	+45	+03	+43	+51
монгольские									+12	+45	+47	-03
малайско-полинезийские										0	+17	+37
китайско-тибетские											+36	+20
семитские												+15
кавказские												—

11. Коммуникативные и экспрессивные звуковые оппозиции

Если ещё раз обратиться к табл. 42-43 и 44, то можно заметить, что символизация шкал осуществляется таким образом, что семантическому противопоставлению обычно соответствуют фонетическое. Шкала активности (“быстро” – “медленно”), символизируется противопоставлением [верхний подъём – нижний подъём], [латеральность – дрожание]; шкала формы символизируется противопоставлением [передний ряд – задний ряд], [нелабиализованность – лабиализованность] и т. д.

Подобные оппозиции можно назвать экспрессивными (звуко-символическими) в отличие от коммуникативных, открытых “классической” фонологией. Наиболее распространённым типом звуко-символических оппозиций является противопоставление [звонкость – глухость] и [латеральность – дрожание], затем следуют [переднеязычность – заднеязычность], [смычность – фрикативность], [лабиализованность – нелабиализованность] (см. табл. 44). Существование звуко-символических оппозиций порождает, по крайней мере, два следствия:

1. Звуковой символизм носит не абсолютный, а относительный характер (определённые звуки имеют символическое значение лишь постольку, поскольку им противопоставлены какие-либо другие звуки).

2. Экспрессивные (звукосимволические) оппозиции в том или ином языке, по-видимому, не всегда совпадают с коммуникативными (то есть принятыми в фонологии) оппозициями в том же языке. Здесь перед исследователем открывается широкое поле деятельности: необходимо установить “национальные” экспрессивные оппозиции, свойственные данному языку или данной группе языков, и межнациональные (универсальные) оппозиции, число которых, очевидно, будет меньше инвариантного набора, составленного из всех допустимых (встретившихся в том или ином языке) оппозиций.

12. Многофонемные символические единицы и методы их изучения

12.1. Методы вычленения фонестем в словаре

Как неоднократно отмечалось выше, звуковой символизм может изучаться не только на уровне фонемы, но и на уровне единиц, меньше или больше фонемы. В первом случае имеется в виду фонетические признаки, во втором – **звукосимволические комплексы** (см. раздел 4) или **сочетания фонем**. Последние давно привлекают внимание лингвистов: обширный материал представлен, в частности, в работах Л. Блумфилда [Блумфилд 1968], Г. Смизерса [Smithers 1954], С. Ульмана [Ullmann 1964]. Так, Л. Блумфилд обращает внимание на связь сочетания /fl/ в английском языке с понятием “движущийся свет” [*flash, flare, flame*], /sl/ – с понятием “гладкий”, “влажный” [*slime, slush, slop*] и т.д. Вслед за Дж. Ферсом и Ф. Хаусхолдером подобные сочетания фонем в лингвистике стали называть **фонестемами** (довольно полный обзор работ в этой области представлен С.В. Ворониным [Воронин 1990: 12-13] и А.Б. Михалевым [Михалев 1989: 32] (а также 2008: 140-148)). *Под фонестемой понимают «субморфемные единицы, несущие значение»* (см. Hinton et al. 1994: 5). Понятно, что при таком понимании фонестемы мы можем употреблять этот термин только по отношению к субморфемной единице (напр., *fl-* или *sl-*) в составе реальных слов, объединенных определенным значением, как это имеет место в приведенных выше примерах. Неправоммерно использовать термин *фонестема* для обозначения звукосочетаний, символическое, лексическое или коннотативное значение которых в том или ином языке предстоит еще выяснить (такое некорректное употребление термина *фонестема* наблюдается, например, в работе Кушнерик 2004: 288 и след.). А.Б. Михалев использует в своих работах для обозначения начальных звукосочетаний в слове (типа *br, sl*) термин **бифон**. Однако в некоторых случаях мы имеем дело со звукосочетаниями, состоящими из трех звуков (*str, spl* и т.п.). Поэтому мы используем в таких случаях не совсем удобный, но все же правильный термин **звукосочетание**.

По справедливому замечанию Л. Блумфилда, фонетическое сходство, например, звука /b/ в словах *box* “бить”, *beat* “бить” *bang* “ударять” представляет какую-либо языковую форму только тогда, когда оно

сопровождается и семантическим сходством, а для определения или измерения последнего у нас нет надёжных критериев [Блумфилд 1968: 268]. Действительно, в работах, посвящённых изучению связи звука и смысла, группировка фонетически подобных форм, обладающих якобы сходным значением, носит, как правило, крайне субъективный характер. Так, например, в одну группу объединяются слова *Kugel* “шар”, *Buckel* “горб”, *Busen* “грудь”, *Muff* “муфта”, *Pupille* “зрачок”, *Pudding* “пудинг” и т. п., обладающие, с точки зрения автора, фонетическим (звук /u/) и семантическим (“круглый”) сходством [Fenz 1940]. Возможно, со звуком /u/, действительно, связана идея “круглый” (см. табл. 43, полюс “тупой”), однако вряд ли можно признать удовлетворительным предлагаемый выше способ доказательства существования такой связи. С одной стороны, в немецком языке существуют десятки слов, включающих звук /u/, но не связанных с идеей “круглый” (ср. *Zug* “поезд”, *Buch* “книга”, *Tuch* “платок”), с другой стороны, существует ряд слов, связанных с идеей “круглый” в не меньшей степени, чем перечисленные выше слова, которые, однако, не содержат звука /u/ (ср. *Kugel*, но *Kreis* “круг”). Аналогичным образом осуществляется подбор фонетически и семантически связанных единиц в названных выше работах Л. Блумфилда, С. Ульмана, Г. Смизера, М. Шастэна и других исследователей.

Таким образом, *успешное изучение отношений между звуком и смыслом в языке будет зависеть прежде всего от наличия эффективных методов исследования*. В целом проблема сводится к нахождению критериев объединения семантически связанных слов. Как известно, такие критерии в лексикологии до сих пор не найдены. В принципе, однако, при анализе семантико-фонетических связей можно воспользоваться двумя типами лексических группировок: либо группами слов, объединённых на основе синонимических отношений, либо группами слов, объединённых на основе совпадения семантических компонентов (в последнем случае слова не обязательно должны быть синонимами). Вторая процедура, как показывает накопленный нами опыт, представляется более эффективной.

Эта процедура сводится к следующим основным операциям.

По одноязычному или двуязычному словарю, где представлены толкования слов (в том числе в виде перевода) составляются два инвентаря единиц: а) наборы слов с одинаковыми начальными, срединными или конечными (в зависимости от целей исследования) сочетаниями фонем; эти наборы объединяются наличием идентичных сочетаний типа *st*, *fl*, *br*, *kl*, *str* и т. д.; б) наборы семантических компонентов, входящих в толкования соответствующих слов. Для повышения степени объективности в качестве компонента толкования избирается не идеальная сущность, т.е. “сема”, а любое полнозначное слово, входящее в дефиницию или перевод толкуемого слова. Например, формальный набор, полученный в результате такой операции и включающий в немецком языке сочетание *st*, будет состоять из слов *stark*, *starr*, *steif* и т. д., а семантический набор будет состоять из компонентов [жёсткий], [твёрдый], [крепкий], [сильный], [накрахмаленный]. Вполне понятно, что между семантическими и фонетическими наборами нет одно-однозначного соответствия, ибо компонент [сильный] входит, например, не только в

семантику *stark*, но и в толкования слов *streben* “стремиться”, *trachten* “сильно желать”. Именно это обстоятельство – поливариантность звуко-семантических соответствий – обуславливает применение второй основной операции – статистической обработки полученных данных. Наиболее эффективной статистической процедурой является в данном случае использование критерия хи-квадрат и коэффициентов сопряжённости. Применение этих статистических методов позволяет выделять такие семантико-фонетические единства, в которых сила связи компонентов носит статистически значимый характер и может быть выражена с помощью некоторых количественных показателей.

Так, например, в табл. 7 (см. Приложение) отображена частота встречаемости компонента [трещать] в немецких словах с начальным kn. Соответствующий статистический анализ обнаружил высокую степень сопряженности между фонетическим признаком [kn] и семантическим признаком [трещать]: $K = 0,78$.

Результаты осуществленного таким образом анализа двух- и трех-фонемных начальных сочетаний в немецком и английском языках¹⁴ представлены в табл. 8 и 9 Приложения. В этих таблицах значения фонетических сочетаний расположены в порядке убывания величин коэффициента K , вычисленных на основе χ^2 . Например, сочетание bl в немецком языке связано больше всего со значением «блеск», а сочетание gl, которое тоже может иметь такое значение, связано, тем не менее, в большей степени со значением «скользящий». Из исследованных 260 альтернативных распределений в немецком языке (изучались сочетания, частота которых равнялась 2 и более), статистически значимыми оказались лишь 164 различия, т.е. около 45 %.

Как показывает анализ полученных данных, во многих случаях слова (см. табл. 8), характеризующие семантические функции звукокомбинаций, связаны синонимическими отношениями или отношениями семантического сходства. Такими отношениями связаны, например, компоненты [блеск] и [сверкать] (сочетание bl), [ярость] и [крошить] (br), [сиять] и [блеск] (gl), [великий] и [хвастаться] (gr), [мерцать] и [сверкать] (fl), [плоский] и [поле] (fl), [дерзкий] и [наглый] (fr), [комок], [глыба], [куча] (kl), [скучный] и [печальный] (tr) и др. Во многих случаях фонемные сочетания явно многозначны, а подчас объединяют трудно совместимые значения: например, «ловкий» и «грубый» (fl), «изящный» и «неуклюжий» (kl), «скучный» и «вера» (tr), «ходить» и «лить» (rt). Возникает вопрос: подчиняются ли полученные данные о связи определенных фонетических и семантических единиц каким-либо общим закономерностям? Если между определенными фонетическими и определенными семантическими единицами (например, сочетанием kl и значением «комок») существует некоторая связь, то, очевидно, должна существовать также связь между теми фонетическими единицами, которые объединены одинаковым набором семантических единиц: например, kl и kn связаны с семантическими единицами «комок» и «глыба»; следовательно,

¹⁴ Результаты этих исследований впервые изложены в работах: [Жерновой / Левицкий 1988], [Быстрова / Левицкий 1973], [Левицкий 1986], [Левицкий 1983], [Левицкий 1989].

между *kl* и *kn* должна существовать функциональное сходство. Для обнаружения такого рода сходств и различий было использовано два статистических метода – корреляционный анализ и нахождение коэффициентов сопряженности и сумм χ^2 . Оба вида статистического анализа обнаружили важную закономерность: фонетически сходные единицы (например, *bl*, *fl*, *sl*, *pl*) обнаруживают большее «семантическое» сходство и наоборот. Для немецкого языка анализ с помощью критерия χ^2 был осуществлен на уровне фонем, а для английского языка – на уровне фонем и на уровне фонетических признаков. При этом фонетически сходными считались сочетания, имеющие хотя бы один общий фонетический признак из следующих четырех: взрывность, фрикативность, латеральность (звук /l/) и дрожание (звук /r/). Полученные результаты свидетельствуют о том, что сходными семантическими функциями обладают фонетические сочетания, включающие в свой состав в качестве первого элемента сходные фонетические признаки [взрывность] или [фрикативность], а в качестве второго элемента – сходные фонемы /r/ или /l/. Особо следует сказать о статистической связи исследованных сочетаний со словарными пометами, указывающими на сферу употребления того или иного слова. Для немецкого языка с помощью критерия χ^2 установлена явная тенденция употребления в области техники слов с начальными сочетаниями, включающими /r/ в качестве второго элемента и /k/ в качестве первого элемента. Помета [диал.] (диалектный) связаны в немецком языке в прежде всего с сочетаниями *Sl*, *kl*, *kn* и *kr*; [разг.] – с *Sl*, *kl*, *kr*, *St*, *tr*, *Sw*. Полученные данные свидетельствуют о наличии определенных статистических закономерностей, характеризующих отношение «звук-смысл» не только в пластах общенародной лексики, но и в области специальной, терминологической лексики.

У читателя может, однако, возникнуть, вполне закономерный вопрос: какое отношение к звуковому символизму имеет выявленная связь между некоторыми сочетаниями фонем и технической терминологией? Все выявленные статистическим путём фонетико-семантические связи можно разделить на три основные группы (см. табл. 9, Приложение):

1) звукоподражания: *gr* + рычать, ворчать, скрип; *kr* + хруст, ворчать, грохот, крик, удар и т.п.

2) звуковой символизм: *tr* + быстрый, *gl* + блеск, *fl* + слабый, вялый, *gl* + гладкий, скользкий и т.п.

3) связи, не относящиеся ни к первой, ни ко второй группе, статистическая значимость которых обусловлена случайной распространённостью того или иного корня в данном языке: чистить + *kl*, шутка + *tr*, щеголь + *sw*, пятно + *sm*.

А.Б. Михалев, уточняя принятую нами классификацию, пишет: «то, что В.В. Левицкий называет «случайной распространённостью...», на самом деле – действие деривационного принципа формального и семантического развития словаря» (см. Михалев 1995: 76). Вполне соглашаясь с таким уточнением, мы хотели бы только добавить, что слова «на самом деле», содержащие коннотацию противопоставления одного высказывания другому, представляются нам лишними, т.к. уточнение А.Б. Михалева касается *причин*

«случайной распространенности того или иного корня в данном языке», а не самого явления.

Следует заметить также, что «действие деривационного принципа формального и семантического развития языка» является *универсальной* причиной соединения определенных форм и значений в том или ином языке. При этом в английском языке *kl-* почему-то связано с идеей «чистый», а в немецком – не связано. Это «почему-то» и есть не что иное, как «случайная распространенность» корня с определенным значением в данном языке. В свете введенных нами в книгу [Левицкий 2008] понятий «фонетическое значение» и «функциональное значение» звуковой единицы можно иначе обозначить установленные нами выше типы связей: 1) **иконические** (звукоподражание + звуковой символизм); 2) **функциональные**: те связи, которые наблюдаются в данном языке, но не обусловлены ни звукоподражанием, ни звукоподражанием и порождены «действием деривационного принципа формального и семантического развития» языка. В. Гумбольдт, как правильно заметил А.Б. Михалев, относит такого рода связи к третьему типу – в отличие от первых двух, названных нами в разделе 1.1, часть 1.

Связи, относящиеся к первым двум группам, должны носить межнациональный характер: ср., например, звучание русских лексем, передающих звукоподражательные значения английских сочетаний *gr, kr, skr*: рычать, ворчать, скрип, хруст, грохот, крик, удар; и звукоподражательные значения сочетаний *tr* – “быстрый”, *gl* – “блеск”, *fl* – “слабый”.

Таким образом, далеко не все семантико-фонетические связи в языке, даже если сила этих связей носит статистически значимый характер, обусловлены символическими свойствами звуков.

В последние годы предпринимаются попытки выделить иные типы фонем (см. Калита 2001: 70). (сюда же можно отнести работу М.Э.Даниловой о рифме как фонематике в конечной позиции: Данилова 2007)

Что касается методики исследования связи звука и смысла, изложенной в данном разделе, то она применима не только для изучения символических свойств сочетаний фонем, но и для выявления символики отдельных звуков. Опыт изучения символических свойств начальных звукоподражаний в лексическом составе немецкого и английского языков (имеются в виду работы О.В. Найдеш и Н.Л. Львовой), накопленный в Черновицком университете, показывает, что предложенная нами «жесткая» процедура нахождения таких связей с помощью компонентного анализа (см. выше), может быть дополнена или заменена менее объективной, но более результативной интуитивной методикой, в соответствии с которой «сходные» семантические классы (см. выше [блеск], [сверкать], [мерцать] и т.п.) группируются не на основе точного и полного совпадения семантических компонентов, а на основе упомянутой выше «общей семы» или общего «признакового» компонента. Например, слова с компонентами [твердый], [крепкий], [сильный], [накрахмаленный] и т.п. объединяются в один семантический подкласс [сильный, крепкий]. Слова с компонентами [слякоть], [спать], [неряшливый], [слюни], [ленивый] объединяются признаковым значением [слабый] и т.п.

12.2. Психолингвистические методы изучения звукосочетаний

В течение последних 10-15 лет, как сказано выше, в Черновицком университете велись интенсивные исследования свойств и функций начальных звукосочетаний в английском (Н.Л. Львова) и немецком (О.В. Найдеш) языках. В серии работ Н.Л. Львовой, выполненных под нашим руководством, исследовалось 30 начальных звукосочетаний (типа bl, br, dr, kw, sk, sm, sn, skw, str, thr, tw и др.) в английском языке. С помощью методики «семантического дифференциала» (использовалась 5-тибалльная шкала; информантами были студенты университета Локк-Хейвен, США) названные сочетания фонем были исследованы по шкалам силы («слабый-сильный»), оценки («неприятный-приятный»), активности («медленный-быстрый»), шероховатости («шероховатый-гладкий»), жестокости («жестокий-добрый») и размера («маленький-большой»). Оценки всех сочетаний по этим 6 шкалам приведены в Приложении (см. табл. 10).

В целом результаты эксперимента обнаружили, что «приятными» оказались сочетания fl, pl, sm (оценки существенно отклоняются от нейтральной зоны 2,5-3,5), а «неприятными» – kr, gr, kw, sf, skw, sv, ts, fr; «сильными» являются br, kr, dr, fr, gr, pr, sk, spr, st, str, thr, tr; «слабыми» – fl, pl, sf, ts. Сходное распределение наблюдается по другим шкалам. Дальнейшая обработка данных состояла в том, чтобы получить ответы на некоторые теоретические вопросы фоносемантики. Прежде всего, полученные данные были подвергнуты корреляционному анализу для того, чтобы получить ответ, существует ли корреляция между шкалами, во-первых, и между какими шкалами наблюдается большая корреляция, во-вторых. Результаты анализа представлены в табл. 46 (df = 28; значимым являются коэффициенты $r \geq 0,36$).

Таблица 46

Корреляция между шкалами

		1	2	3	4	5	6
1.	Сила	-	-0,14	+0,61	-0,21	-0,33	+0,8
2.	Оценка	-	-	+0,41	+0,9	+0,94	-0,2
3.	Активность	-	-	-	+0,25	+0,21	+0,4
4.	Шероховатость	-	-	-	-	+0,87	-0,28
5.	Жестокость	-	-	-	-	-	-0,29
6.	Размер	-	-	-	-	-	-

Как видно из табл. 46, наибольшее соответствие наблюдается между шкалами оценки и жестокости (0,94), оценки и шероховатости (0,9), шероховатости и жестокости (0,87), силы и размера (0,8), силы и активности (0,61). Из этого следует, что шкалы оценки и жестокости являются вариантами одной шкалы; к ним близка шкала шероховатости. Близки между собой шкалы силы, активности и размера. *В целом такие результаты свидетельствуют в пользу синестезической теории звукового символизма.*

Если развернуть исходную таблицу для вычисления коэффициентов корреляции на 90^0 , то можно получить данные о корреляции (т.е. сходстве символических потенциалов) самих сочетаний. Осуществив необходимую процедуру, Н.Л. Львова получила такие ряды связанных друг с другом по сходству символических функций звуко сочетаний:

Bl-Gl

Br-Kr-Fr-Gr-Dr-Sk-Sp-Spr-St-Str-Sv-Tr

Kl-Fl-Sm-Sw

Kr-Dr-Fr-Gr-Sp-Spr-Skw-Str-Sv-Thr-Tr

Dr-Gr-Spr-Thr-Tr

Fl-Gl-Pl-Sl-Sm-Sw

Fr-Gr-Sp-Spr-Skw-Str-Sv-Thr-Tr

Gl-Pl-Sm-Sw

Gr-Shr-Sp-Spr-Skw-Str-Sv-Thr-Tr

Pl-Sm-Sw

Sk-Sp-St-Tr

Shr-Spl-Spr-Skw-Thr

Sl-Sm-Sn-Sw

Sm-Sn-Sw

Sn-Sw

Sp-St-Str-Sv-Tr

Spl-Skw

Spr-Skw-Str-Sv-Thr

Skw-Str-Sv-Thr

St-Tr

Str-Sv-Tr

Жирным шрифтом выделены те сочетания, для которых в каждой цепочке зафиксированы наибольшие величины коэффициентов корреляции.

В приведенных цепочках обращает на себя внимание тот факт, что в достаточно большом числе случаев двух- и трехфонеменные сочетания связаны между собой не по первому, а по второму компоненту и этим вторым компонентом чаще всего являются звуки /r/ и /l/.

В табл. 47 Н.Л. Львова показала, что английские звуко сочетания с одинаковым первым согласным, но различным вторым компонентом (r-l), как правило, оцениваются испытуемыми противоположным образом (мы добавили к данным Н.Л. Львовой «очищенные» оценки с соответствующими знаками, полученными путем нахождения разницы $3 - x$, где x – абсолютная оценка).

Например, по шкале силы $bl = +0,3$, а $br = -0,7$; $kl = +0,2$, а $kr = -0,7$ и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее важным компонентом в сочетаниях типа *br*, *kr*, *fl* и т.д. является второй и этим вторым компонентом, различающим символический потенциал звуко сочетаний являются звуки /r/ и /l/.

Сходные данные (но по иной методике) на материале немецкого языка получены в ряде работ О.В. Найдеш.

Средние оценки звуко сочетаний с *l* и *r* по шкалам СД

	Сила		Оценка		Актив- ность		Шерохо- ватость		Жестокость		Розмер	
Bl	2,7	+0,3	2,8	+0,2	2,6	+0,4	3,3	-0,3	3,2	-0,2	2,9	+0,1
Br	3,7	-0,7	2,7	+0,3	3,3	-0,3	2,6	+0,4	2,6	+0,4	3,2	-0,2
Kl	2,8	+0,2	3,04	-0,04	2,9	+0,1	2,9	+0,1	2,98	+0,02	2,7	+0,3
Kr	3,7	-0,7	2,4	+0,6	2,9	+0,1	2,4	+0,6	2,4	+0,6	3,2	-0,2
Fl	2,5	+0,3	3,6	-0,6	3,1	-0,1	3,7	-0,7	3,7	-0,7	2,7	+0,3
Fr	3,6	-0,6	2,4	+0,6	3,2	-0,2	2,3	+0,7	2,4	+0,6	3,4	-0,4
Gl	2,8	+0,2	3,1	-0,1	2,8	+0,2	3,3	-0,3	3,3	-0,3	2,9	+0,1
Gr	4,1	-1,1	2,4	+0,6	3,1	-0,1	2,5	+0,5	2,4	+0,6	3,7	-0,7
Pl	2,3	+0,7	3,5	-0,5	2,97	+0,03	3,6	-0,6	3,6	-0,6	2,7	+0,3
Pr	3,5	-0,5	3,2	-0,2	3,1	-0,1	3,1	-0,1	3,4	-0,4	3,1	-0,1

12.3. Значения звуко сочетаний по данным других исследований

Как сказано выше, в 80-е годы прошлого столетия мы изучили с помощью изложенной в разделе 12.1 методики, начальные сочетания фонем в английском и немецком языках (см. Левицкий 1983; Левицкий 1986; Жерновой/Левицкий 1988). Кроме того, в 2008 году мы подвергли статистическому анализу ие. корни с начальными двух- и трехфонемными сочетаниями (по данным словаря [Pokorny]). Эти и другие исследования (см., в частности, Михалев 1995) позволяют осуществить сравнительный анализ полученных результатов. Так, по полученным нами данным (1983-1988) *br-* связано в немецком языке с такими значениями: «дробь», «крошить», «рычать», «чваниться»; в английском языке: «ссора», «ломать», «хрупкий», «грубый», «храбрый», «ясный», «живой», «веселый», «чистить», «скоба». В ие. праязыке, *bhr-* (ие. *bhr-* = герм. *br-*) обнаруживает такие связи: «разрушать», «движение», «сиять, блестеть», «пухнуть, набухать». В целом можно считать, что семантические наборы *bhr-/br-* в трех экспериментах (английский язык, немецкий язык, ие. праязык) совпадают; общими являются компоненты «разрушать», «дрожать», «чваниться» («набухать»), «живой», «храбрый» («движение») «сиять, блестеть». Комплекс *bhl-* в индоевропейском обладает таким набором значений: «звучание», «блеск», «пухнуть, набухать». В английском языке находим такие соответствия в семантическом наборе *bl*: «реветь», «пузырь», «волдырь», «глянец», «бледный», «болтать», «вздор», «пятно»; в немецком *bl* имеет значения «блеск, сверкать». Комплекс *sl* зафиксирован в индоевропейском языке со значениями «отпускать, расслаблять» и «мазать»; в английском: «слякоть», «спать», «неряшливый», «слюни», «медленный», «слабый», «скользкий», «ленивый», «болото», «жидкий», «вялый», «гладкий». Сочетание *st*, неоднократно привлекавшее к себе внимание исследователей, в индоевропейском связано с понятийными сферами «давить» и прежде всего «опора, покой» (сверхсильная связь). В английском: «неподвижность», «крепкий», «твердый», «ствол», «пень», «прочный», «боль», «чопорный»,

«заикаться». Значение «звук» обнаруживаем в немецком *str* («болтать»), а значение «жать» – в англ. *str*. Будучи частью звукокомплекса *str*, сочетание *st* также оказалось связанным с идеей «звучание» в индоевропейском. Комплекс *st*, а также входящий в его состав дентальный *t*, как уже сказано выше, неоднократно рассматривались в фоносемантических исследованиях. Так, Я. Малкил характеризует *t* и *st* как звуковые единицы, связанные с идеей «упорное сопротивление» (*stubborn resistance*) – см. *Malkiel 1990: 254*. Действительно, и *t* и *st* связаны с гиперсемами [опора] и [давить], а *t*, кроме того, с гиперсемой [тянуть]. Это полностью согласуется с наблюдениями, накопленными и в фоносемантике, и в этимологии. А. Мейе пишет, в частности: «*st, t* встречается в ряде слов, обозначающих «опираться, толкать»» (*Meïe 1938: 195*). Интересно отметить, что примеры, приводимые А. Мейе, полностью соответствуют связям *st* и *t*, обнаруженным нами в ие. языке: лат. *tundō* «толкаю», *studeō* «стараюсь, стремлюсь» (ср. обнаруженные нами связи *t* и *s* с гиперсемами [опора] и [усилие, труд]; ди. *tudāti* «толкает», гот. *stautan* «толкать», двн. *stoc* «палка»; гр. *steibō* «попираю», арм. *stipem* «давлю» (ср. обнаруженные нами связи *t, st, s* с гиперсемами [давить], [опора], [ветка, палка]).

Сочетание *s_z* в индоевропейском связано с такими семантическими единицами: «движение», «гнуть», «звук», «вкус», «причинять вред», «отпускать». В английском и в немецком языках для *sw* (*Sw*) установлены такие значения: «болтать», «гибкий», «шататься», «глоток», «пеленать», «махать», «удар», «быстрый». Комплекс *gr* связан в индоевропейском с такими понятийными сферами: «разрушать», «звучание», «давить»; в английском сочетание *kr* (герм. *kr* = ие. *gr*) имеет такие значения: «давка», «хруст», «ворчать», «треск», «дробь», «грохот», «крик», «удар»; в немецком – «чесать», «хлам», «ссора», «крик», «царапать», «лопаться»; сходные значения можно обнаружить в *Ullmann 1964* и в *Smithers 1954*.

Думается, что этих примеров достаточно, чтобы убедиться, что, во-первых, семантические наборы ие. комплексов и соответствующих им герм. комплексов в значительной степени совпадают и что, во-вторых, значения герм. комплексов восходят к ие. источникам.

В цитируемой работе А.Б. Михалева содержится интересная схема семантического набора «бифона» *br-* во французском языке. Этот набор включает такие семантические компоненты, как [рука], [борьба], [разрушение], [свечение], [острый, резкий], [шум, крик], [действие], [инструмент] (см. Михалев 1995: 80). Этот материал французского языка дополняет и подтверждает сопоставления значений звукокомбинаций, изложенные выше.

Не менее интересен материал семитских языков, собранный и обработанный А.М. Газовым-Гинзбергом (Газов-Гинзберг 1965: 164-168). Так, звуковые комплексы, включающие *R* (*SBR; RD, PRS, PRD, PTR, KR* и др.), означают понятия «ломать», «дрожать», «говорить», «лопаться»; звукокомплексы, включающие *S, Š* или *Z*, имеют значения «связывать, соединять», «посылать, метать»; звукокомплексы с *N* означают «дуть, дышать». Комплексы *SKK* и *SKT* означают «молчать, останавливать, препятствовать», *STR* – «давить». Звукокомплексы с *K* могут означать «резать», «маленький»,

«короткий», а звукокомплексы с L и LW – «круглый», «скручивать», «вертеть», «лизать, лакать». KB/GV означают «быть выпуклым, быть большим».

«В свете всего изложенного, – заключает автор, – мне представляется лишь один возможный ответ на вопрос «Изобразителен ли язык в своих истоках?» Этот ответ положительный» (Газов-Гинзберг 1965: 161).

12.4. Построение фоносемантического поля

Идея «поля» в лингвистике восходит, как известно, к работам Й. Трира, основополагающая книга которого, посвященная «семантическому полю» [разум] в немецком языке („*Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes*“), послужила толчком для развития теории поля в отечественном и зарубежном языкознании. В результате в отечественном языкознании стали появляться работы, посвященные исследованию и построению не только лексико-семантических, но и лексико-грамматических и фоносемантических полей. Одним из *первых* лингвистов, обратившихся к идее построения фоносемантического поля, был А.Б. Михалев (Михалев 1995). Фоносемантические поля, построенные А.Б. Михалевым на материале нескольких индоевропейских и неиндоевропейских (арабского) языков, представляют собой совокупность семантически связанных между собой (с точки зрения исследователя) лексических единиц, объединенных одним фонетическим признаком (например, сочетанием l + щелевой типа англ. lash, lace, list и т.п.). Как видно из приведенных иллюстраций, поля, созданные А.Б. Михалевым, относятся, скорее, к семантико-фонетическим, поскольку элементами поля являются семантические, а не фонетические единицы. Особенностью построений А.Б. Михалева является и то, что объединение семантических единиц осуществлено в этих полях на основе интуитивного анализа словарных статей. Между тем, как уже упоминалось в разделе 12.1, нами была разработана более формализованная процедура установления семантико-фонетических связей между единицами плана содержания и единицами плана выражения (см. Левицкий 1983; Левицкий 1986; Жерновой/Левицкий 1988).

Используя предложенную нами методику, Н.Л. Львова осуществила построение фоносемантического поля на иных основаниях (см. Кантемір/Лучак/Львова 2005): элементами фоносемантического поля являются фонетические единицы (двухфонемные сочетания типа *br*, *kr* в английском языке), объединенные общими семантическими, а точнее, звуко-символическими значениями.

На материале этимологического словаря индоевропейских языков нами построено (также с помощью корреляционного анализа) фоносемантическое поле индоевропейского праязыка (см. Левицкий 2008: 150-156).

С самого начала следует исходить из того, что конструируемое фоносемантическое поле должно состоять из двух связанных между собой, но, тем не менее, различающихся участков: один участок составляет совокупность звукокомплексов с начальными глухими и звонкими взрывными, второй участок – звукокомплексы с начальным *s*. Как показано в разделе 12,2, между комплексами первого и второго типа существует заметное различие: комплексы

первого типа связаны между собой преимущественно по второму компоненту, а комплексы второго типа по первому компоненту.

На рис. 1 представлена схема связей между звукокомплексами с начальными элементами *bh*, *dh*, *gh*, *d*, *g*, *p*, *t*, *k* и $\dot{c}$. Центр поля составляют звукокомплексы *bhr*, *ghr*, *tr*, *kr*, $\dot{c}r$ и *pl*, которые обладают и наибольшим числом связей, и наибольшей частотой встречаемости. По этому параметру из перечисленных комплексов только *pl* не входит в состав лидирующих, но *pl*, безусловно, имеет большое число связей, и поэтому включен нами в центр поля. Этот центр – и это хорошо видно на схеме – составляют комплексы, включающие, как правило, в свой состав компонент *r*; исключение составляет только *pl*.

Второй участок фоносемантического поля (см. рис. 2) состоит из звукокомплексов с начальным *s*. Центр поля представлен звукокомплексом *sk*, который вместе с комплексом *sp* имеет выход к первому участку поля через общий элемент *bhr*. Такой же выход имеет звукокомплекс *sn* (через *pl*). Замкнутое микрополе на рис. 2 образуют четыре комплекса – *sk*, *sn*, *sr* и *sp*, которые связаны друг с другом внутренними перекрестными линиями.

Остальные звукокомплексы – $s^{3/4}$, *st* и $s_{\dot{c}}$ находятся на периферии поля. Более или менее высокие коэффициенты связывают *sl* с $s^{3/4}$ и *sm*.

Интересно сравнить построенное нами фоносемантическое поле с каким-либо иным фоносемантическим полем. Единственным пригодным для такого сравнения является фоносемантическое поле современного английского языка, полученное Н.Л. Львовой (см. Кантемір/Лучак/Львова 2005: 269-270). Это поле (см. рис. 3) построено Н.Л. Львовой на основе корреляционного анализа величин символических значений двух и трехкомпонентных звукосочетаний типа *Br*, *Sw*, *Str*, *Spr*, полученных с помощью психолингвистических экспериментов по 6 шкалам осгудовского семантического дифференциала. Как видно по рис. 3, все фоносемантическое поле состоит из двух парадигм, между которыми нет статистически значимых связей.

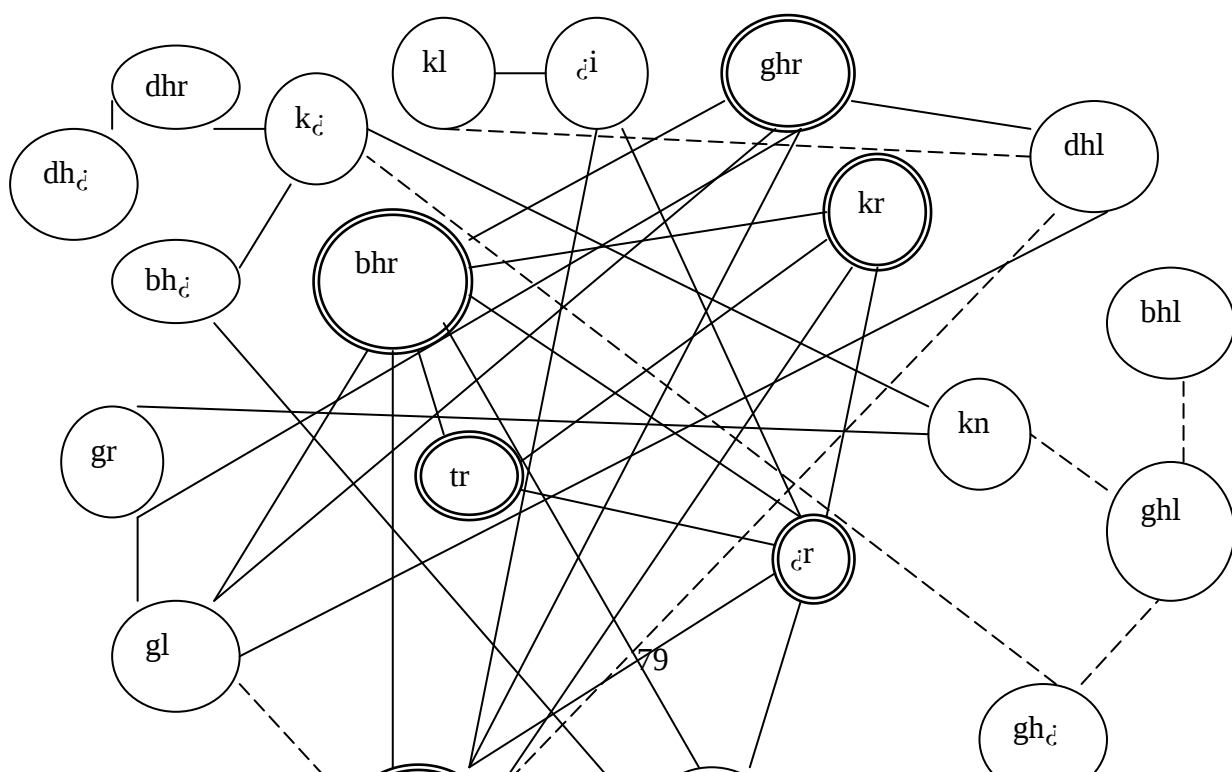

Рис. 1. Фоносемантическое поле ие. языка

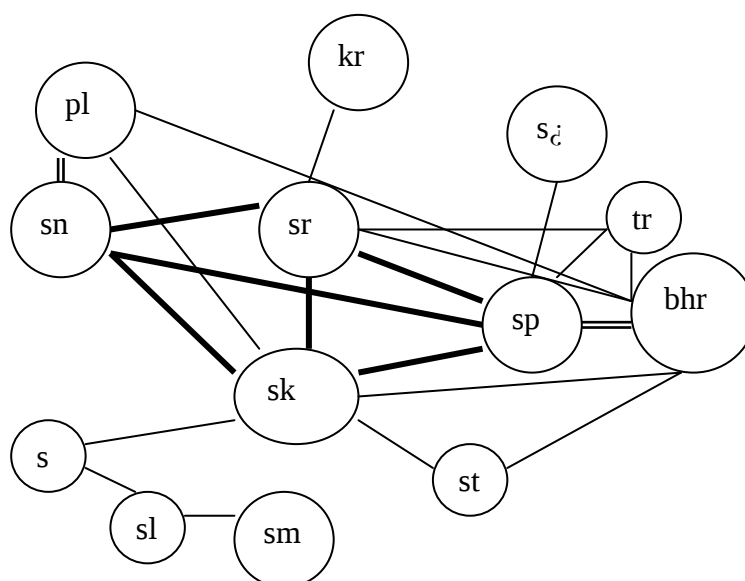

Рис. 2. Участок фоносемантического поля звукокомплексов с начальным s

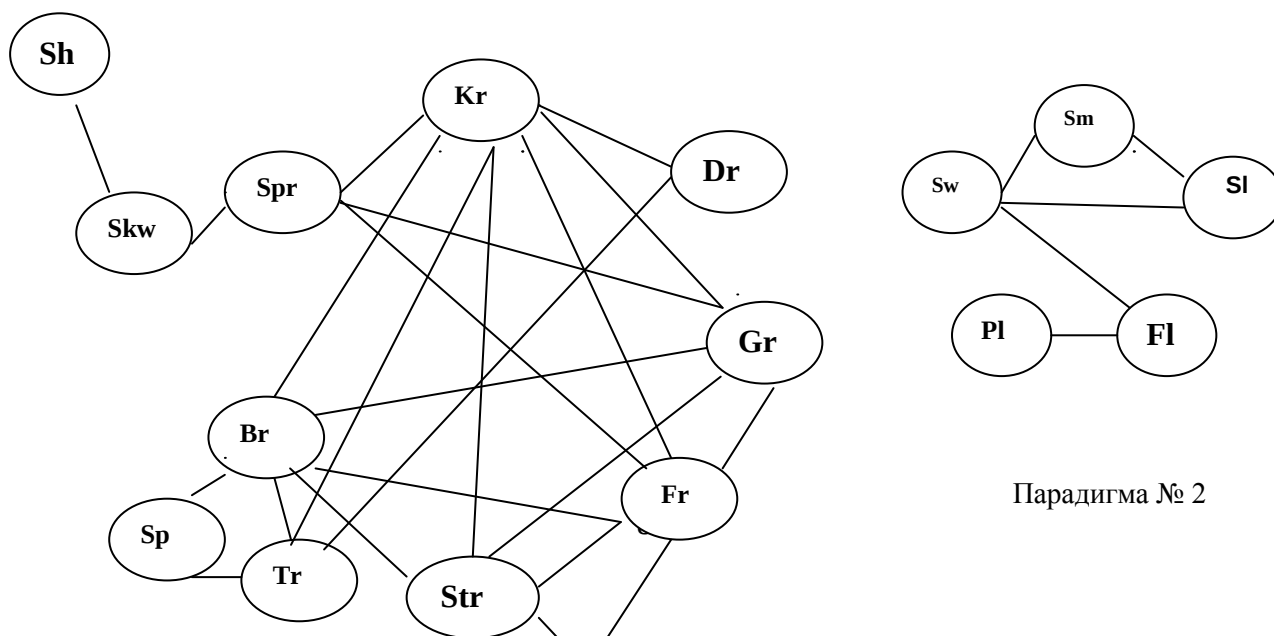

Рис. 3. Фоносемантическое поле современного английского языка

(Львова 2005)

В центре парадигмы 1 сосредоточены звукокомплексы со вторым (третьим) компонентом *r*: *br, kr, dr, gr, fr, str, tr, spr*. Периферию этой парадигмы составляют комплексы с начальным *s*: *skw, shr, sp, spr, sv*. Звукокомплексы *st* и *sk* оказались по результатам анализа Н.Л. Львовой вне системы, хотя и связанными между собой. Вторая парадигма Н.Л. Львовой объединяет комплексы, связанные между собой либо вторым компонентом *l*, либо первым компонентом *s* (*sw, sm, sl*, с одной стороны, и *pl, fl* – с другой); к этим сочетаниям примыкают (в силу сходства звуко-символических функций) сочетания *sw* и *sm*. Можно сделать вывод, что символические функции со вторым компонентом */r/*, */p/*, */t/*, */k/* и */v/* противопоставляются символическим функциям сочетаний со вторым компонентом */l/*, */m/*, */w/*. Такой набор компонентов коррелирует с выводами И. Фонадя о частоте встречаемости звуков */t/*, */k/*, */r/* в «агрессивных» стихотворениях и */l/*, */m/* – в «нежных».

При сравнении результатов, полученных Н.Л. Львовой и нами, следует учитывать два важных обстоятельства. Во-первых, в английском языке, как и в других германских языках, осуществилось первое передвижение согласных, в результате которого *bh > b*, *b > p*, *p > f*; *dh > d*, *d > t*, *t > þ (th)*, *gh > g*, *g > k*. Во-вторых, наши результаты основаны на корреляционном анализе данных словаря, т.е. таких данных, которые – вслед за И. Тэйлор – в психолингвистике принято называть «объективным звуко-символизмом», а результаты Н.Л. Львовой основаны на данных психолингвистических экспериментов, т.е. таких данных, которые отражают «субъективный звуко-символизм». С учетом этих двух обстоятельств полученное нами фоносемантическое поле представляет особый интерес. В самом деле, при полном сдвиге первого компонента сочетаний связи по второму компоненту *r* полностью сохраняются (не отмеченное на схеме Н.Л. Львовой англ. *th*, как видно из текста статьи, связано с *shr, spr, str* или с комплексами с начальным *s*). Комплексы *sl* и *sm*, как и в нашем статистическом эксперименте, связаны между собой, но не входят в первую парадигму, а относятся ко второй. Комплекс *pl* у Н.Л. Львовой относится ко второй парадигме; в нашем эксперименте – это пограничная единица, связывающая оба участка. Однако важнейший вывод, который мы можем сделать на основании сравнения двух фоносемантических полей – фоносемантического поля ие. праязыка и фоносемантического поля современного английского языка, – заключается в том, что связи между комп-

лексами с начальным *s* в значительной степени определяются первым компонентом, а связи с иными начальными звуками – по второму компоненту, и этот второй компонент имеет такую же парадигматическую значимость, которая обусловлена в современном английском языке **символическим значением** звуков *r* и *l*. Существенное совпадение фоносемантического поля *ие.* праязыка и современного английского языка, построенного на основе признаков значений звуков, означает, что для *ие.* согласных можно в целом реконструировать ту же признаковую семантику, которая присуща согласным современных *ие.* языков.

13. Соответствие между объективным и субъективным звуковым символизмом

Как показано в разделе 2.1, в зарубежной психолингвистике субъективный звуковой символизм исследуется с помощью двух основных методов: методики “семантического дифференциала” и методики “подбора”. В первом случае испытуемым предъявляются искусственные слова; если большинство испытуемых одинаково оценивает эти слова-стимулы (то есть если между испытуемыми наблюдается согласие в оценке предъявленных слов), принято считать, что звуковой символизм существует. Во втором случае испытуемым предъявляются слова, взятые из естественных языков. Принято считать, что если большинство испытуемых правильно подберёт к словам родного языка антонимичные пары слов иностранного языка, то есть, проще говоря, если испытуемые угадают значения не известных им звучаний, опираясь на значения и звучания слов родного языка, то это свидетельствует о существовании символизма.

Уже само по себе существование различных методик, с помощью которых изучается субъективный звуко-символизм, не позволяет однозначно решить вопрос о соотношении субъективного и объективного звуко-символизма. Представляется поэтому целесообразным сравнить полученные выше (см. раздел 9) данные о символических свойствах звуков естественных языков: а) с результатами исследования субъективного символизма, полученными с помощью методики подбора; б) с результатами, полученными с помощью методики семантического дифференциала.

Прежде всего, следует отметить, что различия, характеризующие, по мнению И. и М. Тэйлоров, субъективный и объективный звуковой символизм, значительно усложняют интерпретацию результатов, полученных с помощью методики “подбора”. Действительно, при подборе слов неизвестного языка испытуемые могут проявить *согласие* и приписать *одно и то же* значение одним и тем же звуковым комплексам, но при этом вовсе не угадать их подлинные значения. Например, при предъявлении литовских слов *didelis* “большой” и *mažas* “маленький” большинство испытуемых приписывают звуковому комплексу *didelis* значение “маленький”, а звуковому комплексу *mažas* – значение “большой”, проявляя согласие (“субъективный символизм”), но не угадывая значения слов-стимулов. Таким образом, при проведении эксперимента “подбора” следует чётко различать два не обязательно связанных

друг с другом явления: согласие испытуемых при подборе пар антонимов и угадывание значения этих слов. Очевидно, различное сочетание этих двух явлений может создать различные ситуации при проведении эксперимента подбора и, как сказано выше, усложнить интерпретацию полученных результатов. Эти теоретические предположения были подвергнуты специальному экспериментальному изучению.

Испытуемым (студентам Черновицкого университета), родным языком которых является украинский, были предъявлены антонимичные пары слов 20 языков по 10 шкалам. Языки: армянский, венгерский, грузинский, древнееврейский, индонезийский, китайский, корейский, литовский, монгольский, ненецкий, нивхский, таджикский, тамильский, турецкий, удмуртский, финский, хакасский, хинди, эвенкийский, японский. Шкалы: размер, сила, твёрдость, температура, свет, оценка, активность, форма, гладкость, влажность. Из 200 пар слов-стимулов было составлено 2 списка (в каждом были представлены все шкалы, но только по 10 языков). Каждый список обрабатывали 2 группы испытуемых. Всего, таким образом, в эксперименте участвовали 4 группы испытуемых общим числом 110 человек (60 человек оценили список № 1, 50 – № 2). Материал предъявлялся визуально, слова-стимулы были записаны в произвольном порядке с помощью русского алфавита с добавлением некоторых недостающих знаков. Испытуемым не сообщалось, какие языки они оценивали. Время не ограничивалось. При обработке полученных данных использовался критерий знаков. Считалось, что испытуемые проявили согласие, если при оценке предъявленных слов одинаковое решение приняли 32 из 60 участников эксперимента. В результате возникли 3 основные ситуации:

а) Испытуемые проявили согласие при подборе пар антонимов и при этом правильно угадали смысл более половины неизвестных слов. Как видно из табл. 48, к этому типу относятся шкалы гладкости (“гладкий – шероховатый”), формы (“острый – тупой”), активности (“быстрый – медленный”).

б) Испытуемые проявили согласие при подборе большинства пар антонимов, но при этом угадали значения половины или менее половины слов. Сюда относятся шкалы “размера”, “температуры”, “света”, “влажности”.

в) Испытуемые не проявили согласия и, как следствие, не угадали значения неизвестных слов. Сюда относятся шкалы “силы” и “оценки”.

Полученные результаты можно интерпретировать следующим образом:

1) Поскольку при оценке большинства языков и большинства шкал (8 из 10) испытуемые проявили согласие, можно с уверенностью допускать существование *субъективного* звукового символизма, хотя не всегда согласие между испытуемыми обусловлено звукосимволическими свойствами оцениваемых стимулов.

Таблица 38

Результаты эксперимента подбора

шкалы	Антонимичные пары слов	
	число пар, для которых установлено значимое	число пар, для которых установлено соответствие

	согласие испытуемых		между субъективным и объективным символизмом	
	абсолютное число	%	абсолютное число	%
активность	13	65	12	60
влажность	11	55	10	50
гладкость	16	80	16	80
оценка	9	45	6	30
размер	14	70	9	45
свет	12	60	6	30
сила	10	50	4	20
температура	12	60	6	30
твёрдость	15	75	11	55
форма	16	80	15	75

2) Корреляция между субъективным и объективным звуко-символизмом существует только для ограниченного числа шкал, что ещё раз подтверждает сделанный ранее вывод о различной звуко-символической активности шкал.

Если в качестве меры звуко-символической активности принять степень корреляции между субъективным и объективным символизмом, то есть те случаи, где согласие между испытуемыми сопровождается угадыванием подлинного смысла предъявленных слов, то, как видно из табл. 48, по степени звуко-символической активности шкалы располагаются так: *гладкость, форма, активность, твёрдость, влажность, размер, свет, температура, оценка, сила.*

Нетрудно заметить, что эти данные почти полностью совпадают (ранговый коэффициент корреляции равен +0,8) с данными, полученными нами ранее (см. раздел 7). Они соответствуют также наблюдениям над детской речью, где «сверхгенерализация» осуществляется по таким группам предметов: форма, движение, размер, материал, звук, вкус (см. Кларк 1984: 228). «По-видимому, для детей раннего возраста одним из наиболее существенных является признак округлости...» (там же). Наиболее распространенным основанием сверхгенерализации оказывается форма (с. 234).

Р. Браун и Р. Наттэл [Brown / Nuttal 1959: 444] высказали предположение, что звуковой символизм связан вообще только с понятием размера и его «ассоциациями». Похоже, однако, что размер символизируется в меньшей степени, чем форма, твёрдость и активность. Так или иначе, остаётся несомненным, что звуко-символическими свойствами обладают те шкалы, которые носят *сенсорный* характер, а следовательно, в основе звукового символизма (для тех шкал, где он имеет статистически значимое проявление) *лежит синестезия, а не языковая привычка.* По-видимому, символической активностью обладают в первую очередь те понятия окружающей действительности, которые воспринимаются с помощью органов *слуха* (обозначающие их слова в своём огромном большинстве относятся к смежному со звуковым символизмом явлению – звукоподражанию), *осзания* и *зрения*. Вместе с тем, как уже говорилось выше, существуют и такие шкалы, симво-

лизация которых основана главным образом на языковой привычке (сюда относится, по-видимому, шкала “оценки”). *Не исключено, что оба фактора – синестезия и языковая привычка – взаимодействуют* (в большей или меньшей степени) *в процессе решения испытуемыми поставленной перед ними задачи.*

3) Не все языки в равной степени обладают звуко-символическими свойствами. Если в качестве меры звуко-символических свойств языка принять опять-таки корреляцию между субъективным и объективным символизмом, то есть те случаи, где согласие между испытуемыми сопровождается правильным угадыванием значений предъявленных слов, то по звуко-символическим свойствам исследованные нами языки располагаются так: финно-угорские и тюркские (примерно равны), индонезийский, эвенкийский, нивхский, японский, грузинский; одно из последних мест занимают китайский и тамильский.

4) Из исследованных нами в разделе 9 гласных и согласных (9 гласных и 23 согласных) статистически значимыми оценками по каждой шкале обладают, как правило, только 1–2 гласных и 2–5 согласных. Это также полностью соответствует данным, полученным с помощью эксперимента подбора: соответствие между субъективным и объективным символизмом для большинства шкал (см. табл. 48) не превышает 30–50%. Таким образом, можно с уверенностью полагать, что субъективный и объективный звуковой символизм находятся в отношении неполного включения: большой круг представляет субъективный символизм, а малый – объективный звуко-символизм.

Установленное соотношение субъективного и объективного звуко-символизма можно объяснить следующими причинами.

В психолингвистических экспериментах, выполняемых с помощью методики семантического дифференциала, мы наблюдаем действие синестезии в более или менее чистом виде, если только результаты этих экспериментов не “загрязнены” влиянием “посторонних” факторов (например, инструкцией, ориентирующей испытуемого на использование языковой привычки). Поэтому следует заранее ожидать, что та или иная шкала будет символизироваться здесь максимально полным набором звуко-символических оппозиций. В конкретном же языке потенциальное действие синестезии будет ослаблено или сведено на нет действием фонетических и семантических законов данного языка, т.е. заменой иконического значения звуков их функциональным значением. Выражаясь фигурально, лишь небольшие “пики”, на вершине которых находятся самые активные в звуко-символическом отношении понятия, будут возвышаться в виде островков над поверхностью языковой стихии. Поэтому набор субъективно-символических универсалий теоретически должен быть всегда больше набора объективно-символических универсалий.

Теперь сравним данные, полученные с помощью экспериментального (психолингвистического) исследования символических свойств звуков в различных языках (см. раздел 4), с данными, полученными на основе статистического анализа 53 языков (см. раздел 9). В таблице 49 представлены частоты звуков на полюсах шкалы размера (на основании таблицы 4 и 14), а в таблице 50 представлены частоты тех же звуков в обозначениях понятий “большой” и “маленький” в 53 языках. Как обнаруживает статистический

анализ, различия в распределении частот носят в обоих случаях статистически значимый характер. Полученные результаты свидетельствуют об аналогичном распределении частот одних и тех же звуко-символических комплексов в сфере действия как субъективного, так и объективного звуко-символизма.

Таблица 49

Частоты звуков на полюсах шкалы размера

полюса	з в у к и	
	m, n, p, l, t, s	r, d, b, g, dž
маленький	19	5
большой	7	17

$$\chi^2 = 12,4 \quad P = 0,001 \quad K = 0,59$$

Таблица 50

**Частоты звуков в обозначениях понятий
“маленький” и “большой”**

понятия	з в у к и	
	m, n, p, l, t, s	r, d, b, g, dž
маленький	63	23
большой	34	35

$$P^2 = 9,4 \quad P = 0,01 \quad K = 0,25$$

На уровне фонетических признаков (звуко-символических оппозиций) соотношение объективного и субъективного звуко-символизма представлено в таблице 51 (для шкалы размера). Как видно из этой таблицы, наборы фонетических признаков, установленных в лингвистике и психолингвистике, почти полностью совпадают. Данные для других шкал представлены в таблице 44 и в разделе 4. Важно подчеркнуть, что на материале грузинского языка (объективный символизм) оппозиция “звонкость-глухость”, “задний ряд – передний ряд” при символизации большого и малого размера установлена Н. Канкия [Канкия 1988: 15], а в лезгинском и агульском языках аналогичная оппозиция открыта И.А. Мазанаевым [Мазанаев 1985: 9; он же, 1989: 52-53]. Наблюдения М. Шастена [Chastaing 1966] показывают, что *r* символизирует во французском и других языках шероховатое, сильное, острое, плохое, быстрое, а *l* – хорошее, мягкое, нежное. Таким образом, полученные нами данные подтверждаются данными других исследователей.

В таблицах 52 и 53 представлено соотношение рангов символических потенциалов, установленных в психолингвистике (см. раздел 7) и в лингвистике (см. раздел 9), а также рангов символической активности шкал (см. раздел 7 и раздел 9). Коэффициент ранговой корреляции между данными, представленными в таблице 52, $r = +0,57$; между данными таблицы 53 корреляция равна $+0,54$,

причём снижение соответствия между порядком следования шкал объясняется главным образом различием рангов шкалы света. Корреляция между символическими потенциалами гласных в лингвистике и психолингвистике (учитывалось только 5 совпавших в статистических и психолингвистических экспериментах звуков i, e, a, o, u) довольно высока: $r = +0,7$.

Таблица 51

**Соотношение субъективного
и объективного звукового символизма по шкале размера**

фонетические признаки	лингвистика	психолингвистика
передние – задние	+	+
верхние – нижние	+	+
звонкость – глухость	+	+
смычность – несмычность	–	+
дрожание – другие сонорные	+	+
твёрдость – мягкость	+	+

Таблица 52

Соотношение рангов символических потенциалов согласных

звуки	ранги		звуки	ранги	
	лингвис-тика	психо-лингвистика		лингвис-тика	психо-лингвистика
r	1	2	v	13	20
m	2	4	s	14	14
ts	3	16	f	15	19
k	4	7	tš	16	22
d	5	6	z	17	18
b	6	9	g	18	10
t	7	3	ž	19	13
p	8	5	dž	20	21
x	9	8	j	21	12
š	10	23	h	22	15
n	11	11	dz	23	17
l	12	1			

Таблица 53

Соотношение рангов символической активности шкал

шкалы	ранги	
	лингвистика	психолингвистика
твёрдость	1	2
активность	2	1
свет	3	7
размер	4	4
сила	5	3
температура	6	6
оценка	7	5

Таким образом, в таблицах 51-53 отражены основные данные о соотношении субъективного и объективного звукового символизма.

14. Факторы, порождающие звуковой символизм

Существует, по крайней мере, четыре теории, объясняющие механизм порождения звукового символизма: **ассоциативная, референтная, теория “обратной связи” и синестезическая** [ср. с классификацией в обзоре Ervin-Tripp / Slobin 1966].

Ассоциативная теория основана на предположении, что предъявляемые испытуемому искусственные слова ассоциируются в его сознании со звучаниями слов родного языка, и поэтому в конечном счёте испытуемый оценивает не звучание, а значения предъявленных ему звуковых комплексов.

Референтная теория выдвинута Р. Брауном [Brown 1958], с точки зрения которого в основе звукового символизма лежит опыт, приобретённый человеком в процессе практической деятельности. Человек “научается” тому, что большие предметы (например, тяжёлый шкаф) издают (например, при передвижении) низкие и грубые звуки, а маленькие предметы – высокие и приятные звуки. По этой причине испытуемые связывают высокие звуки типа /i/ с чем-то маленьким, а низкие звуки типа /a/ – с чем-то большим.

Теория “обратной связи”, или теория “языкового навыка”, предложенная И. и М. Тэйлорами, является по справедливому замечанию С. Эртеля [Ertel 1969: 62] одним из вариантов ассоциативной теории, только здесь ассоциация проходит не по линии “звучание искусственного слова – звучание естественного слова – понятие”, а по линии “элемент звучания искусственного слова – элемент звучания естественного слова или группы слов – понятие”.

Синестезическая теория была сформулирована ещё Э. Сэпиром, который полагал, что существование звукового символизма не может быть объяснено простой ассоциативной связью между звуком и смыслом [см. Sapir 1929: 234-235]. Звуковой символизм порождает “акустические или кинестезические факторы или комбинации тех и других”. “Открытый рот, выдвинутые вперёд челюсти, сжатые губы, – пишут М. Бентли и Э. Вэрон [Bentley / Varon 1933: 86], – несут на себе пространственные и динамические значения, которые служат отличительными признаками произносимых и слышимых звуков”. В основе звукового символизма лежат, таким образом, физические свойства звуков, или, по выражению Ф. Кайнца [Kainz 1960: 204], транспозиция одних видов ощущений в другие, т.е. синестезия.

Дж. Охала, опираясь на работы некоторых исследователей, в которых говорится об особой роли акустической частоты, сформулировал универсальный фактор, определяющий ассоциацию звука и смысла, который он назвал «частотный код» (frequency code), но который, по-видимому, было бы правильнее назвать «формантно-частотный» или «акустико-частотный» код, поскольку речь идет не о частоте (встречаемости) звука, а о его акустических характеристиках (acoustic frequency). Слова, обозначающие или коннотирующие большой размер, связываются с низкой акустической частотой,

и наоборот, полагает Дж. Охала (см. Ohala 1994: 335). Глухие шумные имеют более высокую частоту, чем звонкие вследствие более высокой скорости воздушного потока; дентальные, альвеолярные, палатальные и передние велярные обладают более высокой частотой, чем лабиальные и задние велярные; передние гласные высокого подъема обладают более высокой F_0 , чем низкие задние гласные (там же). Этим, по мнению Дж. Охалы, и объясняется наличие межъязыковых сходств в выборе гласных и согласных при символизации тех или иных понятий (с. 343). Иначе говоря, в основе звукосимволизма лежат акустические свойства звуков.

Закономерность, открытая Дж. Охалой, соответствует наблюдениям других авторов. – см., в частности, приводимое далее высказывание Ф. Кайнца: «При произнесении высокого тона в гортани появляется чувство напряжения и тесного контакта, в то время как при произнесении низкого тона голосавые органы оказываются в более расслабленном положении» (Kainz 1960: 205).

К синестезической концепции примыкает так называемая “физиономическая теория” Г. Вернера [Werner 1932]. Поскольку, однако, теория Г. Вернера, никем из советских и зарубежных исследователей не принимается всерьёз, мы отсылаем читателя к работам Р. Брауна и Г. Германа [Brown 1958: 152-153; Hörmann 1967], где взгляды Г. Вернера подвергаются резкой, но справедливой критике.

Какая же из названных выше теорий имеет право на существование? В противоположность “физиономической” теории концепция Р. Брауна не лишена здравого смысла и, будучи противопоставленной спекуляциям Г. Вернера, заслуживает внимания. Она хорошо согласуется с гипотезой об универсальности звукосимволических правил, но не может объяснить некоторых других факторов. Речь идёт прежде всего об экспериментально подтверждённой способности глухих правильно и согласованно находить звуко-семантические соответствия. Кроме того, теория Р. Брауна хорошо “работает” по шкале “размера”, но явно уступает синестезической теории при объяснении результатов, полученных для шкалы “света”, “температуры” и т. п. Не случайно, по-видимому, Р. Браун и Р. Наттэл (о чём упоминалось на с. 81) полагают, что область функционирования звукового символизма ограничена главным образом понятием размера и “сопутствующими” ему признаками. Вряд ли, однако, можно согласиться с тем, что всё сенсорное пространство, на котором проявляется действие звукового символизма, представляет собой лишь совокупность признаков, сопутствующих размеру. С.В. Воронин предлагает ввести новый термин – **синестэмия** (“соощущение” + “соземция”), подчёркивая тем самым, что действие звукового символизма распространяется на сенсорную и эмоциональную сферы. “Синестэмия есть психофизиологическая универсалия, лежащая в основе звукосимволизма как универсалии лингвистической” [Воронин 1982: 86]. Действительно, мы находим указание на эмоции как на важный фактор порождения звукосимволических ассоциаций в работах других авторов (см. Fischer-Jørgensen 1978: 88); мы можем обнаружить этот фактор и в результатах экспериментального исследования звукового символизма (см. ниже табл. 54, где «светлый» коррелирует с «веселый»). Не следует, однако, упускать из вида, что эмоции как реакции на воздействие

внешних и внутренних раздражителей являются вторичными и производными от органов чувств, а поэтому первоисточником и первоосновой звукового символизма являются все же акустические и артикуляционные свойства звуков, а не эмоции. Не случайно, например, Дж. Охала в цитированной выше статье (Ohala 1994: 343) связывает с акустической частотой и «выражение лица», в том числе такую «форму рта», как улыбка.

Теория «обратной связи», как и ассоциативная теория в целом, хорошо согласуется, в свою очередь, со звукосимволическими способностями глухих, но находится в резком противоречии со многими другими факторами, достоверность которых получила неоднократное экспериментальное подтверждение и не вызывает никаких сомнений. Вот почему наиболее приемлемой в свете установленных сегодня фактов представляется синестезическая теория, справедливость которой подтверждается: а) наличием явного соответствия между определёнными физическими свойствами звуков и семантическими единицами, которые эти звуки символизируют (при этом, как отмечают американские исследователи [Johnson / Suzuki / Olds 1964], акустические свойства звуков играют, по-видимому, более важную роль, чем артикуляционные, т.е. кинестезические); б) существованием межъязыковых звукосимволических правил и корреляции между неродственными языками (теория языкового навыка исключает и то, и другое); в) наличием корреляции между шкалами (что было бы невозможно, если бы звуковой символизм порождался языковой «привычкой»).

Вместе с тем, влияние языкового навыка на результаты *тестирования* при изучении субъективного звукового символизма не исключается полностью. Роль этого фактора возрастает и может стать главной в тех случаях, когда испытуемым предъявляются «трудные» шкалы (к таковым относятся шкалы температуры, света, цвета, где действие синестезии носит, по-видимому, более индивидуальный характер)¹⁵ или инструкция, побуждающая испытуемых сравнивать предъявленные им звуко сочетания со словами родного или какого-либо иного языка. *Можно предположить, что на большей части сенсорного пространства действует механизм синестезии, а на некоторых его сегментах (например, на указанных выше шкалах) происходит переключение на механизм языкового навыка, так что получаемые в итоге результаты могут быть порождены сложным взаимодействием двух механизмов – синестезии и языкового навыка.*

К такому выводу, мы пришли еще в 1973 году (см. Левицкий 1973: 88-89), повторив его в 1998 (см. Левицкий 1998: 65). Этот вывод становится еще более очевидным в свете некоторых зарубежных работ. Так, в интересной работе, посвященной изучению звукового символизма в поэзии, Т. Пристли (Priestly 1994: 237-238), обратив внимание на различные оценки гласных /a/, /e/, /o/ по шкалам активности, температуры, размера в русском и украинском языках (по результатам экспериментов А.П. Журавлева и наших исследований), высказал

¹⁵ Исследуя принципы систематизации объектов внешней действительности в детской речи, Е.В. Кларк (Кларк 1984: 234, 236) многократно подчеркивает, что наиболее распространенным основанием сверхгенерализации у детей является форма предметов, а признак [цвет] не используется в качестве основания для сверхгенерализации.

предположение, «that both synesthetic (or: universal) sound symbolism and conventional (or: local) sound symbolism coexist in every language». Сравнение оценок некоторых звуков («звукобукв»), приведенных в книге А.П. Журавлева по шкалам «хороший-плохой», «светлый-темный» и «веселый-грустный» еще более укрепляет Т. Пристли в его мнении о смешении «синестезического» и «конвенционального» звукового символизма в экспериментах А.П. Журавлева, т.к. при правильности синестетической теории «хороший» должно коррелировать со «светлый» и «веселый». Свои размышления Т. Пристли заканчивает следующим высказыванием: «but in any case, the numerous instances of disagreement with any generalized synesthetic association of the „gravity-sadness» kind must be explained” (Priestly 1994: 245).

Полностью соглашаясь с основным выводом Т. Пристли, заметим вместе с тем следующее. Тот, кто имеет хотя бы минимальный опыт проведения психолингвистических экспериментов, хорошо знает, что результаты «одного и того же» эксперимента, проведенного в одной и той же группе, но в разное время, не говоря уже об экспериментах, основанных на разных шкалах или разных языках, никогда не бывают и не могут быть идентичными. Т. Пристли правильно подметил, что один и тот же звук /а/ оценивается в экспериментах А.П. Журавлева по трем «родственным» шкалам («хороший», «светлый» и «веселый») по-разному: соответственно 1,5; 2,2; и 2,7. При всем том между этими шкалами наблюдается статистически значимая корреляция. В табл. 54 мы представили данные А.П. Журавлева для гласных «звукобукв» по указанным трем шкалам.

Величины коэффициентов r равны: «хороший-светлый» +0,93; «хороший-веселый» +0,84; «светлый-веселый» +0,95. При $df = 8$ все коэффициенты обладают высокой значимостью ($P = 0,01$). Таким образом, все три шкалы коррелируют друг с другом. Следовательно, сомнения, высказанные Т. Пристли относительно отсутствия соответствий между оценками некоторых гласных в экспериментах А.П. Журавлева, не имеют под собой оснований.

Таблица 54

Данные А.П. Журавлева об оценках гласных звукобукв

шкалы звукобуквы	хороший	светлый	веселый
а	1,5	2,2	2,7
ю	1,8	2,3	2,5
и	1,7	2,0	2,5
ё	2,3	2,5	2,7
э	2,0	2,5	3,0
я	1,8	1,9	2,5
ы	3,6	3,8	3,7
у	3,0	3,6	4,0
е	1,9	1,9	2,5
о	1,6	2,2	2,9

Подводя итог сказанному, следует также обратить внимание на еще одну деталь в действии синестезии как одного из источников звукового символизма. В уже цитированной статье Э. Фишер-Йоргенсен ее автор задается вопросом: «почему все-таки «высокое» сочетается со «светлым» и почему даже частоты мы называем «высокими» и «низкими»? Отвечая на этот вопрос, Э. Фишер-Йоргенсен пишет: „Part of the explanation is probably that there are interrelations between the qualities designated by the adjectives. The qualities “high, bright, thin, light, small” as against „low, dark, thick, heavy, big“ generally go together. If deaf persons feel *i* as small and thin, it will also be bright. This means that phonetic symbolism cannot be explained independently of the general phenomenon of synesthesia” (Fischer-Jørgensen 1978: 87). Если сопоставить это высказывание с упомянутой выше гипотезой Р. Брауна и Р. Наттэла о доминирующей роли размера и сопутствующих ему других «шкалах», а также с высказыванием Ф. Кайнца, положить, что действие синестезии проявляется не в том, что осуществляется транспозиция в сегментах [звук > «размер»], [звук > «свет»], [звук > «радость»], [звук > «тепло»] и т.д., а в том, что сначала реализуется транспозиция звук > размер (размер следует трактовать широко, включая не только понятия «величина», но и понятия «широкий-узкий», «толстый-тонкий», «дальний-близкий»), а затем уже происходит «внутренняя» транспозиция [размер > свет], [свет > радость], [свет > тепло] и т.п. Следовательно, применительно к звуковому символизму целесообразно различать **«внешнюю синестезию»** (звук > размер) и **«внутреннюю» синестезию** (размер > свет > радость и др.).

Хотя в ряде экспериментов (см., например, эксперименты С. Эртеля) шкала размера включается в «фактор» силы, размер может быть выделен и в отдельный, самостоятельный фактор. Так, В.И. Галунов, изучая поэтические ритмы, оцениваемые испытуемыми по 35 шкалам («признакам»), выделил с помощью факторного анализа, кроме хорошо известных 3 факторов («активный-пассивный», «слабый-сильный», «плохой-хороший»), еще 2 фактора: «фактор объема» («маленький-большой») и «фактор привычности» («странный-обычный») – см. Галунов / Тарасов 1976: 90-91.

15. Звуковой символизм и произвольность языкового знака

Поскольку существование всех форм звукового символизма находится в резком противоречии с основными постулатами современной фонологии¹⁶, решение вопроса о совместимости звукосимволических правил и произвольности языкового знака приобретает исключительно важное значение не только для фонологии, но и для лингвистики в целом. Возможность сосуществования звукосимволизма и изменчивости фонетических систем в синхронии (от языка к языку) и диахронии (в процессе исторического развития языка) обусловлена, по крайней мере, следующими факторами.

1. Звуковой символизм как бы “дремлет”, по выражению А. Зиберера [Sieberer 1947: 40], в сознании человека и проявляется лишь тогда, когда форма

¹⁶ По этой причине против существования звукового символизма резко выступал выдающийся советский лингвист А.А. Реформатский.

слова, развиваясь в полном соответствии с морфологическими и фонетическими законами данного языка, *случайно* приходит в соответствие (с точки зрения говорящего) с содержанием этого слова (при экспериментальном изучении звукового символизма и моделируется как раз “случайное” сближение ограниченного числа форм и смыслов). В процессе звуковой символизации происходит приписывание одному из двух структурно сходных, но не связанных от природы явлений определённого условного значения. В основе возникшей таким путём вторичной (т.е. условной) связи между значением и звучанием лежит транспозиция одних видов ощущений в другие, т.е. синестезия. Отсюда ясно, что, несмотря на противоположную направленность действия фонетических законов и звукосимволических регулярностей, действие первых не препятствует действию вторых: символические значения приписываются звуковому комплексу уже после того (или в процессе того, но не ранее), как его новая, изменившаяся в результате исторического развития звуковая оболочка случайно приблизилась к его новому, изменившемуся, лексическому значению. Когда мы говорим о “символических значениях звуков”, то, разумеется, имеем дело с плодом научной абстракции. Сами по себе, без приписанного каким-либо путём смысла, звуки не имеют никакого значения ни в опыте (при предъявлении звучания без предъявления смысла результаты экспериментов отрицательны [см., например, работы: Maltzman / Morisett / Brooks 1956; Brackbill / Little 1957]), ни в языке (сами по себе фонемы [a], [i] и т.д. никаким значением не обладают)¹⁷. Звуки приобретают значение лишь под влиянием определённого “семантического стимула” [см. Sieberer 1947: 45], т.е. в сочетании с определённым смыслом: в опыте при искусственном приписывании двух или более смыслов, в языке – в составе слов и морфем с определённым лексическим или деривационным значением (см. Левицкий 1973: 90)¹⁸.

2. Звукосимволизм носит не абсолютный, а относительный характер. В языке символизируются не все понятия, а, как правило, крайние точки полярных понятий. В противном случае, т.е., если бы символическим значением обладали все или почти все слова данного языка, звукосимволизм утратил бы свою основную функцию – быть средством экспрессивности, наделять слово особой силой выразительности и тем самым обеспечивать ему особый лингвистический статус.

3. Несмотря на чёткие соответствия между определёнными акустическими (артикуляционными) и семантическими единицами, между теми и другими нет жёсткой связи. Так, большой размер может символизироваться звонкими согласными, а маленький – глухими (но не наоборот), понятие “быстрый” – верхними, а “медленный” – нижними гласными и т.д. Однако понятие “маленький” может символизироваться не только глухостью, но и латеральностью, верхним подъёмом и т.д. Поэтому при символизации того или иного понятия каждый язык реализует не все признаки сразу, а лишь ту часть

¹⁷ Ср. высказывания по этому поводу: [Левицкий 1973: 91; Якобсон 1985: 88-89].

¹⁸ Ср. с высказыванием И.Ю. Павловской: «Фонетическое значение ... есть потенциал, возможность, заложенная в языковом материале, которая реализуется в речевой деятельности не всегда, а лишь когда для этого есть необходимые предпосылки и установки» (Павловская 2001: 213).

потенциального набора-инварианта признаков, которой располагает фонетическая система данного языка.

4. Символизация того или иного понятия происходит не всеми звуками, входящими в состав фонетической системы данного языка, и даже не всеми звуками, входящими в состав обозначения данного понятия, а лишь с помощью ограниченного числа звуковых единиц. Например, семантическое противопоставление “маленький – большой” в немецком языке символизируется двумя парами фонетических единиц: звонкость – глухость, латеральность – дрожание (klein – groß); в других языках в символизации этого семантического противопоставления участвуют по одной-две пары (ср. рум. mic – mare, венг. kis – nagy, фр. petit – grand, а противопоставление англ. big-little, как верно подметил Уэскотт, осуществляется не по гласным, а по согласным). Все перечисленные факторы, вместе взятые, и обеспечивают сосуществование звукового символизма и произвольности языкового знака.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в некоторых работах российских исследователей термин «вторичный звуковой символизм» отождествляется с термином «конвенциональный» ЗС, т.е. такой, который порожден ассоциативными связями звука с определенными словами языка. Соответственно этому и мне, употребляющему термин «вторичный ЗС», приписывается приверженность к «ассоциативной теории». Следует категорически отклонить такое толкование моей позиции, восходящее, по-видимому, к нечеткому и неверному толкованию в книге А.П. Журавлева (см. Журавлев 1974: 23). Вот что пишет А.П. Журавлев, комментируя мою точку зрения, высказанную в статье [Левицкий 1969]:

«Иначе говоря, согласно второй точке зрения символика звуков является отсветом, который бросает понятийное значение слова на свою звуковую форму. Если случайно оказывается, что некоторый звук встречается в нескольких частотных словах со сходной семантикой, то эта семантика в обобщенном виде проецируется на данный звук, и теперь уже звук, даже отдельно взятый, вызывает подсознательные ассоциации, связанные с семантикой этих слов» (Журавлев 1974: 23).

На самом деле здесь А.П. Журавлев, скорее, интерпретирует работы И. Тэйлор. У меня в цитируемой А.П. Журавлевым статье говорится совершенно иное. Привожу довольно обширную цитату для того, чтобы читатель мог получить более полное представление о том, какую позицию я занимал тогда, когда звуковой символизм только-только становился предметом исследования в советском языкознании.

«В современной лингвистике признается совершенно очевидным тот факт, что звучание большинства слов во всех языках либо индифферентно по отношению к «теории» звуко-символизма, либо даже противоречит ей. В принципе звучание слова не имеет и не может иметь ничего общего с природой обозначаемого словом предмета или явления, ибо в этом случае, действительно, не было бы возможным ни существование различных названий одного и того же предмета в различных языках, ни, тем более, изменение звуковой оболочки слова в процессе исторического развития языка. Все это, однако, не

препятствует и не может препятствовать существованию так называемого вторичного звуко-символизма, когда говорящий стремится обнаружить корреляцию между звучанием слова, развивающимся в соответствии с фонетическими законами, и значением этого слова. В этом случае мы имеем дело с явлением, функционально сходным с так называемой «народной этимологией». И там, и здесь говорящий стремится найти какой-либо «бросающийся в глаза признак предмета», чтобы сделать его представителем данного предмета и тем самым хотя бы частично устранить произвольность связи между звучанием и значением слова. С точки зрения логико-философской здесь действует закон соответствия формы содержанию: чем больше гармонии между звучанием и содержанием языкового знака, тем совершеннее восприятие этого знака. С точки зрения психологии в основе вторичного звуко-символизма лежит, как указывал еще Ф. Кайнц, транспозиция одних видов ощущений в другие (например, моторных в акустические, акустических в зрительные и т. п.). При произнесении высокого тона, замечает Ф. Кайнц, в гортани появляется чувство напряжения и тесного контакта, в то время как при произнесении низкого тона голосовые органы оказываются в более расслабленном положении (Левицкий 1969: 124).

Таким образом, с самого начала я полагал, что в основе звукового символизма лежит *синестезия*. Чтобы не употреблять этого спорного термина, я вслед за Ф. Кайнцом использовал более нейтральный и более широкий термин «транспозиция одних видов ощущений в другие» (см. Левицкий 1973: 80). И в цитируемой статье, и в других работах я, действительно, говорю о приписывании звукам в определенных условиях некоторого символического значения (и именно поэтому называю звуковой символизм *вторичным*), но это приписывание осуществляется на основе их *физических* (акустико-артикуляционных!), а не ассоциативных свойств. Об этом также четко говорится в цитируемой статье (с. 127). Комментируя частоту употребления звуков /p/, /b/, /t/, /d/ в терминах родства, я писал:

«Надо полагать, однако, что это обстоятельство менее всего связано со звуко-символизмом и объясняется, видимо, другими причинами. В связи с этим следует заметить, что преимущественное употребление определенной фонемы при обозначении определенного понятия само по себе не может служить доказательством того, что такое употребление носит символический характер. Последнее может быть окончательно доказано только с помощью психолингвистических экспериментов» (см. Левицкий 1969: 127).

Это высказывание полностью опровергает приведенный выше комментарий А.П. Журавлева.

Выводы

Таким образом, изучение субъективного и объективного звукового символизма в разных языках позволяет сделать следующие выводы.

Звуковой символизм носит универсальный характер. Однако термин “универсальность” следует употреблять с известными ограничениями. Во-первых, звукосимволические законы являются *статистическими* универсалиями. Они справедливы для большинства языков, но не обязательны для любого языка. Во-вторых, действие звукосимволических универсалий ограничено некоторым семантическим пространством, пределы которого определены сравнительно небольшим набором шкал. Имеется, очевидно, целый ряд таких понятий, символизация которых носит специфический, национальный характер (например, шкала “оценки”) или таких, которым свойственна полная звукосимволическая индифферентность. В основе звукового символизма лежит транспозиция одних видов ощущений в другие т.е. синестезия, и в этом смысле можно говорить об “отприродной” связи между звуком и смыслом. Однако “отприродная”, синестезическая, связь звука и смысла, по-видимому, подвергается “искажающему” воздействию множества других факторов, порождённых и обусловленных парадигматическими отношениями единиц фонологических систем языков и синтагматическими отношениями звуков, т. е. их комбинаторикой в речевом потоке. Кроме того, на результаты психолингвистических экспериментов оказывают, очевидно, воздействие различные процедурные условия (инструкция, форма представления материала и т.п.). Поэтому ассоциативный механизм порождения звукового символизма нельзя исключить полностью.

ЧАСТЬ 2

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗВУКОВОГО СИМВОЛИЗМА В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

1. Вводные замечания

Отсутствие достоверных и объективных данных о символических свойствах звуков обусловило основное направление поисков на начальном этапе исследования звукового символизма – получение и накопление фактического материала, который мог бы служить фундаментом для прочных и непротиворечивых теоретических построений. Однако то, что представляет наибольший, и, пожалуй, главный интерес для лингвистики – место, роль, функции звукосимволики в системе языка и в речи, соотношение звукового символизма и других внешних и внутренних факторов в развитии словарного состава, – долгое время оставалось и все еще остаётся в стороне от указанного “магистрального” направления в изучении звукоизобразительности, если не считать отдельных эпизодических работ, посвящённых собственно лингвистическим аспектам данной проблемы.

Учитывая сказанное, попытаемся осветить во второй части книги вопросы, связанные с соотношением фонетической мотивированности слова и фонетического значения, коннотативного значения, стилистического и морфологического статуса слова и, наконец, других видов мотивированности, и их взаимодействие в развитии и изменении словарного состава языка, а также функционирование звукового символизма в речи (тексте).

2. Фонетическая мотивированность и лексико-грамматический статус слова

2.1. Виды мотивированности в языке

Язык “отражает” окружающую действительность так называемой “внутренней” стороной, т. е. семантикой значимых единиц – морфем, слов, словосочетаний. Сегментация понятийного континуума и символизация отдельных его участков осуществляется с помощью материальных языковых знаков. Целостность значимых единиц языка, представляющих собой единство материального и идеального, возможна лишь при условии, что между формой и содержанием в языке существует некоторая взаимосвязь, мотивирующая выбор той или иной единицы при обозначении сегментов плана содержания.

Таким образом, в языке должна существовать тенденция к мотивированности отношений между формой и содержанием лексических и грамматических единиц.

Такая тенденция находит своё проявление в стремлении языковой единицы сохранить или приобрести “внутреннюю форму”. Именно такого рода процессы обуславливают фономорфологические изменения, получившие название “народная этимология” (поликлиника > полуклиника), отмирание стёртых метафор (“деэтимологизация”), появление новых, экспрессивных, а потому и более жизнеспособных слов с ярко выраженной внутренней формой. Вместе с

тем, однако, между языковой формой и содержанием не может быть жёсткой связи, т. к. в противном случае оказалось бы невозможным обозначать с помощью ограниченного числа языковых единиц бесконечное множество явлений и отношений внешней действительности. Поэтому в языке должна действовать и противоположная тенденция, ведущая к произвольности знака. Обе тенденции не просто проявляются и взаимодействуют в языке – они обеспечивают его нормальное существование и функционирование, изменение материальных элементов и отношений между ними. Вот почему представляется в равной степени необоснованными утверждения и о “принципиальной произвольности”, и о “принципиальной непроизвольности” языкового знака. Между двумя полярными видами отношений – произвольностью и мотивированностью – расположено множество переходных типов: в одних языках – в равной степени и в сфере лексики, и в сфере грамматики, в других – преимущественно в лексике.

Если говорить о мотивированности лексических единиц, то в некоторых случаях она трактуется слишком широко.

Представляется, однако, что подлинная мотивированность наименования имеет место лишь в тех случаях, когда нерасчленённый, аморфный материальный объект, служащий обозначением предметов и явлений внешнего мира, приобретает некоторую более или менее чётко выраженную структуру, т.е. расчленяется, структурируется. Структурирование наименования достигается тремя основными путями, в соответствии с чем целесообразно различать, как это делает С. Ульман [Ullmann 1964] три основных вида мотивированности – морфологическую, семантическую, фонетическую.

Морфологическая мотивированность является наиболее простым видом структурирования материальной стороны слова. Впечатление о членимости наименования создаётся или поддерживается включением в его состав двух или более сегментов с лексическим и грамматическим значением (нем. *Be-deut-ung-s-lehr-e*, русск. *учи-тель*). Если в силу тех или иных причин (заимствование, развитие языка) границы между морфемами не осознаются или исчезают, тенденция к мотивированности, о которой говорилось выше, провоцирует вторичное структурирование наименования (ср. русск. *зонт-ик*, *спин-жак* и т.п.).

При семантической мотивированности структурирование наименования выражено не столь явно, однако и в данном случае оно, безусловно, имеет место. Семантическая мотивированность основана на том, что в наименование одного предмета на правах его структурной части входит и наименование другого предмета, т. е., иначе говоря, оба наименования связывает отношение полного включения (*колокольчик* “маленький колокол” > *колокольчик* “цветок”). Включение одного наименования в состав другого становится возможным потому, что оба обозначаемых двумя идентичными наименованиями предмета находятся в отношении сходства или смежности (русск. *перо*, *бюро*, нем. *Stab* и т. п.).

Наконец, фонетическая мотивированность основана на том, что звуковая структура наименования оказывается в той или иной степени изоморфной структуре обозначаемого предмета или явления. Так, семантика нем. *Zickzack*,

судя по толкованию этого слова в словаре [Klappenbach 1978], включает такие компоненты, как *scharf* “резкий, острый”; *Knick* “изгиб, излом”, *hin-her* “туда-сюда”, что соответствует фонетической структуре слова, символизирующей противопоставлением краткого верхнего [i] краткому нижнему [a], находящихся в одинаковом окружении, резко изломанную линию. Нередко такого рода изоморфизм (ср. рум. *mic* “маленький”, русск. *громадный*, нем. *monoton* “монотонный”) носит неявный, скрытый характер, ощущается носителями языка интуитивно и может быть обнаружен лишь с помощью специальных экспериментальных приёмов.

Тот факт, что в основе фонетической мотивированности лежит именно структурное, а не материальное сходство звучания и значения, особенно убедительно подтверждает форма звукоподражательных слов в различных языках: одно и то же звучание передаётся в различных языках сходным, но всё же далеко не идентичным набором фонем (ср. русск. *ку-ка-ре-ку*, нем. *kikeriki*, англ. *cock-a-doo-dle-doo* и т. д.).

В принципе между звучанием и значением слова может наблюдаться три типа отношения: а) звучание слова соответствует значению (структуры обоих планов изоморфны друг другу); б) звучание слова противоречит значению; в) звучание и значение слова находятся в “нейтральном” отношении. Назовём первый тип положительным, второй – отрицательным, а третий – нейтральным отношением между звучанием и значением. *Фонетическая мотивированность слова и есть положительное отношение (соответствие) между его звуковой оболочкой и значением.*

Среди фонетически мотивированных слов различают звукоподражательные (когда денотатом слова является звучание, произносимое живым или неживым предметом) и звукосимволические (когда денотатом слова являются предметы, признаки, действия, не способные производить звучания). Оба явления – и звукоподражание, и звукосимволизм – тесно взаимосвязаны и в некоторых случаях трудно различимы (см. раздел 1.1, часть 1).

Хотя интерес к изучению звукового символизма в последние 20-30 лет заметно возрос, многое в том, что касается статуса и функционирования фонетической мотивированности слова, да и самой методики её изучения, остаётся неясным. Так, не выяснено, в каких пластах лексики и в какой степени распространены фонетически мотивированные слова; не изучены факторы, от которых зависит и с которыми связана фонетическая мотивированность слова. Речь идёт прежде всего о соотношении фонетической мотивированности и денотативного (предметно-логического) значения слова, морфологического и стилистического статуса слова, его частотности и других характеристик.

2.2. Фонетическая мотивированность и денотативное значение слова

Уже первые наблюдения над функционированием звукоизобразительной лексики в различных языках показали, что звукосимволизм и звукоизображение характерны для слов с определённым предметно-логическим содержанием. Звукоподражательные слова обозначают чаще всего [Гурджиева 1973] явления, возникающие при взаимодействии предметов (удар, треск, хруст, звон, скрип,

трение); звуки, издаваемые человеком и животными (бормотание, лепет, шепот, крик, храп); физиологические процессы (дыхание, чавканье, сморкание и т.п.). Классификация звукоподражаний в наиболее полном виде представлена в работах С.В. Воронина [Воронин 1982; 1998]. Что касается звукосимволической лексики, то её категоризация и прежде всего выявление представляет одну из наиболее сложных проблем фоносемантики. Так, Е.А. Гурджиева [Гурджиева 1973] предложила 16 основных «тематических групп» слов, обладающих звукоизобразительными свойствами (ветер, явления природы, бег и ходьба, движение, уродства и физические недостатки, радость и любовь, горе и злость, глупость и безумие и т. п.).

В советском языкознании, как видно из сказанного выше, приоритет в выделении семантических сфер, где с наибольшей силой проявляется действие звукосимволизма, принадлежит Е.А. Гурджиевой. Перечень таких «сфер» был уточнен в работах Л.А. Комарницкой и В.И. Кушнерика.

Уже неоднократно упоминавшиеся нами три автора-издателя книги «Sound Symbolism» выделяют следующие «семантические и прагматические поля», где обнаруживается действие звукового символизма (перечисление 6 «полей» сделано, очевидно, на основе обобщения каких-то работ; к сожалению, необходимые точные ссылки при этом отсутствуют).

1. Мимикрия окружающих (внешних) и внутренних звуков.
2. Выражение внутреннего состояния человека – физического и эмоционального.
3. Выражение социальных отношений, как, например, уменьшительные формы, звательные формы, императивы и пр.; оскорбительные и уничижительные формы.
4. **Неявная?** (salient – «яркий, выступающий») характеристика объектов и действий – таких, как движение, размер, форма, цвет, структура.
5. Грамматические и дискурсивные индикаторы – такие, как интонационные маркеры дискурса и структура предложения, различия между частями речи.
6. Выражения оценочного и аффективного отношения говорящего к предмету (см. Hinton et al. 1994: 10).

В моей «Теории...» этому тоже уделено внимание: с.127 («Типы звукоизобразительной референции»).

Другие исследователи относят к звукоизобразительной лексике обозначения округлого – острого, гладкого – шероховатого, близкого – далёкого, большого – маленького, а также обозначения лизания, лакания, плача, хныканья, напряжения, дрожания, распухания и т.п. [см. Койбаева 1987; Мазанаев 1985]. Эти полученные на материале различных языков наблюдения дают определённое представление о том, какие участки объективной действительности обозначаются в языке с помощью звукоизобразительной лексики. Тем не менее, установить зависимость между определённым типом денотативных значений и фонетической мотивированностью слова можно только с помощью более строгой процедуры анализа, основанной на использовании статистики.

На материале французского языка такой анализ осуществлён Ж.-М. Петерфальви [Peterfalvi 1970], который разделил предложенные испытуемым 73 слова (прилагательные, существительные и глаголы) на 5 семантических подклассов. Испытуемые оценивали степень соответствия между звучанием и значением предложенных им слов. В результате оказалось, что наибольшей фонетической мотивированностью обладают слова, обозначающие звучание, “чувственный опыт” и движение. *Наименее мотивированы слова с абстрактным и конкретным значением.*

Для английского языка (исследовано 600 лексических единиц)¹⁹ установлено, что наибольшая ФМ присуща прежде всего словам, относящимся к следующим семантическим подклассам: звук, движение, чувственный опыт, свет, эмоциональное состояние, размер и форма. Отрицательное или нейтральное соотношение между звучанием и значением слова наблюдается в подклассах, обозначающих интеллектуальную деятельность, деловые и моральные качества, цвет, участки пространства.

Наиболее полные данные о соотношении звучания и значения слова получены для немецкого языка²⁰ (исследовано 900 лексем, составляющих около 30 семантических подклассов). Наибольшей фонетической мотивированностью обладают подклассы со значением: звук, движение, размер, расстояние, положительные качества и свойства, явления природы. Наименьшая ФМ зафиксирована у слов, обозначающих свет, цвет, состояние человека и предметов.

Таким образом, данные, полученные на материале трёх языков – английского, немецкого и французского, – в целом хорошо согласуются друг с другом и позволяют выделить основные подклассы слов, обладающих наибольшей фонетической мотивированностью (звук, движение, сенсорный континуум).

Особый интерес представляет тот факт, что слова, относящиеся к данному подклассу, но обозначающие различные семантические “полюса” (с условной положительной и отрицательной семантикой типа быстрый – медленный, сильный – слабый), обладают различной степенью мотивированности. “Положительные” полюса мотивированы в большей степени, чем “отрицательные”. Если учесть, что слова, обозначающие “положительные” участки полярных понятий, обладают в различных языках по наблюдениям многих исследователей большим числом *синонимических связей, большей словообразовательной потенцией, более широкой сочетаемостью* и, как установлено выше, большей фонетической мотивированностью, то следует предположить, что все эти языковые особенности “положительных” антонимов отражают какую-то экстралингвистическую универсалию. Не связана ли эта универсалия с наблюдениями, накопленными восточной философией, религией, медициной? “В соответствии с древневосточными представлениями, – пишет В.С. Ибрагимова, всё в природе делится на негативную (“инь”) и позитивную (“янь”) части. Инь – это отрицательное, материнское начало. Оно присуще всему пассивному, влажному, холодному, восприимчивому, скрытому,

¹⁹ Исследование выполнено Л.А. Комарницкой под руководством автора.

²⁰ Исследование выполнено В.И. Кушнериком под руководством автора.

изменчивому, облачному, покоящемуся Янь – это положительное, отцовское начало, которое выражается во всём светлом, активном, сухом, блестящем, тёплом, творческом, постоянном” [Ибрагимова 1983: 8].

Исследование символических значений гласных и согласных по шкале Ч. Осгуда в различных языках показывает, что существует значимая корреляция, с одной стороны, между понятиями “маленький – слабый – медленный – мягкий – приятный – тёплый – светлый”, с другой – между понятиями “большой – сильный – быстрый – твёрдый – тёмный – холодный – неприятный” [см. Левицкий 1973: 43], что согласуется со значениями “инь” и “янь” в “универсизме”. Не совпадает лишь символизация полюсов “приятный – неприятный” и “светлый – тёмный” (а также «тёплый – холодный»). Интересно, что семантическая мотивированность (“перенос” наименований) осуществляется в различных языках в соответствии с той же экстралингвистической универсалией: ср. свн. *swach* “слабый” и “маленький”, “незначительный”, да. *smal* “маленький” и “слабый” (о напитках), англ. *soft* “мягкий” и “слабый, лёгкий”, русск. *чёрные* (“плохие”) силы реакции, *светлое* (“хорошее”) будущее и т. п.

2.3. Функциональные фреквентивы

Следует обратить особое внимание на необходимость различать два важнейших явления: *частота встречаемости звука* в семантических подклассах (синонимических рядах, тематических группах, лексико-семантических группах и т.п.) и *символическое значение звука* в определенных семантических подклассах. Так, например, судя по цитатам, приведенным в [Прокофьева 2007: 25], М. Магнус относит к фоносемантическим ассоциациям связь звука *h* с семантическим подклассом слов, обозначающих понятие «дом, помещение, жилье в английском языке (*hall, hangar, hive, hole, home, hold* и т.п.)». Начнем с того, что в фоносемантике нет данных о том, что звук /h/ символизирует понятие «помещение», и вряд ли кому-либо удастся экспериментально доказать такую звуко-символическую связь. Во-вторых, частота встречаемости /h/ в начале слов с перечисленными значениями объясняется тем, что большинство из этих слов восходят к ие. корням **îel-* «покрывать», **îe^{3/4}-* «быть расположенным; селение, дом», **ke₂-* «покрывать», а в результате первого передвижения согласных ие. *k > h*. Анализируя типы значений начальных звуко-сочетаний (см. раздел 12.1, часть 1), мы предложили различать **иконическое** (звуко-символическое) и **функциональное** сходство звуко-семантических ассоциаций (В. Гумбольдт назвал такие ассоциации **аналогическими** – см. Гумбольдт 1984: 94). В приведенном выше списке английских слов ярко проявляется, по словам А.Б. Михалева, действие «деривационного принципа формального и семантического развития словаря». Следовательно, в работах по фоносемантике можно, конечно, ставить задачу нахождения звуко-семантических ассоциаций, наиболее часто встречающихся в том или ином семантическом подклассе. Но *нельзя интерпретировать любое превышение (даже статистически существенные) частоты встречаемости того или иного звука в том или ином семантическом подклассе как проявление*

звукового символизма. При планировании и проведении эксперимента и интерпретации полученных данных не следует выдвигать и, тем более обсуждать, заведомо нелепые гипотезы. Было бы, например, нелепо исследовать символические свойства немецкого звука [à] (средний ряд, средний подъем), а тем более, делать заключения о бóльших символических свойствах немецкого глагола по сравнению с немецким существительным на том основании, что в словах-глаголах звук [à] встречается чаще (пусть даже существенно чаще), чем в словах-существительных. Сама постановка задачи (такая задача была поставлена в одной из дипломных работ в Черновицком университете) в данном случае неверна, т.к. звук [à] будет встречаться заведомо чаще в глаголах, ибо этот звук является составной частью немецких глагольных префиксов *be-*, *ge-*, *ver-* и т.д. и немецкого суффикса инфинитива *-en*.

Разумеется, в практике изучения звукового символизма могут встретиться «пограничные» случаи, когда трудно определенно установить, имеем ли мы дело со звукосимволическим явлением или с некоторым **функциональным фреквентивом** (так можно назвать часто встречающиеся в языке звуко-смысловые связи, как в приведенном примере /h/ + «дом»). Р. Уэскотт полагает, например, что противопоставление *pa* – *ma* в словах, обозначающих отца и мать, носит символический характер (аналогично *father* – *mother*, см. Wescott 1980: 9). Приведенные сопоставления Р. Уэскота вызывают все же серьезные сомнения, т.к. повышенная частота употребления губных в терминах родства объясняется, по справедливому замечанию Р. Якобсона, тем, что губные – это первые звуки в лепете вскармливаемого грудью ребенка, что обусловлено, следовательно, сосательными движениями губ. Исследования Г. Мердока (Murdock 1959) и А.М. Газова-Гинзберга (1965: 88) показали, что носовые согласные обозначают прежде всего мать и няню, взрывные губные – бабушку и отца, а взрывные переднеязычные – отца, деда или вообще взрослых людей. В самих звуках /m/ или /p/ нет ничего «мужского» или «женского» (ср. н. Mann «мужчина», но Frau «женщина», русск. *мальчик*, *мужчина*, но *парень*, *парубок* и т.п.). Если уж ставится вопрос о каких-то звуко-морфологических связях, то его решение видится в статистическом обследовании большого массива слов, принадлежащих к разным грамматическим классам («мужской род», «женский род», «средний род»), с целью установления соответствий между фонетическими и морфологическими классами.

Проведенный нами элементарный статистический анализ немецко-русского словаря (буквы М и F) показал, что никаких существенных различий в распределении существительных трех родов в немецком языке не наблюдается; зафиксированы лишь различия в частоте трех родов: женский, мужской, средний; однако такие различия (соотношение частот) аналогичны в обеих секциях словаря (буквы М и F).

Думается, что не следует множить мифы о функционировании звукового символизма на таких сомнительных примерах, как *father* – *mother*.

2.4. Фонетическая мотивированность и морфологический статус слова

Зависимость между ФМ и принадлежностью слова к определённым морфологическому подклассу (“части речи”) изучена ещё не достаточно.

Дж. Вейс [Weiss 1968] установил, например, что звуко-символические свойства в английском языке в большей степени присущи глаголам.

Ж.-М. Петерфальви [Peterfalvi 1970] не обнаружил существенных различий в степени ФМ существительных, прилагательных и глаголов во французском языке. По данным Л.А. Комарницкой, в английском языке (исследовалось 190 глаголов, 255 существительных и 155 прилагательных) глаголы и прилагательные обладают большей ФМ, чем существительные. В немецком языке (обследовано 900 единиц) глаголы и прилагательные мотивированы, по данным В.И. Кушнерика, меньше, чем существительные. Н.Л. Львова на материале начальных звуко-сочетаний в английском языке установила, что существительные мотивированы в большей степени, чем глаголы (см. Львова 2005). О.В. Найдеш, напротив, выявила, что глаголы и прилагательные в немецком языке содержат начальные сочетания фонем намного чаще, чем существительные (см. Найдеш 2008).

Всё сказанное позволяет сделать вывод о том, что принадлежность слова к тому или иному грамматическому разряду не относится к релевантным признакам, определяющим степень ФМ слова. *Этот признак носит, по-видимому, вторичный характер и сопряжён с семантическим статусом слова.* Очевидно, что глаголы и прилагательные обладают большей ФМ постольку, поскольку они чаще обозначают движение и “чувственный опыт”. Существительные чаще обозначают конкретные и абстрактные понятия, вследствие чего степень их ФМ ниже, чем у прилагательных и глаголов. Большая степень ФМ у немецких существительных объясняется, по-видимому, широким распространением субстантивации в немецком языке, где практически любое содержание (в том числе “вербальное” и “адъективное”) может быть оформлено в виде существительного.

Из зарубежных работ, посвященных изучению функционирования звукового символизма в различных частях речи, следует упомянуть статью Дж. Серено (Sereno 1994). Англоязычным испытуемым предлагалось определить, к какой части речи (существительному или глаголу) относится предъявляемое слово (например, group, leave, feel, keep, meet, sit, move, try, put и т.п.). Эксперимент был построен так, что фиксировалось время, которое необходимо было испытуемому для нахождения ответа. В результате оказалось, что существительные, включающие в свой состав задние гласные, категоризировались испытуемыми значительно быстрее, чем существительные с передними гласными; наоборот, глаголы с передними гласными категоризировались быстрее, чем глаголы с задними гласными (р. 271). К передним гласным, опираясь на соответствующие источники по фонетике, автор относит /i, e, ε, ¾/, а к задним, – кроме различных видов /a/, /o/, и /u/, также дифтонги /ai/, /au/, /Oi/.

Поскольку во вступительной части своей статьи Дж. Серено детально останавливается на имеющихся в психолингвистике данных о символизации ближнего дейксиса передними гласными, а дальнего дейксиса – задними гласными (см. Ultan 1978), читателя невольно ориентируют на сопоставление

полученных в статье данных с данными о ближнем и дальнем дейксисе. Получается, что существительные, маркером которых являются задние гласные, ассоциируются с дальним дейксисом, а глаголы – с ближним дейксисом. Это в определенной степени противоречит статусу существительных как предметных (и прежде всего, «конкретных») слов и статусу глаголов как признаков слов. Целесообразнее было бы поэтому, говоря о символике передних и задних гласных, упомянуть прежде всего тот факт, что передние гласные символизируют «быстрое», а задние – «медленное» (такое соотношение детально рассматривается в том же сборнике, в статье Б. Берлина, со ссылкой на О. Есперсена – см. Berlin 1994: 81). При таком подходе можно полагать, что распознавание существительных по задним гласным, а глаголов – по передним объясняется статичностью обозначаемых существительными предметов и динамичностью движений, обозначаемых глаголом.

Если распознавание существительных осуществляется быстрее в тех случаях, когда в слове содержатся задние гласные, то следует предположить, что в сознании испытуемых существует устойчивая ассоциация «имя – задние гласные», «глагол-передние гласные», которая могла возникнуть либо в результате действия механизма «языковой привычки», либо в результате действия синестезической связи между [i, e] + действие, движение и [a, o, u] + покой, неподвижность. Проверить правильность этой гипотезы можно с помощью соответствующих статистических исследований словарного состава английского языка в сравнении с другими языками. О синестезии можно говорить лишь в том случае, если сформулированная выше закономерность обнаружится в нескольких языках.

Интересно также заметить, что Дж. Серено обращает внимание на возможное влияние графики на результаты экспериментов (в слове wife – переднее /i/ вняет «графически», но заднее /ai/ – фонологически – см. р. 273).

Окончательные выводы о зависимости ФМ от морфологического статуса слова можно будет сделать после обследования других языков, особенно тех, где различие между морфологическими подклассами слов носит чётко выраженный характер.

2.5. Фонетическая мотивированность, частотность и стилистический статус слова

Мотивированность слова связана с его экспрессивностью. “Утеря образности ... снижает степень эмоциональной насыщенности слова. Слова, “непонятные” по своей структуре, менее выразительны [Гинзбург 1957: 81]. Такого рода утверждения, в основе которых лежат наблюдения над фактами языка, находят экспериментальное подтверждение: “длительное ... повторение или продолжительная визуальная фиксация слова (семантическое или вербальное насыщение) ведёт к утрате значения или к сокращению эффективности вербального материала” [Kanungo 1963: 421].

Энцефалографические опыты, проведённые в Военно-медицинской Академии, обнаружили, что, “чем чаще употребляется слово, тем более тусклым становится его стилистический эффект” [О соотношении ..., с. 87].

В свете оказанного становится очевидным, что стремление к экспрессивности обуславливает предпочтение говорящим “образной”, “прозрачной”, т. е. мотивированной лексики; повышение – как следствие этого процесса – частоты употребления экспрессивно-эмоциональных лексических единиц приводит к утрате ими мотивированности, а вместе с тем и экспрессивности, к снижению частоты употребления, смещению на периферию данной лексико-семантической микросистемы или даже отмиранию “старых” слов и фаворитизации новых. Таким образом, частота употребления слова связана с его мотивированностью и экспрессивностью.

Изучение соотношения частоты употребления (использовались соответствующие частотные словари) и фонетической мотивированности слова в английском и немецком (по данным Л.А. Комарницкой и В.И. Кушнерика) языках показало следующее. В английском языке высокочастотные слова фонетически мотивированы в большей степени, чем низкочастотные или, иначе говоря, фонетически мотивированные слова обладают более высокой частотой употребления. В немецком языке обнаружено несколько иное соотношение частоты и мотивированности слова. Наиболее мотивированными здесь оказались и самые частые, и самые редкие лексемы. В этой связи можно предположить, что функционирование любого мотивированного (и – шире – любого экспрессивного) слова регулируется в языке общесемантическим законом соотношения содержания и употребления знака: чем шире сфера употребления, тем уже его содержание. Достигнув некоторого пика в частоте своего употребления, слово утрачивает экспрессивность и переходит в разряд менее употребительных, его место занимает более мотивированная лексема.

Что касается стилистического статуса слова, то на материале английского и немецкого языков установлено, что действие звуко-символизма в первую очередь проявляется в сфере нелитературной лексики (у слов со словарными пометами “разговорный”, “вульгарный”, “грубый”, “диалектный” и т. п.).

2.6. Фонетическая мотивированность и лексико-парадигматический статус слова

Если между звучанием и значением слова существует некоторое структурное сходство, то у слов, близких по значению, должно наблюдаться большее фонетическое подобие и наоборот. Таким образом, можно допустить, что в языке действует определённая закономерность: слова-синонимы должны обладать большим фонетическим сходством, чем слова-антонимы. Справедливость такого допущения проверялась [см. Левицкий, 1979; Комарницкая, 1981] на материале немецкого и английского языков (всего было изучено несколько сот синонимических и антонимических рядов). Результаты анализа позволили сделать следующие выводы:

1. Положительные фонетические связи обнаружены и для слов-синонимов, и для слов-антонимов, тем не менее для слов-синонимов количество положительных связей превышает количество отрицательных.

2. Чем уже синонимический ряд, тем в большей степени проявляется в нём фонетическое сходство между словами.

3. Глаголы-синонимы обнаруживают меньше фонетического сходства, чем существительные и прилагательные. Это связано, очевидно, с тем, что синонимия у глаголов носит специфический характер.

Таким образом, фонетическая мотивированность слова тесно связана с его семантическим, морфологическим и стилистическим статусом в языке.

3. Фонетическая мотивированность и коннотативное значение слова²¹

Соотношение фонетической мотивированности и коннотативного значения слова неоднократно привлекало внимание советских и зарубежных психологов и лингвистов. Так, М. Вертхеймер [Wertheimer 1958] установил, в частности, что фонетически мотивированные слова (“слова, звучание которых соответствует их значению”) обладают более ярко выраженным коннотативным значением по сравнению со словами, звучание которых не соответствует их значению. Дж. Вейс [Weiss 1968], изменив процедурные условия, предложенные М. Вертхеймером, подверг сомнению выводы последнего и выдвинул, в свою очередь, гипотезу о том, что степень соответствия между звучанием и значением какого-либо слова зависит от принадлежности этого слова к тому или иному грамматическому разряду (см. раздел 2.3). Н.А. Павлюк, работа которого посвящена изучению причин, влияющих на изменение коннотативного значения слова, установил, что скорость такого изменения зависит, главным образом, от двух факторов: от расстояния между коннотатом и фонетическим значением и от принадлежности слова к той или иной семантической группе” [Павлюк 1976: 72]. К сожалению, ни одну из затронутых в перечисленных работах проблем невозможно считать решённой: этому препятствует крайняя малочисленность исследований, специально посвящённых соотношению коннотации и звукового символизма, противоречивость результатов, полученных различными авторами (например, М. Вертхеймером и Дж. Вейсом, Дж. Вейсом и Ж. Петерфальви), наконец, наличие некоторых недостатков в процедурах, избранных тем или иным исследователем. Так, в несомненно интересной работе Н.А. Павлюка сделано, к сожалению слишком мало замеров для того, чтобы с уверенностью говорить о влиянии первого фактора (расстояния между коннотатом и фонетическим значением), и содержится слишком мало объективно полученных данных, чтобы можно было говорить о влиянии второго фактора (так называемые “семантические группы” вычленялись автором произвольно: в одну группу включены, например, слова *жуть*, *страх*, *ужас*, но не включено – из числа обследованных – слово *кошмар*; в другую группу вошли слова *гниль*, *грязь*, *жаба*, но не вошло *тина* и т.п.). М. Вертхеймер и Дж. Вейс измеряли коннотативное значение слова не в “чистом” виде, а вместе с фонетическим значением (ведь при изменении коннотативного значения испытуемым предъявляется не

²¹ В основу раздела положена совместная статья [Левицкий / Комарницкая 1981]. Л.А. Комарницкой выполнена вся экспериментальная часть исследования; В.В. Левицкий разработаны цель, план и методика эксперимента; сформулированы интерпретационные положения при обсуждении результатов эксперимента.

понятие, а *слово*, т.е. *единство* звучания и смысла), а потому остаётся неясным, что же в конечном счёте оценивали испытуемые – коннотацию или звуко-символические свойства слова. Это замечание относится, кстати, не только к упомянутым работам Дж. Вейса и М. Вертхеймера, но и к целому ряду других исследований, посвящённых изучению КЗ. Очевидно, для того, чтобы говорить о соотношении коннотативного значения и фонетической мотивированности слова, нужно предварительно каким-либо образом вычленить и изолировать хотя бы один из этих компонентов – “коннотацию” или “мотивацию” и измерить его отдельно.

Высказанные соображения и предопределили процедуру и стратегию проведённого эксперимента.

Материал. Из списка лексем (360 слов и словосочетаний), для которых американскими исследователями были получены данные о величине коннотативного значения по 20 шкалам [Jenkins / Russel / Suci 1958] были исключены слова (*long, negro, patriot, religion, ocean* и др.), значение которых могло быть без труда установлено испытуемыми, говорящими на одном из восточнославянских или романских языков (выполнение этого требования обеспечивалось специальными процедурными условиями), и все словосочетания. Полученный таким образом список включал в себя 286 слов.

Испытуемые. В качестве испытуемых выступало 50 студентов 1 курса факультета романо-германской филологии, не знающих английского языка. Каждое слово (точнее говоря, звучание, значение которого оставалось испытуемым неизвестным) предъявлялось в аудио-визуальной форме. Испытуемые должны были оценить предъявляемые звучания по одной из трёх шкал семантического дифференциала: шкала оценки (“плохой – хороший”), силы (“слабый – сильный”) и активности (“медленный – быстрый”).

Возникает, однако, естественный вопрос: правомерно ли использовать для измерения фонетического значения *английских* слов языковое “чувство” неанглоязычных испытуемых? Иначе говоря: может ли экспериментатор быть уверенным в том, что полученные им оценки будут в достаточной (статистически значимой) степени совпадать с оценками, которые в аналогичной ситуации были бы получены от испытуемых – американцев? Давая на этот вопрос утвердительный ответ, можно было бы сослаться на представленные в первой главе многочисленные доказательства существования универсального (межнационального) звукового символизма. Однако, если даже оставить в стороне существующие сомнения относительно универсальности звукового символизма, то ссылка на эту универсальность окажется лишь косвенным обоснованием сделанного выше утверждения. Для получения данных, непосредственно подтверждающих выдвинутую гипотезу, испытуемым было предъявлено (кроме 286 упомянутых выше) ещё 10 слов, ФМ которых была изучена ранее американскими психологами. Пять из этих слов, с точки зрения англоязычных испытуемых, обладают фонетической мотивированностью, т. е. звучание этих слов соответствует их значению – *break, clean, cool, cut, rush*; другие пять слов – *belong, knee, sun, teach, write* фонетически не мотивированы [Wertheimer 1958]. Как и ожидалось, было обнаружено статистически значимое совпадение оценок ФМ этих 10 слов в

группах американских и украинских студентов. Лишь после этого экспериментаторы могли быть уверены в правомерности привлечения украинцев к оценке английских слов. Таким образом, в распоряжении экспериментаторов оказались вполне надёжные данные о фонетической мотивированности и коннотативном значении достаточно большого (286) числа слов английского языка.

Результаты и обсуждение. Прежде всего возникает вопрос: в каком же соотношении находятся ФМ и КЗ слова? Статистический анализ (выполненный с помощью ЭВМ) показал, что величины коэффициентов корреляции между оценками ФМ и КЗ 286 слов для всех трёх шкал обладают статистической значимостью и равны: $r_1 = 0,33$ (шкала активности – далее “шкала А”), $r_2 = 0,41$ (шкала оценки – далее “шкала О”), $r_3 = 0,37$ (шкала силы – далее “шкала С”). Значимость $P = 0,001$, число степеней свободы $df = 284$. Поскольку, однако, то, что в работах американских исследователей рассматривается в качестве оценки КЗ, представляет собой сумму двух векторов – собственно коннотации и фонетической мотивированности, – можно с полным основанием сделать следующий вывод: так как испытуемым в нашем эксперименте не были известны ни коннотативное, ни денотативное значения предъявленных звуковых комплексов, то статистически значимое совпадение КЗ и ФМ этих слов невозможно объяснить действием коннотативного значения. Иначе говоря, *КЗ не совпадает полностью с ФМ, но в значительной степени обусловлено последним.* Этот вывод порождает, в свою очередь, ещё один вопрос: от каких же факторов зависит степень совпадения КЗ и ФМ или, иначе говоря, какие слова обладают ФМ в большей степени? В качестве гипотезы можно выдвинуть 3 группы факторов: 1) частотность слова; 2) принадлежность слова к определённому грамматическому классу; 3) принадлежность слова к определённому семантическому классу. К сожалению, изучить влияние второго из названных факторов в осуществлённом эксперименте оказалось затруднительным из-за отсутствия соответствующих грамматических индексов в использованном списке 360 английских лексем. Роль каждого из двух других факторов была изучена с помощью психометрических и статистических методов.

По словарю Торндайка [Thorndike / Lorge 1944] была установлена принадлежность каждого из 286 слов к одному из 2 частотностных классов: 1) слова, обозначенные в словаре символами АА (т.е. слова с высокой частотностью); 2) слова с частотностью до 50 (т.е. слова с низкой частотностью).

Принадлежность слова к тому или иному семантическому разряду определялась с помощью психолингвистических методик. В эксперименте принимало участие 10 преподавателей английского языка и 20 студентов 5-го (выпускного) курса английского отделения университета. Каждое слово необходимо было отнести к одному из 5 семантических классов: 1) слова, обозначающие движение; 2) слова, обозначающие понятие “сенсорного континуума” (звук, цвет, свет, форму, размер и т. п.); 3) слова, обозначающие конкретные предметы; 4) слова, обозначающие эмоции; 5) слова, обозначающие абстрактные понятия (не вошедшие в 1 – 3). Считалось, что

слово относится к данному семантическому классу, если оно включалось в этот класс 22 из 30 испытуемых (в соответствии с критерием знаков значимость P равнялась 0,05). Слова, “не получившие” необходимого большинства, были отнесены экспериментаторами во вновь сформированный класс – 6 (“прочие”). Соотношение между ФМ и КЗ слова, входящих в каждый класс, измерялось двумя статистическими показателями: величиной коэффициента корреляции r между оценками ФМ и КЗ и средней величиной отклонения оценки КЗ ($X_{\text{сop.}}$) от оценки ФМ ($X_{\text{рhон}}$) одного и того же слова (чем больше величина r или чем меньше разница $X_{\text{сop.}} - X_{\text{рhон}}$, тем значительнее сходство между КЗ и ФМ). Соответствующие показатели приведены в таблице 55.

Что же обнаружил статистический анализ? Почти все коэффициенты корреляции обладают необходимой статистической значимостью (исключение составляют коэффициенты 0,06 и 0,09 в первой строке таблицы и коэффициент 0,19 в третьей строке. Таким образом, корреляционный анализ показал, что, чем чаще употребляется слово, тем в большей степени его ФМ соответствует КЗ. Этот вывод подтверждается и данными о различиях в оценках ФМ и КЗ: разница между оценкой ФМ и оценкой КЗ для высокочастотных слов во всех случаях меньше, чем для низкочастотных. Этот результат совпадает с данными, рассмотренными нами в разделе 2.4. Не меньший интерес представляют результаты статистического анализа ФМ слов, входящих в различные семантические подклассы. Как видно из табл. 55, наименьшая разница между оценками ФМ и КЗ обнаружена для слов, обозначающих “движение” и “сенсорные” понятия, наибольшая – для слов, обозначающие абстрактные понятия. Если учесть, что, по данным Л.А. Комарницкой [см. Комарницкая 1985], наибольшей фонетической мотивированностью обладают подклассы слов, покрывающие в семантическом пространстве “сенсорные” понятия, движение, звук, свет, размер и форму, получается, что в подклассах “движение” и “сенсорные понятия” фонетическая мотивированность максимально сближается с коннотативным значением, т.е., иначе говоря, *само коннотативное значение создаётся в значительной степени за счёт фонетической мотивированности слова*. У слов с абстрактным и конкретным значением фонетическая мотивированность значительно снижается или отсутствует вообще, в то время, как коннотативное значение в этих лексических группах может достигать предельной величины, т.к. испытуемые оценивают не звучание, а значение слова (например, понятия “отец” или “мать” в экспериментах Ч. Осгуда). Всё это позволяет сделать следующий вывод. *Фонетическая мотивированность и коннотативное значение тесно связаны друг с другом, но не являются идентичными явлениями. По-видимому, то, что принято считать коннотативным значением, представляет собой результат сложного взаимодействия оценок и “впечатлений” от понятийного и звукового образов слова (означаемого и означающего)*. Для одних семантических подклассов ФМ является основным компонентом коннотации, для других – звукосимволические ингредиенты составляют лишь сравнительно небольшую часть в коннотативном значении слова или отсутствуют в нём вообще.

Таблица 55

статисти- ческие показатели	к л а с с ы с л о в								
	шка- лы	частот- ностные		семантические					
		1	2	1	2	3	4	5	6
величины коэффи- циентов корреляции r	А	0,4	0,28	0,88	0,66	0,42	0,06	0,41	0,09
	О	0,56	0,38	0,7	0,8	0,57	0,32	0,53	0,34
	С	0,38	0,29	0,81	0,46	0,51	0,25	0,19	0,36
	в среднем	0,45	0,32	0,8	0,64	0,5	0,21	0,38	0,26
величины отклонений X _{con} – X _{phon}	А	1,19	1,41	0,72	1,16	1,14	1,43	1,43	1,52
	О	1,01	1,36	0,62	1,12	1,07	1,31	1,43	1,5
	С	1,14	1,32	0,58	1,24	1,11	1,42	1,37	1,34
	в среднем	1,11	1,36	0,64	1,17	1,11	1,37	1,41	1,45

4. Фонетическая мотивированность и фонетическое значение

4.1. Измерение фонетического значения

Теоретическое и экспериментальное изучение звукового символизма **начени** необходимость установить **наче** тонкие различия между понятиями, которые рассматривались как идентичные или очень близкие. Так обстоит дело, в частности, с понятиями “**фонетическая мотивированность**” и “**фонетическое значение**”. Под фонетической мотивированностью, как видно из предыдущего изложения, понимается соответствие **начением** слова его значению (см. 2.1). Степень такого соответствия, как показано выше, может **нач** измерена с помощью психолингвистических методик.

Под **фонетическим значением** (понятие и термин введены А.П. Журавлёвым) понимается суммарная оценка символических звуков, которые **начени** в состав **начением** слова [Журавлёв 1974: 60]. Например, звучание слова *аист* составляют звуки /а/, /и/, /с/, /т/. Каждый из этих звуков обладает **наче** фонетическим **начением**, измеренным с помощью методики “семантического дифференциала” по различным шкалам.

Процедура измерения фонетического значения слова, предложенная А.П. Журавлевым, состоит из трех основных этапов:

- 1) отбор слов, подлежащих анализу;
- 2) статистическая процедура нахождения «мер» фонетического значения, а, точнее говоря, признаков, «значимо отклоняющихся от нейтральных» (Журавлев 1974: 126);

- 3) интерпретация полученных данных, т.е. сопоставление вычисленного фонетического значения слова и его «коннотативного значения» (там же, с. 129), а, точнее, «коннотативно-признакового аспекта» (с. 126) и заключение на основе такого сопоставления о соответствии / несоответствии между формой и содержанием слова.

Второй этап измерения фонетического значения, т.е. формула, по которой А.П. Журавлев находил признаки, существенно отклоняющиеся от нейтральной зоны, хотя и может быть предметом дискуссии, в целом однако, существенных возражений не вызывает. Основной смысл предложенной А.П. Журавлевым формулы заключается в следующем. На основании имеющихся в лингвистике данных о частоте «звукобукв» русского языка в тексте находится некоторая относительная величина, позволяющая приписать каждому звуку конкретного слова «весовой коэффициент» (благодаря этому частота редких графонов повышается). Кроме того, учитывается позиция звукобуквы и ударение: для ударного гласного вводится коэффициент 2 (его вес увеличивается в 2 раза), а для начального гласного или согласного вводится коэффициент 4.

Понятно, что, будучи *пионером* в поисках путей практического измерения фонетической мотивированности слова, А.П. Журавлев не мог избежать известной приближенности и огрубленности конечного результата своих поисков; не вызывает возражений принципиальный учет трех перечисленных выше факторов (роль первого согласного, роль ударного гласного, роль частоты фонемы), но коэффициенты, введенные А.П. Журавлевым, представляются необоснованно завышенными, а формула и целом до известной степени искусственной и громоздкой. Как видно из предыдущих разделов (см. также И. Тэйлор 1962), начальный согласный, действительно, играет в слове более важную роль, чем конечный. Однако разница между оценкой начального и конечного согласного не превышает, как правило, 10-15 % от оценки любого из этих звуков – начального или конечного. Поэтому увеличение веса начального согласного представляется слишком завышенным. Увеличение веса ударного гласного в 2 раза вполне обосновано и согласуется с данными, которыми располагает современная экспериментальная фонетика (долгота ударных гласных в современном украинском языке, например, почти в 2 раза больше долготы соответствующих безударных; см. Білодід 1969: 82). Что касается частоты встречаемости фонем, то, конечно, можно было использовать метод, предложенный А.П. Журавлевым, однако современная статистика располагает более простыми и надежными способами учета различий между теоретически ожидаемой и практически наблюдаемой частотами.

В целом, однако, как сказано выше, формула А.П. Журавлева вполне пригодна для вычисления фонетического значения.

Что касается двух других выделенных нами этапов измерения фонетического значения (п. 1 и 3), то обе использованные А.П. Журавлевым процедуры вызывают, как нам представляется, совершенно обоснованные возражения.

Мотивируя отбор слов, рассмотренных или перечисленных (в приложении) в книге «Фонетическое значение», А.П. Журавлев пишет: «Для иллюстраций выбраны только существительные, обладающие достаточно четко выраженным коннотативно-признаковым значением и не имеющие, как правило, явной семантической или морфологической мотивированности» (с. 126).

Фактически списки приводимых А.П. Журавлевым – и в книге «Фонетическое значение», и в книге «Звук и смысл» (1981), где иллюстраций намного больше, состоят либо из звукоизобразительных слов (*барабан, грохот, лепет, рык, треск, хrap, шорох*), либо из слов с явно сниженным стилистическим статусом (такие слова снабжаются в словарях пометами «грубый», «разговорный», «вульгарный» и т.п.) – *дылда, жратва, карга, хам, харя, хрыч, хлютик*, либо, наконец, из таких слов, где автор ожидал обнаружить соответствие между формой и содержанием слова – *лилия, лютик, иволга, крыса* и т.п. Мы находим, например, среди этих слов *арбуз*, которое среди прочих признаков получило оценку «большой» (см. табл. 56), но не находим близкое по составу звуков слово *абрикос* (тоже «большой?»); мы находим в списке А.П. Журавлева слово *мимоза*, но не находим слова *роза* («большая» и «неприятная», т.к. /р/, /о/, /а/, /з/ – это «большие», «грубые», «мужественные» звуки?); в списке есть *птица*, но нет *кит* (/к'/ по данным А.П. Журавлева – «маленькое», /е/, /и/ – скорее «маленькие», чем «большие») и т.д.

Очевидно, чтобы получить ответ на вопрос о соотношении в том или ином языке слов, обладающих и не обладающих фонетическим значением, следовало бы, по крайней мере, руководствоваться следующими принципами отбора материала.

1. Необходимо подвергнуть анализу высокочастотные, среднечастотные и низкочастотные слова, отобрав достаточно большое число слов из каждого частотностного подкласса (не менее, чем по 300-500 слов).

2. Полученные списки из 1000-1500 слов необходимо сгруппировать по альтернативным признакам (стилистические подклассы, частотность, принадлежность к различным семантическим подклассам, частям речи, структурно-морфологическим подклассам и т.п.) и сопоставить с помощью критерия χ^2 для выяснения того, в каких подклассах наличие фонетического значения проявляется в большей степени.

Вызывает возражения и третий этап измерения фонетического значения, изложенный в книгах А.П. Журавлева.

После получения набора признаков для каждого из обследованных слов (обработка данных производилась с помощью электронного-вычислительной машины, ибо персональных компьютеров в то время в СССР не существовало) экспериментатор должен был каким-то образом оценить соответствие полученного «набора признаков» лексическому значению слова.

Процедура сопоставления «признакового аспекта лексического значения слова» и его фонетического значения описана А.П. Журавлевым следующим образом:

«Фонетическое значение слова *тишь* охарактеризовано признаками «нежный», «женственный», «слабый», «тусклый», «тихий», «хилый», но ясно, что единственно важным в данном случае является факт выделения признака «тихий» (заметим, кстати, что из всех признаков именно для него наблюдается наибольшее отклонение от нейтрального деления шкалы, т. е. признак «тихий» наиболее сильно подчеркнут в фонетическом оформлении этого слова).

В дальнейшем, приводя иллюстрации, мы будем существенные для коннотативного значения признаки помещать в начале перечня, а «безразличные» — в конце, в ломаных скобках. Поскольку вопрос о существенности признака решается интуитивно, могут возникнуть некоторые расхождения в суждениях. Но если здесь и будут какие-либо колебания, то уже их наличие покажет, что данная сторона признакового значения выражена в слове неопределенно, т. е. — по нашей терминологии — попадает в нейтральную зону шкалы. Другими словами, если мы затрудняемся сказать, пригоден ли данный признак для описания коннотативного значения слова, то этот признак можно вообще исключить из рассмотрения при сопоставлении с фонетическим значением. Для наших целей не особенно важно, считать ли, к примеру, признаки «хороший» или «подвижный» существенными для характеристики признакового аспекта лексического значения слова *барабан*; важно, что для фонетического значения этого слова выделились признаки «большой», «грубый», «громкий», несомненно соответствующие коннотативному значению.

Нельзя требовать при отборе признаков и особенно точного соответствия их лексическому значению. Например, признак «грубый», выделенный для характеристики слов *бор*, *булат*, *граната*, *дом*, *дым* и др., кажется не совсем подходящим» (см. Журавлев 1974: 128-129).

Как же на практике выглядит интерпретация А.П. Журавлевым полученных результатов? Начнем с того, что выбор перечисляемых автором признаков не совпадает в двух книгах — в «научной» монографии, предназначенной для коллег-лингвистов (Журавлев 1974: 130-133) и в «популярной», предназначенной для «внеклассного чтения» школьников старших классов (Журавлев 1981). Так, *бас* в первой книге содержит признаки (перечисляем в том порядке, в каком это сделано А.П. Журавлевым) *хороший*, *большой*, *мужественный*, *сильный*, *величественный*, *яркий*, *громкий*, *могучий* (не считая взятых в ломаные скобки *грубый*, *активный*, *быстрый*, *легкий*, *подвижный*). В «популярной» книге оставлено только 3 признака — *мужественный*, *сильный*, *громкий*. Аналогично (не считая того, что поставлено в скобки, т.е. того, что А.П. Журавлев отбросил как «несоответствующие»): *гром* — 8 признаков в первой книге, но лишь 3 признака во второй; *рык* — 9 признаков и 3 признака и т.д. Таким образом, уже только эти количественные данные показывают, что интерпретируемые признаки А.П. Журавлев отбирал

совершенно произвольно, причем, чем более популярной была публикация, тем более узким был отбираемый список признаков.

На самом деле, учитывая отстояние от нейтральной оценки «3», признаки для *бас* (на основе Приложения II) должны быть перечислены в таком порядке: могучий (1, 2); мужественный (1,1); грубый (1); яркий/громкий/активный (0,9); большой/сильный/быстрый/величественный/подвижный (0,8); хороший (0,6); легкий (0,5). Для того, чтобы у читателя не сложилось впечатление, что мы преднамеренно выбрали какие-то слова из списков А.П. Журавлева, где имеются несоответствия между интерпретацией автора и объективными данными, полученными с помощью ЭВМ, приводим достаточно большой список лексем, отобранных методом случайной выборки из наборов, представленных А.П. Журавлевым. В таблице 56 даны: лексемы из списка А.П. Журавлева (столбец 2); порядок перечня признаков в книге [Журавлев 1974] (столбец 3); порядок перечня в [Журавлев 1981] (столбец 4); объективные данные на основе Приложения II в книге [Журавлев 1974] (столбец 5). Как видно из табл. 56, способ интерпретации А.П. Журавлевым полученных данных вызывает еще больше вопросов и возражений, чем два предыдущих этапа измерения фонетического значения.

Таблица 56

Сопоставление перечней признаков фонетического значения

№	Лексемы	Перечень в [Журавлев 1974]	Перечень в [Журавлев 1981]	Объективный перечень
1	2	3	4	5
1.	арбуз	—	большой	мужественный (0,9); большой/громкий (0,8); могучий (0,7); сильный (0,6)
2.	бас	хороший, большой, мужественный, сильный, величественный, яркий, громкий, могучий <грубый, активный, быстрый, легкий, подвижный>	мужественный, сильный, громкий	могучий (1,2), мужественный (1,1), грубый (1), яркий/громкий/активный (0,9); большой/сильный/ быстрый/величественный/ подвижный (0,8); хороший (0,6); легкий (0,5)
3.	бубен	яркий, громкий, <большой, мужественный, могучий>	яркий, громкий	мужественный (0,7); большой/могучий/громкий (0,6), яркий (0,5)
4.	грохот	грубый, сильный, шероховатый, страшный, могучий <мужественный, угловатый, злой>	грубый, сильный, шероховатый, страшный	мужественный (1), грубый/угловатый (0,7); злой/сильный (0,6); могучий/страшный/ шероховатый (0,5)

5.	добро	—	хороший, активный, сильный, величественный	мужественный (1,3); грубый/сильный (1,2); большой/могучий (1,1); яркий/громкий (1).
6.	жуть	плохой, темный, безобразный, тяжелый, страшный, злой <большой, грубый, медленный, шероховатый, низменный>	плохой, темный, страшный	отталкивающий/страшный (1,1); грубый (0,9); злой, тяжелый (0,8)
7.	заря	светлый, яркий <мужественный, сильный, громкий>	светлый, яркий	яркий (0,9); сильный (0,8); громкий (0,7); светлый (0,6)
8.	лопух	—	грубый, темный	медленный/мужественный/медлительный (0,6); темный (0,5); грубый (0,3)
9.	мимоза	нежный, женственный, безопасный <добрый, медлительный>	нежный, женственный	нежный/женственный/медлительный, безопасный (0,6)
10.	огонь	хороший, большой, сильный, красивый, величественный, яркий, могучий, <мужественный, гладкий, громкий>	хороший, большой, сильный, красивый, величественный, яркий	большой (0,9); сильный (0,8); красивый/величественный/яркий/громкий (0,7); хороший (0,6); гладкий (0,5)
11.	паук	темный, страшный, низменный, тусклый, тихий <мужественный>	темный, страшный, тихий	мужественный/темный/страшный (0,7); низменный/тихий (0,5)
12.	тишь	маленький, нежный, слабый, тусклый, тихий <женственный, хилый>	тихий	тихий (1,1); нежный (0,9); слабый (0,8); хилый (0,8)
13.	туча	—	темный, страшный	темный (0,6); мужественный/страшный/тусклый (0,5)
14.	фашизм	—	—	тихий (1,5); страшный (1,2); шероховатый (0,9); пассивный (1); медленный/плохой/темный (0,8)
15.	филин	—	плохой, темный	низменный (1,4), тихий (1,3); маленький/слабый/тусклый

				(1,2); плохой, медлительный (1); пассивный/хилый (0,9); шероховатый/медленный (0,7); темный (0,6)
16.	хам	плохой, грубый, темный, отталкивающий, низменный <мужественный, пассивный, медленный, шероховатый, тусклый, угловатый, медлительный, тихий>	плохой, грубый, темный, отталкивающий	тихий (1); темный/шероховатый (0,9); тусклый/плохой/ медленный/низменный (0,8); пассивный/отталкивающий/ угловатый/медлительный (0,7)
17.	шепот	нежный, темный, шероховатый, тусклый, тихий <плохой, страшный, низменный>	тихий	тихий (1,4); тусклый (1,2); слабый/страшный (0,9)
18.	шквал	–	темный, шероховатый, страшный, могучий	тихий (1); темный/тусклый (0,9); страшный (0,8); шероховатый (0,7); могучий (0,5)
19.	шорох	темный, шероховатый, тусклый, тихий <плохой, страшный, низменный>	шероховатый, тихий	страшный/тихий (1); тусклый (0,9); шероховатый (0,8)

Во-первых, из всех полученных признаков экспериментатор выбирает только те, которые, с его точки зрения, соответствуют «коннотативному значению слова». При таком подходе существует высокая степень вероятности, что из полученных 19 признаков хотя бы 1 будет – по субъективной оценке экспериментатора – соответствовать тому, чего хочет экспериментатор.

Во-вторых, порядок перечисления, т.е. приписывания признаков слову, основан не на величине полученных оценок, а опять-таки на субъективном решении экспериментатора.

В-третьих, одна из сопоставляемых категорий, а именно то, что А.П. Журавлев называет «коннотативным значением слова», является абсолютно произвольной сущностью, не имеющей никакого точного измерения. При таком подходе экспериментатор может выделить в «коннотативно-признаковом аспекте» лексического значения, например, слова *арбуз* самые различные (в зависимости от потребности) признаки: и *красный*, и *зеленый*; и *твердый* (поверхность), и *мягкий* (внутренняя часть); *большой*, *круглый*, *гладкий*, *тяжелый*, и т.д. Имея большой никем и ничем не predetermined заранее

набор «лексических» признаков и довольно обширный набор «фонетических» признаков, можно практически в любом случае найти хотя бы одно соответствие между первым и вторым набором.

Нетрудно заметить, что субъективизм экспериментатора усиливается по «хронологической оси» (от 1974 к 1981 году) и по оси «научное-популярное». В монографии «Фонетическое значение» (1974) А.П. Журавлев останавливается на случаях «несоответствия» фонетического и «коннотативного» значения и в целом делает такой вывод:

«В результате сложного диалектического взаимодействия звучания и значения слова на синхроническом срезе языка можно обнаружить слова с самыми разными отношениями фонетического и лексического значений — от четкого соответствия до резких противоречий. Но мотивировочная тенденция обнаруживает свое действие в том, что эти отношения между содержанием и формой слов заметно влияют на их функционирование и только в одном направлении: гармония содержания и формы повышает эффективность функционирования, противоречие затрудняет его и приводит к сдвигам содержания и формы в сторону соответствия» (см. Журавлев 1974: 142-143).

Заметим сразу же, что последнее утверждение находится в полном противоречии с фактами языка: если бы в языке существовала только одна тенденция — в сторону сближения формы и содержания слова, то за тысячелетнюю историю развития языка в нем оставались бы только мотивированные слова. Но это абсолютно не так.

Однако в «популярной» книге «Звук и смысл» (1981) уже ни о каких «несоответствиях» не говорится, а общий вывод сводится к следующему: «Содержательность звуковой формы слова и его признаковое значение — разные аспекты, и при любых способах сопоставлений можно обнаружить их гармонию, но не тождество, не совпадение» (Журавлев 1981: 66). У читателя (а на эту «популярную» книгу делаются ссылки в научной литературе!), особенно у представителей «младшего» поколения лингвистов, не имеющих достаточно большого опыта экспериментальной работы, подсознательно возникает уверенность, что А.П. Журавлев не только открыл способ измерения фонетического значения, но и установил, что подавляющее большинство слов языка обладает этим значением, т.е. у большинства слов языка форма соответствует содержанию.

Понятно, что те методы отбора и интерпретации исследуемого материала, которыми руководствовался А.П. Журавлев, не позволяют получить ответ на важнейший для фоносемантики и для лингвистики в целом вопрос: каково же подлинное соотношение в языке фонетически мотивированных и немотивированных слов? Каков результат взаимодействия двух противоположных тенденций в языке — произвольности и мотивированности языкового знака? Совершенно очевидно, что А.П. Журавлева интересует нечто иное — доказать, что фонетическое значение — это явление, которое не просто существует в языке, но функционирует в таких масштабах, которые превосходят все мыслимые ожидания. Не будем списывать такое стремление А.П. Журавлева на увлеченность первооткрывателя или на особенности

«жуткой и мерзопакостной» эпохи, когда так хотелось разрушить устоявшиеся стереотипы. Еще за год до появления книги «Фонетическое значение», обследовав 17 групп слов украинского языка (всего 134 слова), мы пришли к следующим выводам.

1. «Символическое значение» слова далеко не во всех случаях совпадает с его лексическим значением. Из приведенных в табл. 22 134 слов приблизительно 65 % обладают положительной фонетической мотивированностью и 35% – отрицательной. Однако некоторая часть этих слов подбиралась субъективно, в расчете на то, что будет обнаружена ожидаемая положительная мотивированность. Поэтому можно предполагать, что число положительно мотивированных слов в украинском языке составляет 50-60% – картина, не столь радужная, как это представлялось по первому опыту А.П. Журавлева» (см. Левицкий 1973: 54). (2.?)

А.П. Журавлеву, безусловно, принадлежит неоспоримая заслуга в формулировке понятия «фонетическое значение» и в разработке методов его измерения. А.П. Журавлев был пионером в создании целого направления внутри фоносемантики, и его яркие работы в этой области до сих пор не утратили своего значения. Но в силу целого ряда субъективных (личные качества исследователя) и объективных (место и время научного творчества) факторов поиски звукосимволических свойств лексики – вслед за А.П. Журавлевым – постепенно превращались в работы советских и российских исследователей звукосимволизма в мифотворчество. «Года минули, страсти улеглись». Пора от мифов переходить к реальности.

4.2. Вычисление и интерпретация ФЗ²² в Черновицком университете

Было исследовано 514 слов (157 существительных, 177 прилагательных, 180 глаголов) современного немецкого языка, полученных в результате сплошной выборки из «Немецко-русского словаря» [Лепинг 1978].

Фонетическое значение звуков немецкого языка по 7 шкалам было получено в ходе специальных экспериментов с участием 2 групп испытуемых: а) родным языком которых является немецкий (граждане ГДР); б) родным языком которых является украинский (студенты старших курсов немецкого отделения факультета иностранных языков Черновицкого университета (см. раздел 3, часть 1).

Для расчёта ФЗ была использована формула, предложенная А.П. Журавлёвым. Данные о частоте звуков взяты из [Meinhold / Stock 1980: 98, 145]; недостающие данные о частоте некоторых звуков немецкого языка получены в результате дополнительных экспериментов (был изучен текст, объём которого составил 153160 знаков).

²² Вся экспериментальная часть выполнена В.И.Кушнериком под руководством автора. В.И.Кушнериком получены все статистические данные, характеризующие ФМ и ФЗ в немецком языке. Идея экспериментального изучения соотношения между ФМ и ФЗ, планирование эксперимента и интерпретация его результатов принадлежат автору книги. В основу раздела положена совместная статья авторов [Кушнерик / Левицкий 1986].

Транскрибирование слов немецкого языка проведено на основе специального словаря.

В результате статистической обработки (вычисление проводилось в региональном вычислительном центре при Черновицком университете на ЭВМ БЭСМ-1020) были получены величины ФЗ 514 слов немецкого языка по 7 шкалам семантического дифференциала. Поскольку шкалы ориентированы в стороны определённых полюсов, считавшихся “положительными”, то величины со знаком “+”, означают “сильный”, “быстрый”, “приятный”, “большой”, “твёрдый”, “светлый”, “горячий”; величины со знаком “–” означают противоположные понятия. В соответствии с этим, например, ФЗ слова *Schub* – “толчок, сдвиг” – выражается величинами +1,34 (шкала силы), –1,12 (шкала активности), –0,28 (шкалы оценки), +1,08 (шкала размера), +0,75 (шкала твёрдости), –1,04 (шкала света), –0,13 (шкала теплоты).

Естественно, возникает вопрос, каким образом следует интерпретировать полученные данные? Какие величины следует учесть, какими можно пренебречь? Из анализа результатов следует, что полученные величины могут колебаться в пределах от 0 до 1,5. Очевидно, для интерпретации их “значимости” применимы два основных приёма. Можно было бы, во-первых, установить чисто условные границы в градации степени того или иного признака (например, менее 0,5 – слабая степень, от 0,52 до 1 – средняя степень, от 1,1 и выше сильная степень). Во-вторых, можно найти среднюю величину ФЗ и считать все случаи превышения этой средней наличием соответствующего признака, все остальные случаи – отсутствием признака. Вторая процедура представляется более объективной. Соответствующие расчёты показывают, что средняя величина ФЗ составляет 0,50. Таким образом, будем считать степень наличия того или иного признака существенной, если величина превышает 0,50. В свою очередь, для всех “существенных” величин можно установить определённую градацию, выделить величину, превышающую две средние (т. е. 1) как очень сильную степень выражения того или иного признака.

Таким образом, ФЗ слова *Schub* характеризуется как состоящее из следующих компонентов: “очень сильный”, “медленный”, “твёрдый” и “тёмный”. Дальнейший анализ показал, что из 617 исследованных нами слов 304 хотя бы по одной из шкал обладают существенно выраженным ФЗ (это составляет 50,5%).

4.3. Процедура определения фонетической мотивированности слова

Отобранные из словаря 514 слов немецкого языка предъявлялись в списках (в среднем по 80 слов), составленных в произвольном порядке, испытуемым – гражданам ГДР (стажёры Воронежского университета)²³ и студентам старших курсов немецкого отделения Черновицкого университета. В опросных листах, размноженных с помощью аппарата “Эра”, давались исследуемое слово, его транскрипция и семантика в виде перевода-толкования первого (основного) значения на русский язык. Испытуемым предлагалось оценить степень соответствия звучания слова его значению с помощью пятибалльной шкалы (1

²³ Автор благодарен проф. И.А.Стернину за помощь в проведении эксперимента.

– отсутствие соответствия, 5 – наибольшее соответствие). Таким образом, для каждого из 514 слов немецкого языка было получено по две оценки ФЗ и ФМ.

4.4. Соотношение фонетического значения и фонетической мотивированности слова

Очевидно, звучание слова может включать такие звуки, которые в соответствии с принятой статистической процедурой будут в сумме сообщать слову некоторое фонетическое значение, которое, однако, может не соответствовать семантике слова (его сигнификативному значению). Таким образом, между двумя показателями, характеризующими зависимость между звучанием и значением – ФЗ и ФМ – могут возникнуть следующие типы отношений: 1) у слова обнаружены значимые ФЗ и ФМ; 2) слово обладает ФЗ, вычисленным ЭВМ, но не обладает положительной ФМ (его звучание не соответствует значению с точки зрения испытуемых); 3) слово обладает положительной ФМ, но не обладает значимым ФЗ (величины, полученные с помощью ЭВМ, близки к нулю); 4) у слова отсутствуют значимые ФЗ и ФМ.

Опуская случаи последнего типа отношений, рассмотрим более подробно взаимоотношения между ФЗ и ФМ, названные в пунктах 1 – 3.

1. Наличие у слова значимых ФЗ и ФМ. Среди обследованных лексем к данному типу относятся около 40 слов, большую часть которых составляют прилагательные (около 20) и существительные (около 15). Среди них: *Schlag, grob, strömen* и др. По своим частотным характеристикам это преимущественно слова с частотой употребления 51 – 676 раз на 2 млн. языковых единиц¹ (см. табл. 57). Значительную часть перечисленных лексем составляют слова, обозначающие свойства, качества, движения, действия.

Таблица 57

Частотные подклассы лексем и их обозначения

№	Наименование	Частота
1	Низкочастотная лексика	1 – 51
2	Низкочастотная лексика	51 – 363
3	Низкочастотная лексика	364 – 676
4	Низкочастотная лексика	677 – 999
5	Среднечастотная лексика	1000 – 4999
6	Высокочастотная лексика	5000 – и более

2. Наличие ФЗ при отсутствии ФМ. Такой тип отношений характеризует свыше 60 слов (около 30 прилагательных, 30 существительных и 5 глаголов). К словам указанного типа относятся: *Aas, Kopf, froh, gleich, tot, zart* и др.; большинство лексем данного типа относятся к частотным классам [1] (19 слов), [2] (10 слов), и [3] (18 слов), т.е. являются наиболее редкими словами. Частоты остальных подклассов составляют: [4] – 5, [5] – 4. Среди относящихся к данному типу лексем преобладают слова как с конкретным, так

¹ Использовался частотный словарь немецкого языка [Kaeding].

и с абстрактным содержанием: человек, культура, экономика, время. Небольшое число слов, обозначающих движение, звучание, сенсорные явления.

3. Наличие ФМ при отсутствии ФЗ. Этот тип охватывает 140 слов, причём существительные, глаголы и прилагательные распределяются приблизительно равномерно. Среди этого типа преобладают слова, обозначающие действия (12), качества и свойства (40), звучание (5), например: *Schwatz, fressen, dreschen, frisch, barsch*.

В отличие от двух предыдущих типов, среди названных лексем встречаются и наиболее частые, и наиболее редкие лексемы. Частоты подкласса составляют: [1] – 24, [2] – 36, [3] – 15, [4] – 6, [5] – 17, [6] – 3. Заметна доля слов, относящихся к сфере стилистически сниженной лексики (с пометой *umgang.* – 7, *salopp* и *landschaft.* – 3).

Случаи несовпадения ФМ и ФЗ дают интересный материал, имеющий большое теоретическое значение для понимания механизма действия и функционирования звукового символизма.

В самом деле, как трактовать случаи, когда при наличии объективно засвидетельствованного фонетического значения, т. е. символики входящих в состав звучания слова звуков, испытываемые “не замечают” явного соответствия между звучанием и значением слова, т.е. не фиксируют наличия значимой ФМ? Оказывается, что *само по себе наличие в звучании слова звуков, способных иметь символическое значение, не обязательно реализуется в языке и психике говорящего. Следовательно, символическое значение не присуще звукам языка от природы, а приписывается им говорящими по определённым “правилам”, которые в силу физических акустико-артикуляционных свойств звуков могут носить межнациональный характер.* Действие синестезии, лежащее в основе звукового символизма, носит потенциальный характер и проявляется лишь при определённых условиях: когда звучание слова случайно, в результате своеобразного сочетания внешних и внутренних факторов развития языка, приходит в соответствие с его значением (см. раздел 15, часть 1).

Требуется объяснения и такие случаи, когда при наличии ФМ, фиксируемой испытываемыми, ЭВМ не фиксирует наличие у слова значимого ФЗ. Следует ещё раз напомнить, что ФЗ складывается из оценок отдельных звуков, входящих в состав звучания слова. Чем большее число входящих в звучание слова звуков обладает символическим значением, тем выше – при прочих равных условиях, прежде всего позиции звука в слове – получаемое в итоге суммарное ФЗ. Если, скажем, только один звук в звуковой оболочке слова обладает символическим значением, а остальные не обладают им, то в итоге ЭВМ зафиксирует незначительное, статистически несущественное ФЗ. Может быть и так, что некоторые звуки (или один звук), входящие в звучание слова, обладают положительной (по данной шкале) символикой, а другой звук – отрицательной символикой. В итоге оба звука взаимно уничтожают символический вес друг друга, и ЭВМ фиксирует ФЗ, близкое к нулю. Такое явление можно ожидать, например, при вычислении ФЗ русского слова *мал* (звук /а/ оценивается испытываемыми как “большой”, а звуки /м/ и /л/ – как “маленькие”).

Иначе обстоит дело, когда подобное слово оценивает испытываемый. Полученный нами экспериментальный материал показывает, что наличие в

звучании слова хотя бы одного звука (особенно ударных гласных), соответствующего семантике этого слова, даёт испытуемому основание считать, что слово обладает ФМ. При этом символика других звуков, входящих в звучание слова, как бы не принимается в расчёт, не замечается испытуемым. В качестве примера можно привести такие слова, как *lieben*, где /l/ оценивается как “приятное”, а /i/ – как “неприятное”. К аналогичным типам слов относятся *streben* /š/ – “медленное”, а /t/ и /r/ – “быстрое”; *schnell* /š/ и /n/ – “медленные”, а /e/ – “очень быстрый”; *frech* /r/ и /e/ – “неприятные”, а /f/ и /ç/ – “приятные” и др. Интересно заметить, что к аналогичным наблюдениям пришёл Р.Р. Гельгардт, анализируя диалог Платона “Кратил” [цит. по: Зелевская 1986: 5] – см. Левицкий 1994: 34.

Учитывая полученные в фоносемантике данные о том, в каких сферах лексики наблюдается преимущественное функционирование звукового символизма (см. выше раздел 2.2), трудно ожидать, что будет обнаружена фонетическая мотивированность, например, в названиях растений и животных. Тем не менее, представляются интересными результаты экспериментов, проведенных В.И. Кушнериком, который обследовал наличие или отсутствие ФМ в немецких названиях растений и животных. Здесь, пожалуй, важны не только те случаи, где испытуемые обнаружили положительную связь между звучанием и значением, но особенно те случаи, где такой связи нет; так, нем. *Eiche* «дуб» (в составе этого слова присутствует «мягкое» *ç*) немецкоязычные испытуемые оценили как слово, где звучание не соответствует значению (см. Кушнерик 2004: 370-375).

Можно предложить, что при оценке мотивированности названий конкретных предметов испытуемые, как правило, будут полагать, что все эти названия мотивированы, т.к. «наивному» носителю языка все слова родного языка представляются «правильными». Высказывания на эту тему мы находим, например, у Э. Бенвениста: «Для говорящего язык и реальный мир полностью адекватны: знак целиком покрывает реальность и господствует над нею; более того, он и *есть* эта реальность ... По правде говоря, точка зрения говорящего столь отличается от точки зрения лингвиста, что утверждение последнего относительно произвольности обозначений ничуть не колеблет уверенности говорящего в противном» (Бенвенист 1974: 93-94). Для того, чтобы снять указанный выше фактор «априорной «правильности» родного языка, было бы целесообразно как раз в данном эксперименте использовать испытуемых-билингвов (например, студентов, изучающих немецкий язык), предъявив им для оценки по два слова: нем. *Eiche* и укр. (русс.) *дуб* с заданием определить, какое из двух слов мотивировано в большей степени. В описанных нами экспериментах, осуществленных в 80-е годы, принимали, кстати, участие и немецкоязычные, и украинскоязычные испытуемые.

В подобного рода экспериментах важна не сама по себе констатация наличия (наличия?) / отсутствия фонетической мотивированности, а детальное обсуждение в свете накопленных фоносемантикой фактов всех случаев слишком высоких и слишком низких оценок, данных испытуемыми. Так, например, нем. *Igel* «еж» оценено как слово, где звучание максимально соответствует значению. Очевидно, целесообразно было бы указать на то, что

/i/ и /g/ в ряде языков (особенно /i/) оцениваются как «острое». Но совершенно не ясно, почему Wolf «волк» получило положительную оценку, а Löwe «лев» с тем же набором согласных (/v/, /l/), но в иных позициях в слове оценено как нейтральное. Обращает на себя внимание тот факт, что высокие оценки получают слова, в звучании которых наличествует /r/ и /ks/: Bär, Hirsch, Fuchs, Luchs, Dachs. Наводит на размышления самая высокая оценка у слова Zeder «кедр». Не играет ли здесь какую-либо роль форма начальной буквы Z, напоминающая форму кедра (высокое дерево с зонтиковидной кроной)? Ш. Балли, как уже говорилось в разделе 2.3, часть 1, обратил внимание на то, что «мотивирование означаемым имеет графическое соответствие». «Некоторые считают, – пишет Ш. Балли, – что *lys* красивее *lis* «лилия»: *у* изображает как бы стебель цветка, распускающегося между двух согласных» (Балли 1955: 149-150).

В.И. Кушнерику необходимо было (при обсуждении результатов) выделить в отдельную категорию слова звукоподражательного происхождения (Krähe, Kranich, Kuckuck), где, как и можно было ожидать, форма слова соответствует денотативному содержанию.

Из зарубежных работ, посвященных изучению «номенклатурных» лексических единиц, следует упомянуть работу Berlin 1994 (использовалась методика подбора). Автор исследовал звуковой состав названий птиц и рыб на одном из языков Перу и обнаружил, что в названиях «малых» птиц и рыб преобладает гласный /i/, а в названиях «больших» птиц и рыб – гласные /a/ и /u/. Такое распределение может быть объяснено, по мнению автора, не звукоподражанием, а звуко-символизмом и укладывается в сформулированную Дж. Охалой универсалию, упомянутую нами в разделе 5, часть 1

5. Звуковой символизм и развитие словарного состава языка

В лингвистике, как известно, О. Есперсен [Jespersen 1933: 285-286] и Дж. Опп [Opp 1944: 4], а затем Ст. Ульман [Ullmann 1964: 81-92] поставили вопрос о влиянии звукового символизма на жизнеспособность слова и на аномалии в действии фонетических законов. Дж. Опп, в частности, обратил внимание на то, что лат. *parvus*, звучание которого, включающее /a/, противоречило значению “малый”, было заменено в романских языках другими словами, включавшими в своё звучание /i/: рум. *mic*, ит. *piccolo*, фр. *petit*. В. Пизани заметил, что символические свойства звуков могут оказать влияние на аномальное изменение звуковой оболочки слова в процессе развития языка. Так, да. *micel* приобрело в современном английском языке форму *much* (с /ʌ/, а не /i/), т.к. звук /i/ с его символическим значением «маленький» явно противоречит значению англ. *much* «много, большой» (см. Пизани 1956: 81). Иные результаты были получены в экспериментальной психологии. Так, С. Эртель [Ertel 1969: 146-147] сравнил “новые” и “старые” формы (всего 337 пар слов) обозначения одного и того же понятия в 5 древних и 7 современных языках: древнегреческий – новогреческий, старославянский – русский, старославянский – чешский, древнеирландский – ирландский, старославянский – сербохорватский, древнеисландский – датский, древнеиндийский – хинди.

Испытуемые (немцы) должны были определить с помощью методики подбора (предъявлялись два звучания и один смысл), какие из двух звучаний (например, *tima* и *tma*, соответствующих ст.-сл. *тъма* и русск. *тьма*) в большей степени подходят для выражения понятия “тёмный”, обозначенного немецким словом *dunkel*. В результате оказалось, что для четырёх первых из названных выше пар языков более ранние формы обладают большей звукосимволической выразительностью. Для старославянского – сербохорватского соотношение звукосимволических свойств тех и других словоформ приблизительно одинаково, для двух последних пар языков соотношение носит обратный характер: новые словоформы в большей степени соответствуют предъявленному смыслу, чем старые. Общее соотношение (для всех языков) символических свойств старых и новых обозначений составляет 57 % в пользу старых словоформ. На основе полученных данных С. Эртель пришёл к выводу, что в результате происходящих фонетических изменений слова, подвергнутые таким изменениям, обладают символическими свойствами в меньшей степени, чем их более ранние формы [Ertel 1969: 147].

По методике С. Эртеля осуществлен эксперимент В.И. Кушнерика (см. Кушнерик 2004: 371-379), который сравнивал двн., свн. и современные формы слов-обозначений упомянутых в предыдущем разделе растений и животных. К сожалению, по целому ряду причин процедурного характера (установить «транскрипцию» двн. и свн. форм по словарю [Wasserzieher] вопреки утверждению автора невозможно) эксперимент вряд ли можно признать удачным; экспериментатор не прилагает затранскрибированных форм, предъявленных испытуемым, не обобщает количественные данные, позволяющие говорить о «тенденции к усовершенствованию» (с. 374) словоформ и многое другое. Вывод автора противоречит не только выводам С. Эртеля, но и наблюдениям многих других лингвистов, начиная с В. Вундта, который в частности, писал: «Первобытные языки часто ещё сохраняют на себе отпечаток той стадии развития языка, на которой непосредственно из интуиции возникающее стремление к словообразованию чаще проявляется в своей нетронутой, не искаженной традицией и культурой, силе, как это до известной степени можно наблюдать даже в его отношении к литературному» (Вундт 1912: 47). Остаются неясными и некоторые другие утверждения автора (что означает «фактор відсутності моменту епохи»?).

Таким образом, выводы лингвистов и психологов о соотношении потенциалов старых и новых лексических единиц не совпадают. Разумеется, на результаты экспериментов, проведённых С. Эртелем, могли оказать влияние некоторые процедурные недостатки, прежде всего такой трудно устранимый и не зависящий от экспериментатора факт, как отсутствие совершенно надёжных сведений о фонетических признаках звуков, входящих в состав звучаний древних словоформ. Отсюда допускаемые, возможно, погрешности (оговоренные С. Эртелем) в транскрипции предъявленных испытуемым для сопоставления звуковых комплексов типа *tima* и *tma*. Однако основной источник противоречий заключается, по-видимому, не в процедурных условиях, а в том, что и лингвистические наблюдения Дж. Орра, и экспери-

ментальные данные С. Эртеля не могут рассматриваться в стороне от других явлений и процессов, действующих в языке.

Прежде всего следует иметь в виду, что кроме фонетической мотивированности (соответствие звучания слова его значению) статус слова в системе языка, и надо полагать, в психике человека определяется и видоизменяется под влиянием двух других типов мотивированности – семантической и морфологической (см. выше, раздел 2.1). Историческое развитие и изменение статуса слова подвержено также влиянию многих других языковых и внеязыковых факторов. Нет сомнения, что слова, обладающие фонетической, морфологической и семантической мотивированностью, обладают вместе с тем повышенной экспрессивностью и эмоциональной насыщенностью [Будагов 1963: 98-105].

Таким образом, чтобы правильно определить роль и место фонетической мотивированности в развитии и функционировании слова, необходимо комплексное изучение различных факторов, определяющих семантическое и фонетическое изменение слова в процессе исторического развития языка.

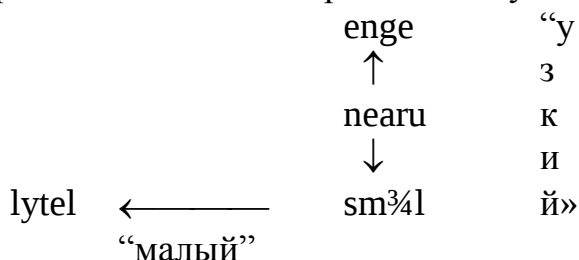
Рассмотрим соотношение фонетической и семантической мотивированности на примере развития слов, обозначающих понятие размера в немецком и английском языках. Группировки слов с этим значением, как видно из изложенного, не раз привлекали внимание лингвистов своими звуко-символическими свойствами.

Основными средствами выражения понятия малого размера в современном немецком языке является слово *klein*, в английском – слова *little* и *small*. Лексема, генетически соответствующая англ. *small*, в немецком языке означает “узкий” (*schmal*), а слово, соответствующее англ. *little* (двн. *luzzil*, свн. *lützel*), выпало из словарного состава литературного немецкого языка. Возникает вопрос: чем обусловлено неодинаковое развитие системы обозначения понятия “маленький” в обоих языках? Анализ письменных памятников показывает, что наиболее древними единицами, служившими для обозначения понятия “малый” в немецком и английском языках, были слова *lytel* и *luzzil*. Обе лексемы восходят к общему германскому корню и сохраняют в своей семантике явные признаки архаичности, сочетая функции обозначения небольшого размера и количества (см. [Левицкий 1997: 18, 46]). Уже на древних этапах развития немецкого и английского языков, засвидетельствованных письменными памятниками, эти лексические единицы начали уступать своё место другим лексемам – да. *sm³4l* и двн. *kleini* и *smal*, обладавшим, в отличие от *lytel* и *luzzil*, ярко выраженной семантической мотивированностью. У прилагательных *smal* и *sm³4l* значение “маленький” развилось на основе значения “мелкозернистый, мелкий”, у прил. *kleini* – на основе значения “блестящий, изящный, тонкий” (ср. да. *sm³4l beren mela* “мелкая ячменная мука”, двн. *melo chleinista* “мелкая мука”, двн. *cleinero garno* “из тонких нитей”).

Сравнение семантики двн. *smal* и да. *sm³4l* показывает, что оба прилагательных на ранних стадиях своего развития обладали тремя комплексами значений: а) “мелкозернистый”, б) “узкий, тесный”, в) “мелкий, небольшой”. Да. *sm³4l* по линии значения “узкий” вступало в синонимические связи с новым словом *nearu* и исчезающим *enge* (например, о тропинках,

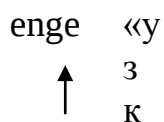
проходах: *andlangan des smalan pades; stige nearwe, enge anpadas*). По линии значения “мелкий, небольшой” *sm³/l* конкурировало со словом *lytel* (ср. *fl³/sc sm³/lra fugla* “мясо более мелких птиц”). Этимологическое значение *nearu* не совсем ясно. Можно лишь предполагать, что *nearu* обладало довольно большой силой экспрессии, позволившей ему вытеснить старое, общееиндоевропейское, потускневшее слово *enge*, которое утратило семантическую мотивированность, по-видимому, ещё до начала письменной традиции. Вполне вероятно, что *nearu* было образовано от корня со значением “тянуть, стягивать”, что находит своё отражение в значении нем. *Narbe* (свн. *narwa*) “шрам”. Во всяком случае, особую выразительность этому слову в да. языке должно было сообщать значение “давящий, стягивающий”, зафиксированное в нескольких контекстах.

Таким образом, пройдя путь семантического развития от своего первоначального значения “измельчённый” до той точки, где оно вступало в конкурентную борьбу с другими словами в силу своих синонимических связей с ними, да. *sm³/l* оказалось в таких условиях, когда путь в сторону концептуального поля “узкий” ему преграждали *nearu* и *enge*, а путь в сторону “малый” – *lytel*, а поэтому *sm³/l* должно было либо выпасть из языка вообще, либо сдвинуться в ту сторону, где сопротивление было меньшим. Как оказалось, наименьшим это сопротивление было со стороны *lytel*. Схематически происходившие процессы можно изобразить следующим образом:

Итогом происшедших синонимических сдвигов явилось :а) выпадение из системы английского языка слова *enge*; б) утрата словом *sm³/l* значения “узкий” и его сдвиг в концептуальную сферу “малый”; в) функционирование в концептуальной сфере “малый” двух синонимов – англ. *small* и *little*.

В двн. языке прилагательное *smal* по линии значения “узкий” конкурировало, как и да. *sm³/l*, со “слабой” единицей *enge* (*der engo uueg* “тесный путь”, *diniu smalen phad* “твои узкие дорожки”), по линии “малый” – с *luzzil* и *kleini* (ср. *fone luzzelmo steine* “от маленького камня”; *des edelin gesteinis grozzis undi cleinis* “драгоценных камней, больших и малых”). В отличие от древнеанглийского языка в древненемецком сильной единицей было слово *kleini*, обладавшее, как показано выше, ярко выраженной семантической мотивированностью; слабой лексемой, как и в английском, была *enge*. Таким образом, для двн. *smal* был закрыт путь в сторону концептуального поля “малый”; слово должно было либо выпасть из языка, либо сместиться в сторону поля “узкий”, развивая эту часть своей семантической структуры. Схематически происшедшие в немецком языке процессы можно изобразить следующим образом:

luzzil ← kleini → smal и
й»

“м а л ы й”

Итогом семантических преобразований в немецком языке было: а) смещение слова *smal* в концептуальную сферу “узкий”, утрата им значения “малый” и образование в сфере “узкий, тесный” двух лексических единиц, разделивших между собой функции выражения понятий “узкий в двух измерениях” и “трёх измерениях” (“тесный”) (*eng*) и “узкий в одном измерении” (*schmal*); б) смещение слова *kleini* в сторону “малый” и выпадение из системы немецкого языка свн. *lützel* под давлением свн. *kleine*.

Сравнение развития двух микросистем в немецком и английском языках не даёт ответа на вопрос: почему англ. *little* выдержало натиск *small*, а нем. *lützel* не выдержало давления со стороны *kleine*? Не обладало ли *kleine* какой-либо дополнительной силой, позволившей ему одержать победу над двумя лексическими единицами – *lützel* и *smal*? Не была ли этим дополнительным качеством фонетическая мотивированность? Чтобы проверить эту гипотезу, был проведён следующий эксперимент. Испытуемым различных национальностей (русским, украинцам, молдаванам, лицам, говорящим на тюркских, финно-угорских и др. языках – всего 150 человек), не знающим немецкого и английского языков, предлагалось по два звучания – *luzzil* и *smal*, *kleini* и *smal*, *luzzil* и *kleini* – и один смысл – “нечто маленькое, небольшое”. Требовалось по звучанию определить, какой из двух предъявленных звуковых комплексов выражал указанное понятие. С молдаванами, украинцами и русскими эксперимент проводился соответственно на молдавском, украинском и русском языках; с лицами других национальностей – на русском языке. Среди испытуемых было 80% женщин и около 20% мужчин. Эксперимент проводился в Москве, Ленинградской, Тернопольской и Черновицкой областях в 1965 году.

В результате было обнаружено следующее: в паре *luzzil* – *kleini* предпочтение отдано *luzzil* (40-60%); в паре *smal* – *luzzil* – предпочтение отдано также *luzzil* (14-86%), в паре *smal* – *kleini* выбор сделан в пользу *kleini* (26-74%). Эти данные позволяют выдвинуть следующую гипотезу: наибольшей фонетической мотивированностью обладало слово *luzzil*; *smal* таковой не обладало, а *kleini* фонетически мотивировано меньше, чем *luzzil*, но больше, чем *smal*. Такое предположение, основанное на результатах эксперимента, позволяет дать удовлетворительное объяснение различиям в семантическом развитии микросистем в английском и немецком языках: нем. *luzzil* было полностью вытеснено прилагательным *kleini*, обладавшим и семантической, и фонетической мотивированностью; англ. *lytel* подвергалось давлению другой единицы *sm³/l*, обладавшей только семантической мотивированностью.

Всё сказанное можно суммировать следующим образом. При взаимодействии старых и новых синонимов, обладающих различными видами мотивированности, могут сложиться следующие отношения: 1. Одно слово лишено какой бы то ни было мотивированности; другое обладает только одним видом мотивированности: а) семантической (такое соотношение сложилось, как показал Г. Шпербер, между старым и новым обозначением головы в немецком языке *houbit* и *kopf* [Sperber 1923: 38]; другие аналогичные примеры подробно

рассмотрены Р.А. Будаговым [Будагов 1963: 98-105]); или б) фонетической: такое соотношение сложилось, очевидно, между лат. *parvus* и новыми лексемами в романских языках – рум. *mic*, ит. *piccolo*, фр. *petit* [Орт 1944: 1-8]; в этом случае мотивированное слово оказывается более жизнеспособным, чем немотивированное. 2. Одно слово обладает только фонетической мотивированностью, другое – только семантической; такое соотношение сложилось, по-видимому, между да. *lytel* и *smȝal*. В этом случае итоги конкурентной борьбы могут зависеть от других дополнительных обстоятельств. 3. Одна из двух единиц обладает одним видом мотивированности, другая – двумя: а) одно слово обладает семантической, другое – семантической и фонетической мотивированностью (двн. *smal* и *kleini*); в этом случае семантически мотивированное слово не исчезает из системы языка, а переходит в иную концептуальную сферу; б) одно слово обладает фонетической, другое – фонетической и семантической мотивированностью (двн. *luzzil* и *kleini*); как показало развитие микросистемы в немецком языке, фонетически мотивированное слово не выдерживает натиска лексического конкурента, обладающего двумя видами мотивированности.

Разумеется, любые попытки вторгнуться в сложные лексико-семантические процессы, происходящие в языке, чреваты определённой долей схематизма. Изменения в семантике, составе и конфигурации лексических единиц, происходящие в процессе развития языка, являются результатом сложного, причудливого взаимодействия самых различных внешних и внутренних факторов, среди которых, как показал изложенный выше материал, определённую роль может играть и фонетическая мотивированность.

Наиболее общая закономерность развития словарного состава языка, установленная Г. Шпербером и развитая затем в работах других лингвистов, заключается в том, что старые, потускневшие, стёртые, лишённые экспрессивности “догматические” единицы, вступая в конкурентную борьбу с новыми, обладающими эмоционально-экспрессивным зарядом “еретическими” единицами, уступают им место, исчезая из языка вообще (ср. нем. *lützel* и *klein*), переходя на его периферию (ср. русск. *глаза* и *очи*; нем. *Kopf* и *Haupt*) или включаясь в состав других лексических микросистем (ср. нем. *schwach* “слабый”, ранее “плохой”, “незначительный”; нем. *schlecht* “плохой”, ранее “ровный, гладкий”). Новые, “еретические”, единицы в силу закона об обратном соотношении объёмов употребления и содержания знака по мере расширения сферы употребления превращаются, в свою очередь, в “догматические”, демотивированные знаки, уступая со временем своё место новым “еретикам”. В этих условиях трудно ожидать, что количество звукосимволических слов в языке будет постоянно уменьшаться, как это следует из эксперимента С. Эртеля. Вероятно, полученные им результаты обусловлены тем, что в качестве представителей “новых” синонимов, большинство из которых оказалось фонетически менее мотивированными, чем “старые”, взяты “догматические”, т. е. нормированные, стандартные, достигшие известного пика в своём развитии слова, а не экспрессивные “еретические” соперники – такие, например, как синонимы к слову *klein*: *fipsig*, *klitzeklein*, *fiselig* или синонимы к слову *Kopf*: *Schädel*, *Birne*, *Kürbis*, *Kuller* и т. п. Если всё же

тенденция к уменьшению в современных языках звуко-символических слов будет непреложно доказана статистическими или иными надёжными методами, то в свете сформулированной выше закономерности, ведущей к медленному, но постоянному обновлению лексического состава, необходимо будет принять гипотезу о том, что *на современном этапе развития языка и мышления экспрессивность лексики порождается преимущественно не фонетической, а семантической образностью, т. е., иначе говоря, для современного мышления образность, возникшая на основе понятийных ассоциаций, оказывается более яркой, чем образность, порождённая звуковыми ассоциациями.*

6. Звуковой символизм и некоторые проблемы индоевропеистики

Проблема роли и действия звукового символизма в развитии лексического состава языка, рассмотренная в предыдущем разделе, является частью более широкой проблемы – звуковой символизм и развитие языка, звуковой символизм и происхождение языка.

В советском языкознании эти проблемы затронуты прежде всего в работах А.М. Газова-Гинзберга и С.В. Воронина.

В этом разделе мы ограничимся лишь тем, что укажем на установленные нами функциональные значения согласных в ие. праязыке и на возможную роль звукового символизма в происхождении индоевропейских расширителей и так называемого подвижного S. Цель раздела – показать, что некоторые проблемы индоевропеистики могут быть рассмотрены, а, может быть, и решены с позиций фоносемантики. Впервые (и более подробно) содержание этого раздела изложено в книге [Левицкий 2008].

6.1. Ие. подвижное S с позиций лингвостатистики и фоносемантики

Подвижное S (*s mobile*) – это некоторый элемент в начале ие. корня, который может появиться или исчезать в дериватах этого корня в одном и том же или в различных ие. языках. Например, двн. *nāt* «шов», но англ. *snood* «повязка для волос»; да. *neagu* «узкий», но двн. *snuog* «канат» и т.п.

Все гипотезы о происхождении подвижного S можно свести к двум основным:

- 1) Подвижное S является одним из протоиндоевропейских префиксов с давно утраченных значениям;
- 2) Подвижное S является проявлением индоевропейского сандхи, т.е. синтаксической фонетики: если в индоевропейском предложении за словом с исходным -s непосредственно следовало слово с начальным s- + согласный, одно s исчезало (см. Макаев 1970: 246; 250; Мельничук 1986).

Наиболее полный обзор литературы по проблеме подвижного s содержится в книгах [Макаев 1970] и [Southern 1999].

Для того, чтобы определить частоту встречаемости s в начале ие. корня и выяснить, с какими семантическими классами слов связаны ие. корни с

начальным *s*, нами было предпринято статистическое исследование ие. лексики, содержащейся в словаре [Pokorny]. Анализу было подвергнуто около 1700 базовых корней, представленных в этом словаре, что составляет свыше 80 % его лексического состава (под «лексическим составом» понимается вся совокупность реконструированных базовых ие. корней, снабженных реконструированным значением).

Вся подвергнутая анализу лексика была сгруппирована в 39 семантических классов: 23 класса – «основной» лексический состав и 16 классов – «дополнительный» лексический состав. Внутри каждого семантического класса были выделены фонетические классы – либо по первому гласному или согласному, либо по начальному сочетанию согласных типа *bhr-*, *bhl-*, *kr-*, *st-*, *sl-* и т.п. Полученные таким образом данные о частоте встречаемости каждого семантического и фонетического класса были исследованы с помощью корреляционного анализа, критерия хи-квадрат и коэффициентов сопряженности.

В таблице 58 приведены результаты осуществленного нами анализа, целью которого было выяснить, каково соотношение корней с подвижным и неподвижным *s* в словаре [Pokorny], содержащих анлаутные группы согласных. Формальным признаком мобильности *s* в словаре [Pokorny] является наличие скобок. На основе табл. 58 составим четырехпольную таблицу 59, в которой представлено альтернативное распределение подвижного/ неподвижного *s* в позиции перед глухими *p*, *t*, *k*, с одной стороны, и сонантами, с другой (класс *sk̑* объединен с *sk*; *sp^{3/4}*, *spl*, *spr* объединены с *sp*, а *str* – с *st*).

Таблица 58

Частота подвижного и неподвижного S в группах согласных

Группы согласных	(s) + согл.		s + согл.		Всего
	абс.	проценты	абс.	проценты	
<i>s^{3/4}</i>	0	0	2	100 %	2
<i>sk</i>	32	65 %	17	35 %	49
<i>sk̑</i>	2	50 %	2	50 %	4
<i>sl</i>	12	71 %	5	29 %	17
<i>sm</i>	3	21 %	11	79 %	14
<i>sn</i>	6	38 %	10	62 %	16
<i>sp(h)</i>	15	47 %	17	53 %	32
<i>sp^{3/4}</i>	1	100 %	0	0 %	1
<i>spl</i>	2	100 %	0	0 %	2
<i>spr</i>	0	0 %	1	100 %	1
<i>sr</i>	1	9 %	10	91 %	11
<i>st</i>	12	35 %	22	65 %	34
<i>str</i>	2	40 %	3	60 %	5
<i>s̑</i>	1	3 %	31	97 %	32
Всего	89		131		220

Таблица 59

Распределение сонантов и глухих взрывных в корнях с подвижным S

Второй компонент	Глухие	Сонанты	Всего
------------------	--------	---------	-------

S \ сочетаний	взрывные р, т, к		
Подвижное S	66	23	89
Неподвижное S	62	69	131
Всего	128	92	220

$$\chi^2 = 15,68; \Phi = 0,27$$

Использование критерия хи-квадрат дает весьма убедительные результаты: $\chi^2 = 15,68$; коэффициент сопряженности Φ довольно высок и равен 0,27. Следовательно, *s* исчезает преимущественно перед глухими взрывными и сохраняется преимущественно перед сонантами. В этом правиле есть два исключения (см. рис. 4 и табл. 58): в группе *st* *s* преимущественно сохраняется (65 %), а в группе *sl* *s* преимущественно отделяется (71 %). Объяснение для *st* «лежит на поверхности»: особый статус этого сочетания, в котором последовательность щелевого *s* и смычного *t* создает яркую звуко-символическую выразительность для обозначения препятствия, упора, устойчивости, неоднократно обсуждался в компаративистике и психолингвистике (см. раздел 12.3, часть 1).

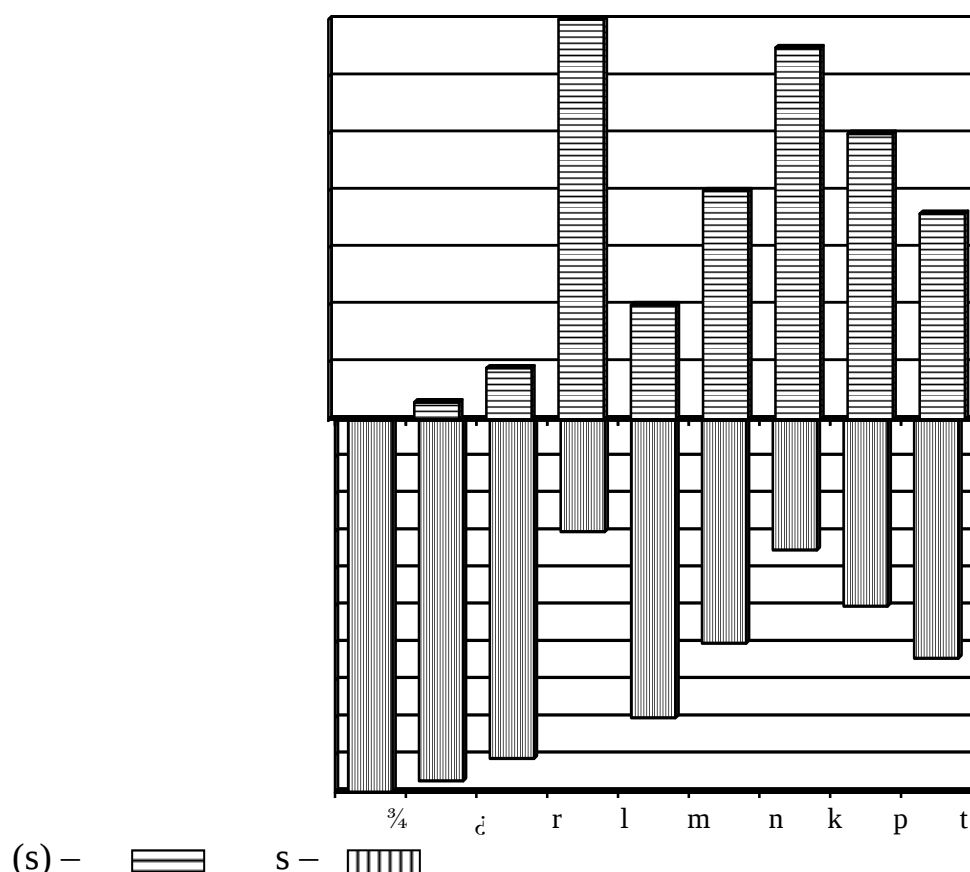

Рис. 4. Диаграмма распределения частот вторых компонентов в звукосочетаниях с начальным (s)/s

Что касается *sl*, то похоже, что и в данном случае аномальное поведение этого сочетания обусловлено действием звукового символизма, но мы имеем

дело, по-видимому, не с отделением, а (с более поздним) присоединением S к корням с начальным l. Если эта гипотеза верна, то в корнях с начальным (s)l- какое-то значение должно встречаться чаще, чем в корнях с начальным sl, и это «какое-то» значение должно интерпретироваться как фонетическое (символическое) значение sl.

Предлагаем читателю открыть вместе с нами словарь [Pokorny] – с. 958-965. Распишем в два столбика все корни с начальным sl вместе с их значениями

(s)lag- „fassen, ergreifen“	slak- „schlagen“
(s)lēb- „schlaff herabhängen“	
(s)lēg- „schlaff sein“	slēg- „drücken“
(s)le ^{3/4} b- „schlüpfrig, gleiten“	
(s)le ^{3/4} dh- „schlüpfrig, gleiten“	slenk- „winden, drehen“
(s)le ^{3/4} g- „schlagen“	
(s)le _ç - „schlaff herabhängend“	sle _ç b(h)- „gleiten, schleifen“
(s)leug- „schlucken“	
(s)le _ç ã- „gleiten, schlüpfen“	
(s)leup- „schlaff herabhängen“	slo _ç go- „das Helfen“
(s)lī- „bläulich“	
(s)l ¹ g- „Schallwurzel“	

Наиболее часто в левом столбике встречаются значения «быть расслабленным» и «скользить»; кроме того, есть один звукоизобразительный корень и корень со значением «глотать». Обратимся теперь к данным фоносемантики. А.Б. Михалев (Михалев 1995: 92-95) показал, что «спирант + l», т.е. в том числе и sl может иметь такие символические значения: «бить, хлопать, расщеплять»; «течь, вытекать»; ... «скользить, швырять, глотать» и др. В табл. 60 представлено распределение значений «скользить», «быть расслабленным», «глотать», «звук», с одной стороны, и прочие – с другой.

Таблица 60

Распределение значений в корнях с начальным sl

Звуки \ Значения	(s)l	sl	Всего
Расслабленный, скользить	9	1	10
Прочие	3	4	7
Всего	12	5	17

$$\chi^2 = 4,41; \Phi = 0,51$$

Полученные величины χ^2 и Φ не оставляют никаких сомнений в правильности выдвинутой нами гипотезы: подвижное s чаще встречается в корнях, значения которых соответствуют символическому значению сочетания sl.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы:

1) статус подвижного *S* зависит от фонетических и семантических факторов;

2) действие фонетических факторов обусловлено статистической закономерностью, в соответствии с которой звук *s*- в сочетании с глухими согласными *p, t, k* квалифицируется чаще всего как подвижный элемент, а в сочетании с сонантами – как неподвижный; наоборот, *s*- чаще квалифицируется как подвижный элемент в корнях с исходным сонантом и реже – в корнях, где в исходе находится звонкий или глухой взрывной или гласный;

3) колебания в наличии или отсутствии *s* в корнях с начальным согласным или группой согласных могут регулироваться семантикой корня, если последняя приходит в соответствие с наиболее важной частью его формы (звучания) – начальным звукосочетанием. Иначе говоря, статус подвижного *S* может быть обусловлен звукосемантическими свойствами звукосочетания, составной частью которого является *S*.

6.2. Проблема происхождения ие. расширителей с позиций фоносемантики

6.2.1. Первичные и вторичные расширители

Понятие «**расширители**» («определители») ие. корня было введено в научный оборот Г. Курциусом в 1867 году. С тех пор это понятие занимает важное место в исследованиях ие. лексики и фонетики (в современной отечественной и зарубежной компаративистике наряду с терминами «расширитель» и «определитель» используются также термины «детерминатив», «детерминант», «форматив» и др., хотя некоторые исследователи выступают против отождествления терминов «форматив» и «детерминатив» – см. Макаев 1969: 17). Указания на простейшие модели образования ие. корней с помощью расширителей можно найти в словаре [Pokorny]. Так, в [Pokorny] демонстрируется образование ие. корней по аналогичной модели: **ǵen*- соотносится с **ǵà*- так же, как *gʷem*- соотносится с **gʷà*-, *bhel*- с *bhà*-, *stel*- с *st(h)à*-, *del*- с **dà*- (см. Pokorny: 118; 1108).

Однако наиболее полно и детально особенности фономорфологической структуры ие. корня, рассмотрены в работах П. Перссона (Persson 1912) и Э. Бенвениста (Бенвенист 1955).

В соответствии с теорией, развиваемой П. Перссоном, ие. корень мог расширяться с помощью чередующихся друг с другом формативов $\frac{3}{4}$ и $\dot{\zeta}$: ие. **tà*-/tə- > *tà* $\frac{3}{4}$ -/tə $\frac{3}{4}$ -, *tà* $\dot{\zeta}$ -/tu- «таять, плавиться» (лат. *tàbēscēre* «таять, чахнуть, истлевать», рус. таять, днв. *douwen* «таять», но днв. *deisk* «нечистоты, навоз», рус. тля, гр. *tīlos* «понос») – см. Persson 1912: 709. Поскольку в некоторых случаях форматив $\frac{3}{4}$ или $\dot{\zeta}$ не использовался вообще, т.е. ие. корень оставался первично нерасширенным, возникало 2 или 3 варианта одного и того же корня. Так, ие. **bhelə*-/bhlē- «сиять, блестеть», расширяясь с помощью форматива $\frac{3}{4}$, порождает вариант **bhle* $\frac{3}{4}$ -; затем оба варианта – **bhlē*-/bhle- (без расширителя) и **bhle* $\frac{3}{4}$ - (с расширителем $\frac{3}{4}$) расширяются вторично с помощью *g*, образуя корни **bhleg*- и *bhle* $\frac{3}{4}$ *g*- (а. *black* < **bhleg*-; дисл. *bleikr*, н. *bleich* < *bhle* $\frac{3}{4}$ *g*-). Так

возникают корни, получившие название *Parallelwurzeln* «параллельные корни». Важно при этом отметить, что сами корни типа **bhel-* «сиять, блестеть» могут быть образованы от более простых корней типа **bhà-* «сиять, блестеть»: **bhà-* > *bhel-/bher-* «сиять, блестеть», **st(h)à-* > **st(h)el-/st(h)er-* «стоять, быть прочным», ие. **dhà-* > **dhà^{3/4}-*, *dhàu-* «видеть» и т.п. (см. *Persson 1912: 575*). Подобные образования можно рассматривать также как разновидность корней с чередующимися формативами – см. [*Семереньи: 109-110*]. Такое понимание структур типа *bhel-/bher-* обусловлено, с нашей точки зрения, не только их семантическим сходством или тождеством, но и тем, что формативы *r/l*, так же, как и *k/g* и т.п., находятся в отношении определенного фонетического сходства и фонологической корреляции. Не случайно рассмотрение корней с *r/l* выделено в книге П. Перссона в особый раздел, хотя существуют дериваты того же корня *bhà-* с формативом *n* (*bhen-*). В аналогичном соотношении находятся параллельные образования с *3/4/ǵ*, рассмотрению которых посвящена значительная часть книги П. Перссона. Возможно, функциональная близость *3/4* и *ǵ* объясняется тем, что в раннеиндоевропейском эти звуки (см. [*Гамкрелидзе/Иванов: 160-161*]), будучи различными фонемами, противопоставлялись по одному и тому же признаку (закрытости) низкому (открытому) гласному *V* (выступавшему в виде вариантов *e, a, o*). В свете таких допущений чередование *3/4/ǵ* в ие. корне может, в свою очередь, дать повод фонологам рассматривать эти звуки как варианты первоначально единой фонемы (такая гипотеза высказана, например, В.Г. Таранцом). Так или иначе, происхождение чередования *3/4/ǵ* представляет отдельную, самостоятельную, проблему, которая, возможно, найдет свое решение в свете ларингальной гипотезы или в свете гипотезы о происхождении ие. вокализма (см., например, [*Мельничук 1979*]).

6.2.2. Семантические функции первичных ие. расширителей

Вопрос о том, какие значения имели ие. расширители и имели ли они какие-либо значения вообще, остается до сих пор совершенно неясным.

Так, Ф. Шпехт полагал, например, что все расширители выступают как основы указательных местоимений и, следовательно, восходят к этим местоимениям. Однако состав расширителей лишь частично совпадает с основами указательных местоимений: *n, t, s, k*, и гипотеза Ф. Шпехта не может объяснить широкое распространение таких расширителей, как *r, l, 3/4, ǵ*.

А. Мейе, указывая, на то, что «определители, значение которых часто от нас ускользает, должны были иметь каждый свой смысл» (*Мейе 1938: 194*), в заключительной части раздела, посвященного рассмотрению определителей, подчеркивает, что «определители вносят неточность в состав этимологии, ибо равным образом невозможно и пренебречь ими, и составить полную их теорию» (там же, с. 196).

Данные о частоте встречаемости каждого из первичных расширителей в (выделенных нами) 23 семантических классах представлены, в табл. 61. При строгом соблюдении принятых в статистике процедур нахождения

сопряженности признаков ни одна из представленных в табл. 61 частот совместной встречаемости признака из категории [семантика] и признака из категории [фонетика] не достигает достаточной величины для того, чтобы полученные коэффициенты сопряженности обладали необходимой статистической значимостью. Тем не менее, мы можем все же найти те эмпирические частоты в табл. 61, которые превышают соответствующие теоретически ожидаемые величины и свидетельствуют, таким образом, о некоторой семантико-фонетической связи двух признаков. Результаты осуществленной процедуры представлены в таблице 62.

В таблице 62 хорошо видно, что наибольшее число связей сосредоточено в первых 7 семантических классах совместно с первыми 7 фонетическими классами. Следовательно, речь идет о семантико-фонетических связях между звуками $\frac{3}{4}$, $\dot{z}$, r , l , m , n , k и основными семантическими классами.

Звук [r], как видно из табл. 62 связан с идеями «разрушение», «движение», «звук» и «цвет». По крайней мере, 4 первых семантических единицы ([разрушение], [движение], [звук], [цвет]), а также единица № 18 ([хватать]) в наборе семантических функций звука r соответствуют набору символических значений, которые установлены в фоносемантике с помощью психолингвистических методов (проводить такое сопоставление нам дают основание выводы, полученные в разделе 4 и 9, часть 1). Так, в соответствии с данными А.П. Журавлева (см. *Журавлев 1974*), полученными на материале русского языка, /r/ характеризуется такими символическими значениями, как «грубый», «темный», «шероховатый», «быстрый», «холодный», «страшный», «угловатый», «громкий», «могучий», «подвижный», «активный». В этом наборе семантических единиц полученным нами данным (см. табл. 62) противоречит только значение «холодный» (в табл. 62 /r/ связано с классом [гореть, теплый]). Звук l (палатальное l' у А.П. Журавлева) имеет такие символические значения: «светлый», «горячий», «слабый», «гладкий», «яркий», «округлый», «медленный». В нашем статистическом эксперименте /l/ связано с семантическими классами [гнуть] (ср. «округлый»), [блестеть] (ср. «яркий», «светлый»), [цвет], [влажный], [пухнуть, набухать] (ср. «округлый»), [мазать] (ср. «гладкий»). Противоречие опять-таки наблюдается в понятийной сфере «горячий-холодный» (у А.П. Журавлева l' – «горячее», по нашим данным – /l/ и «горячее» (класс № 22), и «холодное» (класс № 23). Следует, однако, напомнить, что «горячее/холодное» может восходить (по данным этимологии) к единому семантическому источнику со значением «обжигать» (обжигать холодом и огнем).

В семантическом наборе звука $\frac{3}{4}$ обращают на себя внимание связи с понятиями «давить», «мазать» и «желать». По данным психолингвистических экспериментов /j/ связано обычно с идеей «тесный, узкий, сдавливать, близкий». Это, несомненно, соответствует и семантическому классу [давить], и семантическому классу [желать]. Для того, чтобы сделать процедуру подобных сопоставлений максимально объективной, составим сводную таблицу символических значений исследуемых нами звуков по тем источникам,

которые находятся в нашем распоряжении. В большинстве психолингвистических экспериментов, результаты которых представлены в сводной таблице 63, символические значения звуков измерялись шкалой оценок от 1 до 5. Если оценка того или иного звука по определенной шкале приближается к нейтральному значению «3», мы интерпретируем в таком случае символический потенциал звука словом «скорее», которое призвано более точно определить принадлежность этого звука к данной семантической сфере. Сопоставительные данные о символических значениях звуков /j/, /v/, /r/, /l/, /m/, /n/ в пяти психолингвистических экспериментах представлены в таблице 63. В 7 столбце этой таблицы указаны значения, совпадающие, по крайней мере, в 3 из 5 экспериментов. В 8 столбце перечислены признаки, обобщенные в книге [Михалев 1995: 1995: 93-97]. А.Б. Михалев обобщает свои собственные наблюдения и данные других авторов (прежде всего – М. Граммона).

Данные для русского языка извлечены из книги А.П. Журавлева (см. Журавлев 1974: 46-49); данные для других языков получены в работах: Левицкий 1973; Левицкий 1979; Левицкий/Кушнерик 1986; Комарницька 1984.

Теперь поступим следующим образом. Объединим частоты тех семантико-фонетических признаков (см. табл. 61), которые, по крайней мере, не противоречат символическим значениям соответствующих звуков (наборы объединяемых семантических классов указаны в 9 столбце табл. 63) и осуществим статистический анализ с помощью критерия χ^2 , сведя предварительно необходимые для расчетов данные в четырехпольные таблицы (см. табл. 64-69). Для анализа, как видно из табл. 63, выбраны сонанты *l*, *r*, *m*, *n*, $\frac{3}{4}$, $\dot{c}$. Все полученные величины χ^2 , а, следовательно, и величины коэффициентов сопряженности К имеют статистическую значимость.

Полученные результаты позволяют предполагать, что ие. расширитель /r/ обладал такими значениями, как «дробить», «разъединять», «быстрое, резкое движение», «звучание», «хватательное движение»; расширитель /l/ был связан, по-видимому, с идеей «округлый», «пухлый», «гнуть», «блеск, сияние», «влажный, сырой, течь», «слабый, расслабленный» и «теплый». Расширитель $\frac{3}{4}$ символизировал, по-видимому, сдавливание, сближение, сияние. Семантика / $\dot{c}$ / включала такие компоненты, как [движение], [звучание], [сияние], [округлое, выпуклое], [причинять вред], [теплое]. Заметим, что, кроме обобщений, указанных в 7 и 8 столбцах табл. 63, на фонетическое значение «неустойчивое движение, колебание» звука *w* (или *sw*) указывает Л.Ф. Лихоманова. С.В. Воронин обращает внимание на особый статус «RL-формантов» в целом ряде языков, где аффиксы, включающие *r* или *l*, имеют итеративное значение (Воронин 1982: 110-118).

Расширитель /n/ был связан с такими значениями, как «соединять», «давить», «пухлый», «тянуть», а также, возможно, «движение». Семантика /m/ трудно определима. По результатам статистического эксперимента она включает семы [разъединять], [запах, дым, дыхание], [влажный], [цвет], [вкус], [давить], [покой].

Сами по себе наборы символических значений представленные в табл. 63, не могут служить основаниям для реконструкции символических значений звуков ие.

праязыка, но они, безусловно, являются ориентиром в поисках ответа на вопрос, какими символическими значениями мог обладать тот или иной звук в индоевропейском языке. Не преувеличивая роль данных современной психолингвистики о символике того или иного звука, не следует в то же время и слишком скептически оценивать такие данные при их сопоставлении с семантическими наборами соответствующих звуков, полученных статистическим путем. Следует учитывать, что фонетическое значение (символика звука) в отличие от лексического значения является в любом случае более диффузным по сравнению с последним; следует учитывать, далее, что фонетическое значение в значительной степени затемнено функциональным значением звука. Используемые нами наборы символических значений звуков служили лишь ориентиром при реконструкции возможного символического потенциала ие. сонантов а, главное, они выступали в роли своеобразного ограничителя и селектора при отборе тех семантико-фонетических связей исследуемых звуков, которые мы объединяли при статистической обработке данных, представленных в табл. 64-69.

Таблица 61

**Распределение частот первичных расширителей
в семантических классах 1-23**

Звуки Классы	b	bh	d	dh	g	ġ	g ^c	gh	ġh	g ^h	i	ċ	r	l	m	n	k	î	k ^c	p	t	s
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
1	0	3	4	4	4	4	0	3	2	1	32	33	72	32	13	18	18	5	1	8	9	7
2	1	2	1	3	1	3	0	1	0	0	16	13	24	12	3	16	10	5	0	3	4	8
3	0	0	0	1	2	0	0	1	1	0	11	13	10	13	5	12	11	0	0	1	2	0
4	0	3	2	1	2	1	2	1	1	1	29	46	42	11	0	19	6	3	3	7	10	2
5	2	0	2	0	3	1	0	1	0	1	10	35	27	21	2	12	5	0	2	4	5	3
6	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	20	14	7	18	0	8	2	1	0	4	1	1
7	0	0	1	1	1	0	1	0	0	0	8	6	11	10	3	3	1	1	0	0	1	1
8	0	0	2	0	1	0	0	0	0	0	3	7	4	1	4	2	1	0	0	1	1	2
9	1	1	3	0	3	1	1	2	0	0	10	11	13	12	3	7	3	3	2	3	1	4
10	2	3	2	0	3	0	1	0	0	0	8	7	11	11	3	4	2	1	0	3	1	3
11	1	1	1	0	2	0	3	1	0	0	15	12	15	5	3	15	2	0	0	4	3	1
12	0	0	2	0	1	0	0	0	0	0	3	11	6	9	1	9	1	0	0	0	2	0
13	0	2	1	1	2	0	0	1	1	0	11	17	16	11	2	7	4	2	1	2	2	3
14	0	1	1	3	2	0	0	0	1	0	2	6	11	3	1	2	2	1	0	2	1	1
15	1	0	1	0	3	2	0	0	1	0	10	17	9	12	2	2	7	2	1	5	2	1
16	0	0	1	0	0	0	1	0	1	1	2	2	4	5	1	7	3	0	0	2	0	0
17	0	1	1	0	2	1	0	0	0	0	7	5	4	10	2	1	0	0	0	0	1	0
18	0	3	1	0	2	0	0	1	0	1	4	2	10	4	4	3	1	0	1	3	0	4
19	2	0	1	0	2	1	0	0	0	0	5	13	9	4	0	2	2	3	2	3	1	3
20	1	1	1	0	0	0	0	1	1	0	9	2	6	5	3	1	3	0	0	1	10	2
21	0	0	0	1	1	0	0	1	0	0	8	4	3	3	0	1	0	1	0	0	0	1
22	0	0	0	0	2	0	0	0	0	1	2	9	9	8	1	3	2	0	0	2	3	2
23	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	2	2	4	0	0	0	0	0	0	0	0
Всего	11	21	29	16	40	14	9	14	9	6	226	287	325	224	56	154	86	28	13	58	60	49

Семантико-фонетические связи первичных расширителей

Классы Звуки	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	Всего связей
$\frac{3}{4}$						á	+				á						á			á	á			6
č				á	á	+		á				á	+		+				á			+		9
г	á			á	á		+							á				á				+		7
l			+		á	á	á		+	á		á			+	+	á					á	á	12
m	á		+				+	á	x	+	x							+		+				9
n		+	á	+		+					á	á				á								7
k		á	á													á								3
p				+															á					2
t				á																á		á		3
s		á											+					á						3
d									á															1
bh										á								á						2
gh	+																							1
î	+	á																						2
ã		á																						1
g															á									1

Значения звуков в психолингвистических экспериментах

Звуки	Русский язык	Украинский язык	Молдавский язык	Немецкий язык	Английский язык	Общие семантические признаки	Данные А.Б. Михалева	Объединяемые гиперсемы
1	2	3	4	5	6	7	8	9
г	грубый темный шероховатый быстрый угловатый громкий могучий подвижный активный холодный	большой сильный холодный темный быстрый твердый	большой сильный быстрый острый скорее темный, твердый горячий	сильный быстрый большой твердый скорее темный, холодный	большой сильный быстрый	большой сильный быстрый острый твердый темный [громкий]	резкое движение, дрожание битье ломание шероховатость грубость горечь	1. – разрушать 4. – движение 5. – звук 7. – цвет 18. – хватать
l	светлый горячий слабый гладкий яркий округлый медлительный	маленький слабый светлый горячий мягкий скорее медленный	слабый медленный мягкий тупой; другие признаки – нейтральные	слабый мягкий светлый скорее теплый	маленький слабый медленный	светлый слабый медленный округлый мягкий теплый [гладкий]	жидкость полирование вялость скольжение лизание лаканье, липкий плавное движение	3. – гнуть 6. – сиять 7. – цвет 9. – влага, течь 12. – пухлый, набухать 17. – мазать 15. – отпускать, слабый 22. – гореть, теплый
j	хороший маленький светлый активный	слабый горячий светлый мягкий	данных нет	мягкий светлый теплый скорее	слабый быстрый скорее большой	светлый горячий быстрый слабый	данных нет	6 – сиять 11 – давить 17 – мазать 21 – желать

	горячий быстрый красивый яркий скорее угловатый	скорее маленький		слабый скорее медленный				
v/w	активный сильный горячий быстрый яркий округлый громкий подвижный грубый	большой сильный холодный темный быстрый твердый	большой сильный быстрый острый теплый светлый приятный твердый	скорее большой, скорее теплый; другие признаки – нейтральные	большой сильный медленный	большой сильный быстрый теплый светлый	дуновение вялость, мягкость движение течение, протекание, речевая деятельность	4 – движение 5 – звук 6 – блеснуть 12 – пухлый 13 – причинять вред 22 – гореть, теплый
m	хороший большой скорее грубый скорее темный пассивный скорее слабый холодный	большой слабый холодный темный твердый	скорее большой медленный скорее теплый, темный приятный	пассивный мягкий скорее темный горячий	большой медленный	большой твердый темный	мягкость вялость нежность плавность приятный удар речевая деятельность	1. – разрушать 7. – цвет 8. – запах, дым 9. влажный, течь 10. вкус 11. давить 20. покой
n	данных нет	большой сильный холодный темный быстрый твердый	большой медленный скорее тупой холодный скорее темный	слабый медленный мягкий темный теплый	большой слабый медленный	большой медленный	то, что внутри жидкость вялость стонущий отрицание внутреннее звучание	2 – связывать 4 – движение 11 – давить 12 – набухать 16 – тянуть

Таблица 64

Распределение [г] в семантических классах

Звуки Классы	г	Другие звуки	Всего
1, 4, 5, 7, 18	162	532	694
Другие классы	163	878	1041
Всего	325	1410	1735

$\chi^2 = 16,2$

$K = 0,097$

Таблица 65

Распределение [л] в семантических классах

Звуки Классы	л	Другие звуки	Всего
3, 6, 7, 9, 12, 17, 15, 22	92	461	553
Другие классы	132	1050	1182
Всего	224	1511	1735

$\chi^2 = 10,02$

$K = 0,08$

Таблица 66

Распределение [ʒ] в семантических классах

Звуки Классы	ʒ	Другие звуки	Всего
6, 11, 17, 21	50	136	186
Другие классы	176	1373	1549
Всего	226	1509	1735

$\chi^2 = 35,31$

$K = 0,14$

Таблица 67

Распределение [ɛ] в семантических классах

Звуки Классы	ɛ	Другие звуки	Всего
4, 5, 6, 12, 13, 22	132	450	582
Другие классы	155	998	1153
Всего	287	1448	1735

$\chi^2 = 24$

$K = 0,12$

Таблица 68

Распределение [п] в семантических классах

Звуки Классы	п	Другие звуки	Всего
2, 4, 11, 12, 16	66	361	427
Другие классы	88	1220	1308
Всего	154	158	1735

$\chi^2 = 30,32$

$K = 0,132$

Распределение [m] в семантических классах

Звуки Классы	m	Другие звуки	Всего
1, 7, 8, 9, 10, 11, 20	32	599	631
Другие классы	24	1080	1104
Всего	56	1679	1735

 $\chi^2 = 10,79$
 $K = 0,08$

Таким образом, можно предположить, что на том этапе развития ие. праязыка, который представлен в словаре [Pokorný], произошла заметная «денатурализация» (по выражению С.В. Воронина – см. Воронин 1982: 187) первично мотивированных языковых знаков, выступавших в роли ие. расширителей: первоначальное фонетическое (символическое) значение звуков r, l, m, n, $\frac{3}{4}$, ě уже в значительной степени заменено функциональным значением этих звуков.

В целом развитие ие. формальных и содержательных единиц, т.е. единиц плана выражения и плана содержания характеризуется движением от «диффузного» к «дифференцированному», т.е. соответствует теории, развиваемой Х. Вернером и Б. Капланом (см. Werner/Kaplan 1963). *Диффузность в плане содержания на ранних стадиях развития языка находит свое яркое проявление в синкретизме понятий «резать/связывать», что полностью подтверждено результатами осуществленного нами статистического анализа лексики, представленной в этимологическом словаре Ю. Покорного. Движение от диффузности к дифференцированности в плане выражения проявляется в постепенной замене диффузного фонетического (символического) значения звуков расчлененным функциональным значением.*

Какими бы спорными ни представлялись выдвинутые нами гипотезы о первичных символических значениях ие. расширителей, их нельзя игнорировать полностью. Существование звуко-символизма сегодня уже не вызывает сомнения.

7. Фоносемантический анализ текста

Текст привлекает к себе внимание исследователей, в том числе и лингвистов, прежде всего своей содержательной стороной. Так, например, изучение частоты встречаемости в тексте таких слов, как *всегда, постоянно, никогда, все, никто, исключительно, только* и т.п. позволяют сделать вывод о степени догматичности автора текста (см. Ertel 1972: 257-258). Квантитативный анализ писем, оставленных самоубийцами и лже-самоубийцами, показал, что в письмах «истинных» самоубийц существенно реже встречаются прилагательные и наречия (по сравнению с глаголами); чаще встречаются глаголы в форме императива; число слов в предложении больше, чем в письмах «ложных» самоубийц, и т.д. (см. Osgood 1959; Merten 1983: 235).

Однако и формальная сторона текста (его фонетический уровень) издавна была объектом лингвистического анализа. Здесь лингвистов, как известно,

интересовали такие явления, как аллитерация, ассонанс, ритмические повторы, рифма и т.п. Лишь постепенно исследователей стала интересовать «значимость» звуков, встречающихся в тексте, – прежде всего в поэтическом тексте. Наиболее часто цитируемой из работ такого рода является статья венгерского исследователя И. Фонадя, опубликованная в 1961 году в журнале «Word» (см. Fonagy 1961). Разделив стихотворные произведения Шандора Петефи на 6 «ласковых» и 6 «агрессивных», И. Фонадь установил, что большинство звуков встречается в обеих группах текстов с приблизительно одинаковой относительной частотой. Однако частота некоторых звуков существенно отличалась в каждой из двух групп: /l/, /m/, /n/ чаще встречаются в «нежных» произведениях, а /t/, /k/ и /r/ – в «агрессивных» (см. Fonagy 1961: 194-195). В целом такое распределение повторилось, по подсчетам И. Фонадя, в текстах Верлена, Гюго и немецкого поэта Рюккерта²⁴.

Можно полагать, что разновидностью методики И. Фонадя является методика Л.О. Лебле (см. Лебле 1976). В отличие от И. Фонадя, Л.О. Лебле не *группировал* поэтические тексты по коннотативным признакам, а *разделил* поэтому Э. По «колокола» на отрезки, равные строфе, и, как И. Фонадь, приписал каждому выделенному сегменту текста (строфе) определенное «эмоционально-смысловое содержание»: «легкая, быстрая, веселая, светлая» (1 строфа); «торжественная лирическая» (2 строфа); «тревожная, темная» (3 строфа); «скорбная, темная» (4 строфа). «Светлое» автор квалифицирует как «мажорное», а «темное» – как «минорное» (с. 88). Последующий статистический анализ всего буквенного состава поэмы показал, что «светлый, мажорный» характеризуется повышенной частотой употребления i, l, m; «минорный, темный» – повышенным употреблением o, p, f; буквы a, r, k с(к) ассоциируются с признаком «сильный, энергичный» (с. 88). Эти результаты в целом хорошо согласуются с данными табл. 6-9 (см. часть 1); некоторые расхождения касаются только букв i, o (см. шкалу «приятный-неприятный»). Однако, как показывают эксперименты, где использовалась шкала света, /i/, действительно, оценивается как «светлое», а /o/ – как «темное» – см. Приложение, табл. 5.

Менее известной в отечественной лингвистике была и, к сожалению, остается книга немецкого психолога С. Эртеля «Psychophonetik» (1969); содержание одной из статей С. Эртеля изложено выше.

С. Эртель провел серию экспериментов, целью которых было изучение звукосимволических свойств текстов. Два из этих экспериментов представляются нам наиболее интересными не только по полученным в них результатам, но и с точки зрения методики «фоносемантического» анализа текста (понятно, что С. Эртель не ведал, что занимался «фоносемантическим анализом»).

В одном из экспериментов было изучено распределение «слабых» и «сильных» согласных в опубликованных письмах известных личностей XIX столетия. Первый этап эксперимента состоял в том, что по просьбе экспериментатора одна из его сотрудниц (но, подчеркнем, не сам

²⁴ Наиболее важную литературу, посвященную фонетическому анализу текста (на начальном этапе развития такого направления) можно найти в книгах [Tsur 1992] и [Павловская 2001].

экспериментатор!), основываясь на биографических данных исследуемых личностей, составила 2 списка таких личностей: 15 «динамичных» и 14 «нединамичных» личностей. В первый список вошли, в частности, К. Маркс, Р. Вагнер, А. Гумбольдт, Л. ван Бетховен, Ф. Ницше, О. Бисмарк, Г. Гейне и др. На втором этапе специально обученные и натренированные сотрудники подсчитали частоту встречаемости звуков в первых 5 строках на каждой десятой странице книги, содержащей исследуемые письма. Наконец, на заключительном этапе эксперимента С. Эртель сравнил распределение частот 10 согласных, символические свойства которых были предварительно изучены экспериментатором в психолингвистических экспериментах. К этим согласным относились 5 «сильных» (p, t, k, f, s) и 5 «слабых» (b, d, g, v, z). Предполагалось, что в письмах «динамичных» личностей будут чаще встречаться «сильные» согласные, а в письмах «нединамичных» личностей – «слабые» согласные. Эта гипотеза подтвердилась относительно большинства из 15 «динамичных» личностей. Обратный результат зафиксирован в письмах А. Гумбольдта, Л. ван Бетховена; близки к нейтральному распределению частот письма Г. Гейне и О. Бисмарка.

Во втором из привлечших наше внимание экспериментов исследовались письма 7 творческих личностей (в том числе, Гете, Гумбольдта, Штифтера и др.). В письмах изучалось распределение перечисленных выше 10 «сильных» и «слабых» согласных и 10 кратких и долгих гласных (i, e, a, o, u). На этот раз категоризации были подвергнуты не «личности», а тексты, которые были разделены по хронологическому принципу (каждые 10 лет жизни исследуемых авторов). Статистический анализ показал, что в целом частоты распределения исследуемых звуков в текстах первой и второй половины жизни творческих личностей коррелируют друг с другом, т.е. существенно не отклоняются от некоторой средней величины. Самым интересным было сравнение показателей «творческой продуктивности» личности и частоты употребления в текстах «сильных» и «слабых» звуков. Повышенное употребление сильных звуков совпадало с повышенной творческой активностью.

Что ж общего (с методической точки зрения) в экспериментах И. Фонадя и С. Эртеля? Общим, безусловно, является то, что во всех изложенных экспериментах (в том числе, и по «содержательному» анализу текста) все тексты подразделяются и противопоставляются по двум категориям: «динамичные-нединамичные», «агрессивные-нежные», принадлежащие истинным и ложным самоубийцам, догматическим и недогматическим личностям и т.п. Такой методический прием широко используется в таких науках, как биология и психология, где наряду с основной исследуемой группой объектов обязательно выделяется «контрольная» группа. Различия между методиками И. Фонадя и С. Эртеля состоят в том, что И. Фонадь в обеих противопоставленных группах текстов искал все звуки, употребление которых (по своей частоте) характеризует ту или иную группу, а С. Эртель заранее определял состав звуков, частоты которых подвергались изучению в каждой из двух групп. Назовем условно изложенную методику фоносемантического анализа текста **методикой Фонадя/Эртеля**.

Совершенно иным путем пошел А.П. Журавлев, который исходил из того, что «количественное выражение результатов измерения фонетического значения позволяет построить формальную процедуру анализа этого значения в поэтических текстах, в основе которой лежит сопоставление средних оценок символики звуков с отклонениями частотностей звуков в тексте от нормы» (Журавлев 1974: 99). Говоря проще, А.П. Журавлев построил методику изучения «звуковой формы» стихотворного текста на тех же принципах, что и изучение фонетического значения слова, изложенное нами в разделе 4, часть 2. Как и при измерении фонетического значения слова, под «формой» художественного текста понимается употребление «звукобукв».

Методика анализа фонетического значения текста, предложенная А.П. Журавлевым, имеет те же принципиальные недостатки, что и методика изучения фонетического значения слова: а) отбор текстов; б) интерпретация полученных результатов. По поводу первого – отбора текстов – А.П. Журавлев пишет: «анализу могут быть подвергнуты только такие произведения, в которых четко выражены или явно доминируют одна какая-либо тема, одно настроение, чувство» (там же, с. 108).

По поводу второго – интерпретации полученных результатов – А.П. Журавлев выдвигает такое условие: «необходимо, чтобы коннотативное содержание отобранных стихотворений допускало возможно более определенное интуитивное описание путем перечисления признаков лексикона» (там же, с. 108; под лексиконом имеется в виду перечень признаков, выданных ЭВМ после анализа текста).

Хотя в цитируемой монографии А.П. Журавлев довольно трезво оценивает «возможности и ограничения» своей методики (с. 112-116), в книге «Звук и смысл», как и следовало ожидать, тональность таких оценок меняется. Как и фонетическое значение слова, фонетическое значение стихотворного текста во всех приведенных А.П. Журавлевым примерах в той или иной степени гармонирует с его содержанием.

Очевидно, чтобы объективно оценить соответствие вычисленного фонетического значения содержанию текста, необходимо сопоставить не интуитивные оценки содержания текста с найденным перечнем фонетических признаков, а объективные оценки содержания текста с соответствующими фонетическими признаками.

Такая процедура осуществлена в уже цитированной нами в разделе 8, часть 1 книге Л.П. Прокофьевой.

Подвергнув автоматизированному анализу огромное число художественных текстов (русских и английских писателей XIX-XX вв.) на основе частоты встречаемости «графонов» (учитывались также различия между ударными и безударными гласными), Л.П. Прокофьева на заключительном этапе сравнила результаты автоматического анализа текста (исследовалось его «цветовое» значение) с результатами «аудиторского» анализа (информантами, т.е. аудиторами, выступали школьники старших классов гимназии). Так, например, анализ стихотворения А. Блока «Та жизнь прошла...» выглядит следующим образом (см. табл. 70).

Результаты аудиторского эксперимента со стихотворением А. Блока

Единица текста	Аудиторская оценка	Автоматизированная оценка
1 строка	черно-белый	красный
2 строка	синий и красный	зеленый
3 строка	синий	бело-синий
4 строка	черный и синий	бело-желтый
5 строка	белый	красный
6 строка	бело-синий	бело-жёлтый
1 строфа	синий	бело-желтый

«Полученные результаты, – пишет Л.П. Прокофьева, – подтверждают мысль, что лексическая семантика, безусловно, оказывает решающее воздействие на восприятие реципиентов: 4 строка с цветовой номинацией *ночь* оценена как *черная* и *синяя*, 7 строка (*снег*) – как *белая*, 12 строка (*пожар*) – как *красная*». И далее: «Информанты ... вполне адекватно воспринимают фоносемантическую информацию в тех случаях, когда она не «перекрывается» лексической ...» (Прокофьева 2007: 193-194). Сходные выводы были получены И.Ю. Павловской несколькими годами ранее: «При восприятии текстов аудиторы прежде всего опираются в своих оценках на смысловое содержание. Поэтому, чтобы обратить на себя внимание, звуковая инструментовка должна действовать «в унисон» с коннотативным значением текста» (Павловская 2001: 137). Этот вывод И.Ю. Павловской созвучен с теми выводами, к которым мы пришли, оценивая проявление звукового символизма в слове:

«Экспериментальные данные показывают, что говорящий далек от того, чтобы искать определенные соответствия в каждом слове родного языка; звукосимволическое чутье «как бы дремлет» (по выражению А. Зиберера) в сознании человека и проявляется лишь тогда, когда слово, развиваясь в полном соответствии с фонетическими и морфологическими законами данного языка, случайно приобретает форму, соответствующую с точки зрения говорящего смыслу этого слова (при экспериментальном изучении звукосимволизма), и моделируется как раз «случайное» сближение ограниченного числа имен и ограниченного числа смыслов» – см. Левицкий 1973: 90 (в данной книге – см. раздел 15, часть 1).

Таким образом, исследования последних десятилетий показали, что соответствие фонетической формы текста и его содержания выглядит далеко не так, как это представлялось А.П. Журавлеву.

Результаты, полученные И.Ю. Павловской и Л.П. Прокофьевой, являются убедительным подтверждением того, что носитель языка воспринимает коннотативное значение текста через его смысловое содержание, а не благодаря его фонетическому значению.

Попытаемся теперь проанализировать методику А.П. Журавлева с иной точки зрения – насколько она пригодна для изучения собственно фонетического значения текста. Это удобнее всего сделать на материале, содержащемся в монографии Л.П. Прокофьевой (разработанная ею программа

для автоматизированного фоносемантического анализа текста основана на тех же принципах, которые заложены в работах А.П. Журавлева, – см. Прокофьева 2007: 167).

Л.П. Прокофьева, как показано выше, изучала цветовую окрашенность формы текста – графонов, входящих в его состав и образующих текст. При этом исследовались не только поэтические и прозаические (художественные) тексты, но и «нехудожественные» тексты на русском и английском языках (научные статьи, учебники, публицистические статьи и т.п.) – см. Прокофьева 2007: 172.

Понятно, что частота употребления тех или иных звуков (звукобукв) в тексте зависит от того, какие в нем употребляются слова. Допустим, например, что в учебнике по сердечно-сосудистой хирургии очень часто употребляются слова *сердце, сердечный, кровь, кровяной, кровеносный, аорта, коронарный, кардиология, хирургия, шунтирование, сосуд, артерия*; благодаря этому в тексте будет наблюдаться повышенная частота употребления звуков /р/, /к/ и /с/ – тех самых звуков, которые, по данным Л.П. Прокофьевой, ассоциируются в русском языке с красным цветом. В результате – в соответствии с программой вычисления фонетического значения – текст учебника по хирургии «окрасится» в красный цвет.

Значит ли это, что авторы учебника (сознательно или подсознательно) подбирали такие звучания, чтобы привести в гармонию содержание и форму учебника? Или они преследовали иные цели? Ответ очевиден. Поскольку все буквы русского или английского алфавита, как установила Л.П. Прокофьева, в большей или меньшей степени ассоциируются с тем или иным цветом, а сам алфавит является своего рода небольшим заумным текстом с постоянным составом графонов, и русский, и английский алфавит сами по себе должны иметь определенную окраску.

Попытаемся определить «цвета» русского и английского алфавитов, воспользовавшись данными Л.П. Прокофьевой. Простейшая программа нахождения суммарной величины фонетического значения некоторой совокупности букв, как и букв в слове, должна строиться на том, что частота буквы умножается на его оценку по данной шкале. Частоты букв русского и английского алфавитов приведены в монографии Л.П. Прокофьевой (с. 272). Как найти цветовые значения букв? Воспользуемся для этого нахождением веса каждой буквы в обозначении цвета, разделив частоту этой буквы в ответах испытуемых (в экспериментах Л.П. Прокофьевой – см. с. 264), по данному цвету на суммарную частоту той же буквы в ответах испытуемых по всем цветам. Например, 514 испытуемых приписали букве А значение «красный»; всего в оценке буквы А принимало участие 859 испытуемых; следовательно, вес буквы А в обозначении красного цвета равен $\frac{514}{859} = 0.598 \approx 0.6$. Вес той же

буквы в обозначении белого цвета равен $\frac{127}{859} = 0.148$. Будем учитывать для каждой буквы только такие веса, которые превышают 15 %, т.е. равны или больше 0,16 (исключения сделаны только для англ. orange и brown, где учтен графон Н с весом 0,13).

Теперь несложно найти долю красного цвета в русском алфавите – см. табл. 71.

Таблица 71

Доля красного цвета в русском алфавите

буквы	частота	вес	цветовое значение
а	0,95	0,6	0,570
я	0,24	0,52	0,125
к	0,33	0,44	0,145
р	0,38	0,37	0,141
м	0,05	0,36	0,018
ю	0,06	0,31	0,019
л	0,37	0,18	0,067
ф	0,03	0,16	0,005
всего			1,09

Сводные данные о цветовой окраске русского и английского алфавитов представлены в таблицах 72 и 73.

Как видно из этих таблиц, в ранжированном порядке цвета русского алфавита располагаются так: красный, зеленый, синий, черный, белый, желтый; цвета английского алфавита располагаются следующим образом: зеленый, желтый, красный, белый, коричневый, оранжевый; далее следуют синий, фиолетовый и черный. Эти данные можно теперь сравнить с данными самой Л.П. Прокофьевой, которая с помощью более сложной программы (нам осталось неясным только, каким образом в этих программах графонам приписывались цветовые значения) проанализировала «нехудожественные тексты». В большинстве случаев, – делает вывод Л.П. Прокофьева, – и в русских, и в английских произведениях рационалистического характера находит отражение желто-зеленая (англ.) и черно-белая (рус.) составляющие...» (Прокофьева 2007: 174). Как видим, данные по английскому языку в нашем эксперименте и в эксперименте Л.П. Прокофьевой полностью совпадают, а по русскому языку расходятся.

Таблица 72

Цветовая окраска русского алфавита

графоны	частота	красный	синий	зеленый	желтый	черный	белый	фиолетовый	коричневый	всего
а	0,95	0,57								0,570
б	0,18						0,077			0,077
в	0,39		0,129							0,129
г	0,15		0,035						0,027	0,062
д	0,37					0,067				0,067
е+ё	0,89			0,801						0,801
ж	0,08				0,038					0,038
з	0,15			0,083						0,083
и	0,56		0,235							0,235
й	0,13		0,046				0,036			0,082
к	0,33	0,145								0,145
л	0,37	0,067	0,067		0,074					0,208
м	0,32	0,018								0,018

н	0,64		0,198						0,198
о	1,04				0,291		0,364		0,655
п	0,26					0,083			0,083
р	0,38	0,141							0,141
с	0,49		0,168						0,168
т	0,75					0,225			0,225
у	0,29		0,075	0,078					0,153
ф	0,03	0,005	0,006					0,006	0,018
х	0,09					0,023	0,017		0,040
ц	0,04				0,016				0,016
ч	0,20					0,098			0,098
ш	0,12					0,039			0,039
щ	0,03					0,007	0,005		0,012
ы	0,16					0,035			0,070
э	0,05			0,009	0,010				0,019
ю	0,06	0,019							0,019
я	0,24	0,125							0,125
всего		1,09	0,959	0,971	0,429	0,577	0,499	0,006	0,062
ранг		1	3	2	6	4	5	8	7

Если бы такие расхождения были обусловлены различиями использованных процедур, то результаты были бы различными по обоим языкам. Но поскольку для одного языка они идентичны, следует предположить, что тексты учебников и научных статей на русском языке не представляют, как предполагает Л.П. Прокофьева «национальной» системы звуко-цветовой ассоциативности». Можно предполагать, что черно-белая окрашенность русских текстов является некоторым отклонением от нормы. Такие отклонения, по данным Л.П. Прокофьевой, наблюдаются, например, в учебнике естественнонаучного профиля (частоты *и*, *п* превышены в 2 раза – цвет черно-синий) в газетной статье (частотность *р*, *м* превышена в 1,4 раза).

Таблица 73

Цветовая окраска английского алфавита

графоны	частота	red	yellow	green	white	brown	blue	orange
A	0,82	0,138						
B	0,15						0,049	
C	0,28		0,050	0,056				0,056
D	0,43			0,082		0,116		
E	1,27		0,216	0,216	0,191			
F	0,22			0,051				
G	0,20			0,064				
H	0,61		0,092		0,092	0,079		0,079
I	0,02		0,003		0,007			
J	0,02			0,003				
K	0,08	0,014	0,088				0,014	
L	0,40						0,072	
M	0,24	0,053					0,012	
N	0,67			0,114		0,107		
O	0,75				0,188			0,113
P	0,19	0,039						
Q	0,01	0,002						

R	0,60	0,282						
S	0,63		0,139					
T	0,91	0,016		0,182				
U	0,28						0,045	
V	0,10							
W	0,24				0,048		0,053	
X	0,02							
Y	0,20		0,074					
Z	0,01							
Всего		0,544	0,662	0,768	0,526	0,302	0,245	0,248
Ранг		3	2	1	4	5	7	6

Однако независимо от того, какие из полученных данных наиболее близки к «национальной системе», следует сделать один важный вывод: *какой бы текст на русском, английском или любом другом языке мы не подвергли бы анализу по методике А.П. Журавлева* (еще раз подчеркнем, что в экспериментах Л.П. Прокофьевой использовалась видоизмененная процедура А.П. Журавлева), *в результате этот текст, будь то поэзия, проза, учебник по грамматике или математике, обязательно обнаружит фонетическое значение* – либо по шкале цвета, либо по любой из 25 (19) шкал, использованных А.П. Журавлевым. И при желании всегда можно найти гармонию между смысловым содержанием текста и его фонетическим значением. Из этого следует только одно: методика, которую мы условно называем методикой А.П. Журавлева, менее пригодна для фоносемантического анализа текста, чем методика Фонадя / Эртеля. Она оказывается наиболее эффективной для изучения фонетического значения стихотворного текста при условии, что результаты автоматического анализа сопровождаются и проверяются с помощью аудиторского анализа.

Методика Фонадя/Эртеля приспособлена, как показано выше, для решения более широкого круга задач.

Вернемся еще раз к этой методике. Она, как показано выше, допускает два основных процедурных варианта: 1) экспериментатор подвергает анализу частоту встречаемости *всех* фонетических единиц в каждой из двух противопоставленных групп текстов и находит те единицы, частоты которых превышены в первой и во второй группе; 2) экспериментатор исследует в каждой группе текстов частоты только тех единиц, которые по данным психометрических измерений (например, по шкале силы или оценки) *соответствуют* шкале, по которой противопоставлены группы текстов («динамичные-нединамичные тексты»). *Только второй процедурный вариант обеспечивает экспериментатору выполнение подлинно фоносемантического анализа текста*, т.е. такого анализа, целью которого является поиск звуко-смысловых ассоциаций, основанных на *символических* значениях звуков.

Это не значит, что первый вариант должен быть полностью исключен из практики фоносемантического анализа текста. Его использование требует от экспериментатора дополнительного анализа попавших «в финал» звуков. Если,

например, «ласковыми» звуками, как у Фонадя, оказались *l*, *m*, *n*, то необходимо сопоставить эти данные объективного звуко-символизма с данными субъективного звуко-символизма. Как видно из табл. 6 (см. часть 1), звуки *l*, *m*, *n*, действительно, сосредоточены в различных языках на полюсе шкалы «приятный». Но если в числе фаворитов в той или иной группе текстов оказываются звуки, не соответствующие заданной шкале, они не могут приниматься во внимание как звуки с определенным символическим значением. Их следует отнести к звукам с функциональным значением в данном языке (о терминах «иконическое» и «функциональное» значение см. в разделе 12.1, часть 1). При группировке текстов по шкалам вовсе не обязательно использовать нефундаментальные шкалы («ласковый-грубый»; «веселый-грустный» и т.д.), поскольку в психолингвистике давно установлено, что все множество шкал сводится к трем основным: шкала оценки («приятный-неприятный»), шкала силы («слабый-сильный») и шкала активности («медленный-быстрый», «активный-пассивный»). В некоторых экспериментах С. Эртель объединил даже 2 последних шкалы в одну «динамичный-нединамичный». Практика показывает, что объединение текстов по такой шкале, например, как «минорный-мажорный» (см. Найдеш 1998) в конечном итоге переформулируется в шкалу «неприятный-приятный», т.к. в «минорных» текстах превалирует /г/, а в «мажорных» – /л/. Такое распределение соответствует шкале «неприятный-приятный», а не, например, шкале «веселый/грустный» (ср. выше данные Л.О. Лебле), т.к. в русском языке (по данным А.П. Журавлева /г/ имеет значение «веселый» (2,6). Итак, *можно рекомендовать исследователям фоносемантических свойств текстов группировать тексты по трем или даже двум основным шкалам – шкале оценки и шкале динамики. Если тексты сгруппированы правильно, в динамичных текстах следует ожидать превышения частот «сильных» и «активных» звуков, а в нединамичных – «слабых» и «медленных».*

В практике фоносемантического анализа могут встретиться однако и такие процедурные варианты, когда тексты не группируются по осгудовским шкалам. В тексте могут выявиться несколько частотных или даже один сверхчастотный звук. Так, например, И.Ю. Павловская, основываясь на проведенных ею экспериментах, полагает, что в тексте целесообразно выделять один или несколько ключевых звуков. Таким ключевым звуком в некоторых текстах, исследованных И.Ю. Павловский, оказался звук *w*, входящий в состав англ. слова *wild* (на ключевое слово *bells* в поэме Э. По указывает также Л. Лебле – с. 87). Такой вывод созвучен с нашей гипотезой о том, что наличие в звучании слова хотя бы одного звука (особенно ударных гласных), соответствующего семантике этого слова, дает испытуемому основание считать, что слово обладает фонетической мотивированностью (см. Левицкий 1994: 34). Очевидно, тот же механизм действует и при оценке испытуемыми текста: «если в тексте невозможно выделить ключевой звук или звуки, то аудиторы не в силах правильно уловить фоносемантическую символику текста» (Павловская 2001: 137). Можно согласиться, таким образом, с тем, что наличие в слове или тексте какого-либо звука, соответствующего содержательной стороне той или иной единицы языка или речи (слово, предложение, стихотворная строфа,

небольшой текст), может оказаться решающим фактором в восприятии этой единицы языка или речи как «фонетически мотивированной». И все же экспериментатор должен избегать слишком поспешных и прямолинейных выводов. Н.Л. Львова обнаружила сверхчастое употребление в английской публицистике начального сочетания *pr*. При использовании методики Л.П. Прокофьевой следовало бы сделать вывод, что текст окрашен в красный цвет (именно так по ее данным окрашена английская публицистика – см. Прокофьева 2007: 174). При использовании методики И.Ю. Павловской следовало бы сделать вывод, что исследованный Н.Л. Львовой текст «неприятный», т.к. «ключевой» звукокомплекс *pr* оценивается аудиторами И.Ю. Павловской как «неприятный» (см. Павловская 2001: 110). Все дело, однако, в том, что в тексте, о котором идет речь, очень часто встречается слово *president*... Так при чем же здесь звуковой символизм?

Выводы

1. При исследовании символических и эмоционально-эксперессивных свойств слова следует чётко различать понятия “фонетическая мотивированность”, “фонетическое значение”, “коннотативное значение”.

2. Хотя фонетическая мотивированность слова тесно связана с его коннотативным значением, оба явления не идентичны. Коннотативное значение создаётся в значительной степени за счёт фонетической мотивированности слова, причём для одних семантических подклассов фонетическая мотивированность является основным компонентом коннотации, для других – звуко-символические ингредиенты составляют лишь сравнительно небольшую часть в коннотативном значении слова или отсутствует в нём вообще.

3. Если под фонетическим значением слова понимать суммарную оценку символики звуков, которые входят в состав его звучания, а под фонетической мотивированностью – соответствие звучания слова его значению, то ФЗ и ФМ одного и того же слова могут не совпадать или даже резко отличаться друг от друга. Несовпадение обоих параметров слова ещё раз даёт основание полагать, что символическое значение приписывается слову говорящими по определённым правилам, которые в силу физических (акустических и артикуляционных) свойств звуков могут носить межнациональный характер.

4. Фонетическая мотивированность слова может оказать воздействие на эволюцию его формы или содержания. Однако действие этого фактора следует рассматривать в тесной взаимосвязи с действием других процессов и явлений языка, в частности, с действием семантической мотивированности слова.

5. Не исключено, что функционирование так называемого подвижного ие. s и происхождение ие. расширителей обусловлено действием звукового символизма.

6. Поскольку любой текст (научный, публицистический, прозаический, поэтический) написан на определенную тему, в нем используется определенная лексика; следствием этого является тот факт, что любые тексты будут отличаться друг от друга частотой использованных в них звуков (букв), а, значит, и своим «фонетическим значением». Это не значит, однако, что автор текста сознательно или подсознательно подбирает в тексте слова с определенной символикой звуков. Превышение в тексте частоты тех или иных звуков далеко не во всех случаях связано с действием звукового символизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экспериментальные исследования символических свойств звуков различных языков, проводившиеся в 1965 – 90 гг. в СССР и за рубежом, позволяют сделать следующее заключение.

1. Испытуемые, говорящие на одном и том же языке, приписывают звукам этого языка определённые символические значения; при этом между испытуемыми одной и той же группы существует статистически значимое согласие.

2. Между оценками символических свойств звуков какого-либо языка, полученными по сходной методике в разное время различными экспериментаторами, существует корреляция. Например, такая корреляция существует между данными о звуках немецкого языка, полученными в ФРГ и за пределами ФРГ.

3. Существует корреляция между данными о символике звуков различных языков (русского и английского, румынского и украинского и т. п.).

4. Наблюдается статистически значимое соответствие между звучанием и значением для определённых групп слов; это соответствие зависит от частоты употребления слова и его семантического, морфологического и стилистического статуса.

5. Все эти факты неопровержимо свидетельствуют о существовании и функционировании в языке звукового символизма. Существование звукового символизма противоречит постулату классической фонологии о произвольности языкового знака и требует поэтому теоретического осмысления и объяснения. В лингвистике и психолингвистике получили распространение две основные концепции о форме проявления («характере»), природе и истоках звукового символизма. Первая концепция сводится к следующим основным положениям.

В основе звукосимволизма лежит синестезия, т. е. транспозиция одних видов ощущений в другие. Связь между звуком и смыслом носит первичный («примарный»), отприродный характер. Звукосимволические правила универсальны.

Вторая концепция объясняет связь между звуком и смыслом ассоциацией, возникающей в сознании говорящего в силу языкового навыка. Звуковой символизм носит вторичный характер, его правила специфичны для каждого отдельного языка или группы родственных языков.

Обе эти концепции не могут удовлетворительно объяснить все аспекты существования и функционирования звукового символизма.

Принятие первой концепции не позволяет объяснить изменение плана содержания и плана выражения языков в диахронии (изменение звукового строя языка и его лексико-семантической системы) и в синхронии (существование различных языков).

Вторая концепция не может удовлетворительно объяснить межнациональный характер проявления связи между звуком и смыслом в психолингвистических экспериментах, в то время как ассоциации между звуком и смыслом в конкретных языках могут оказаться специфическими (ср. русск. *мал* с корневым гласным /a/ и англ. *little* с корневым гласным /i/).

Опираясь на имеющиеся в распоряжении лингвистики и психолингвистики факты, мы исходим из того, что в основе звукового символизма лежит, как правило (но не всегда), синестезия, обусловленная физическими свойствами (кинетика и акустика) звуков, однако эта обусловленность носит потенциальный, латентный характер и проявляется лишь тогда, когда звучание слова в силу тех или иных причин (в языке – в силу взаимодействия случайных факторов, в эксперименте – в силу планируемой экспериментатором процедуры) приходит в соответствие с содержанием слова. Иначе говоря, сама синестезия, лежащая в основе звукового символизма, возникает лишь при таких условиях, когда возможна транспозиция одних видов ощущений в другие, когда между формой и содержанием в языке проявляется структурное сходство, когда имеется общий для них стержень, по которому и осуществляется перевод ощущений из одной сенсорной зоны в другую. Носители языка «приписывают» звукам определенные символические значения, но в основе такого «приписывания» лежат физические свойства звуков, а не их ассоциативные связи в языке. В этом смысле звуковой символизм носит вторичный характер. Звуки языка обладают потенциальной символической многозначностью; одно и то же содержание может символизироваться различными формами. Это делает связь между звуком и смыслом в разных языках нежёсткой, гибкой, варьирующейся в определённых пределах.

Такой подход позволяет объяснить совместимость произвольности языкового знака и существования звукового символизма.

Вместе с тем, действие звукового символизма в некоторых случаях может быть обусловлено и ассоциативными факторами (это касается прежде всего символизации цвета, температуры и некоторых других шкал).

Фоносемантические свойства слова и текста, обнаруженные в целом ряде советских и постсоветских исследований, представляются в значительной степени преувеличенными. Мифы о непременной роли звукового символизма в функционировании и развитии языка вряд ли соответствуют реальности. Требуется беспристрастное, спокойное, трезвое осмысление накопленных фактов; но еще больше требуется получение достоверных данных о связи звука и смысла в языке и речи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Оценки символических значений украинских согласных (в начальной позиции)

звуки	Ш к а л ы						
	размер	оценка	сила	темпе- ратура	свет	актив- ность	твёр- дость
б	1,92	3,23	3,94	3,72	2,22	2,05	4,21
б'	3,33	2,96	2,00	2,03	3,78	2,92	1,76
в	2,61	3,04	3,70	3,47	2,42	2,39	4,15
в'	3,49	2,55	2,27	1,95	3,73	3,28	1,88
г	2,16	3,23	3,86	3,78	2,26	2,07	3,99
г'	3,54	3,24	2,18	1,82	3,41	3,24	1,80
д	2,17	3,35	4,12	3,76	3,78	2,27	4,67
д'	3,54	2,94	2,20	1,98	3,90	3,33	1,88
дж	2,20	3,49	4,15	3,95	2,29	2,70	4,04
дз	2,18	3,34	3,45	3,78	2,51	2,46	3,84
дз'	3,37	3,57	2,45	2,37	4,10	3,04	1,78
ж	1,98	3,15	3,79	3,88	2,95	2,69	3,81
ж'	3,78	3,36	2,28	2,01	3,27	3,04	2,20
з	2,78	2,90	3,77	3,79	2,50	2,15	3,83
з'	3,32	3,23	2,04	2,03	4,01	3,20	1,70
й	3,19	3,21	2,86	2,50	3,90	3,06	2,78
к	3,03	2,78	3,77	3,66	2,37	2,23	3,78
к'	3,55	3,26	2,17	1,91	3,71	3,25	1,78
л	2,68	2,64	3,65	3,55	2,60	2,83	3,71
л'	3,91	2,46	2,22	1,84	3,81	3,22	1,89
м	2,69	2,65	2,76	3,60	2,46	3,02	3,68
м'	4,02	2,56	2,23	1,84	3,57	3,44	1,98
н	2,78	2,75	3,75	3,71	2,26	2,30	3,83
н'	3,54	2,50	2,20	1,92	4,44	3,33	1,63
п	2,75	2,89	3,57	3,52	2,44	2,74	3,89
п'	3,86	2,77	1,94	1,72	3,61	3,10	2,04
р	2,00	3,13	4,15	3,77	2,18	2,05	4,04
р'	3,41	2,72	2,42	2,16	3,67	3,31	1,70
с	2,64	2,98	3,65	3,77	2,63	2,82	3,88
с'	3,80	2,79	2,11	1,98	4,01	3,21	1,70
т	1,97	3,17	3,64	3,87	2,07	2,76	4,05
т'	3,84	3,05	2,72	1,77	3,32	3,18	2,02
ф	2,57	3,33	3,64	3,77	1,62	3,17	3,85
ф'	3,79	3,51	2,49	1,85	3,28	3,09	1,96
х	2,26	3,59	3,52	3,70	2,17	2,88	3,81
х'	3,87	3,57	2,23	1,83	3,22	3,26	2,01
ч	2,05	3,44	3,19	3,73	1,90	2,92	3,82
ш	2,73	3,11	3,66	3,70	2,16	2,65	3,53
ц	2,78	3,29	3,74	3,55	2,09	3,51	3,78
ц'	3,99	2,90	2,11	1,76	4,06	3,31	1,75

Таблица 2

**Оценки символических значений украинских гласных
(после твёрдых согласных)**

а	2,17	2,98	3,88	2,52	2,34	2,56	3,99
о	2,47	2,99	3,88	4,00	2,51	2,45	3,97
у	2,24	3,14	3,99	3,73	2,35	2,45	3,96
и	2,41	3,14	3,62	2,82	2,47	2,42	3,88
е	2,49	3,01	3,72	3,76	2,73	2,50	3,86

Таблица 3

**Оценки символических значений украинских гласных
(после мягких согласных)**

я	3,62	3,12	2,26	2,07	3,45	3,13	1,88
ьо	3,71	3,28	2,07	1,90	3,78	3,49	2,04
ю	3,77	2,97	2,26	1,86	3,71	3,32	1,82
і	3,54	2,85	2,35	2,02	3,05	3,06	2,17
є	3,58	3,14	2,32	2,01	3,59	3,45	2,06

Обозначение и направление полюсов шкал: великий – маленький, приємний – неприємний, слабкий – сильний, гарячий – холодний, темний – світлий, швидкий – повільний, м'який – твердий. Данные получены В.В. Левицким [см. Левицкий 1973].

Таблица 4

**Символические значения молдавских согласных
(в начальной позиции) и гласных**

звуки	Ш к а л ы							
	размер	сила	актив- ность	форма	темпе- ратура	свет	оценка	твёр- дость
1	2	3	4	5	6	7	8	9
б	3,46	3,53	3,27	2,56	2,90	2,91	3,24	3,28
п	3,21	2,96	3,02	2,94	3,00	3,11	2,95	2,74
д	3,55	3,77	3,40	3,02	3,08	3,10	3,52	3,38
т	3,38	3,39	2,82	2,93	2,90	3,06	3,16	3,36
г	3,37	3,22	3,27	2,82	2,91	3,16	3,06	3,18
к	3,21	3,28	3,05	2,75	3,05	2,91	3,20	3,36
з	3,39	3,61	3,68	2,73	2,81	2,81	3,30	3,59
с	3,25	3,02	2,99	2,99	3,02	2,77	3,56	3,09
ж	3,37	3,67	3,18	2,84	3,09	3,09	3,22	3,39
ш	3,16	2,81	2,74	3,18	3,08	3,19	3,02	2,91
в	3,17	3,19	3,30	2,88	2,90	2,94	3,19	3,11

1	2	3	4	5	6	7	8	9
ф	3,12	2,78	2,81	3,16	3,15	3,07	3,36	2,94
х	3,32	3,11	2,93	3,28	3,03	3,48	3,25	2,99
дж	3,28	3,77	3,23	2,67	3,17	2,93	3,48	3,63
м	3,14	3,09	2,81	3,06	2,93	3,31	3,06	3,05
н	3,17	3,02	2,72	3,03	2,98	3,18	3,13	2,93
л	3,06	2,78	2,92	3,10	3,00	3,09	3,09	2,72
р	3,63	4,02	3,56	2,79	2,83	3,19	3,06	3,81
ч	3,39	3,41	2,86	2,91	2,96	3,15	3,15	3,23
ц	3,22	3,48	3,33	2,58	3,05	2,83	3,10	3,64
и	2,83	2,84	3,30	2,12	3,22	2,19	3,32	2,81
ы	3,25	2,84	2,72	3,23	3,00	3,42	3,03	2,98
а	3,45	3,69	3,57	2,70	2,95	2,56	3,39	3,31
у	3,22	3,28	3,00	3,18	3,04	3,50	3,13	3,26
о	3,31	3,53	3,28	2,97	3,06	2,88	3,52	3,28
е	3,05	2,83	3,30	2,45	3,12	2,27	3,00	2,92
э	3,18	3,14	3,22	3,08	2,98	3,20	2,98	3,03

Обозначение и направление полюсов шкал: мик – маре, слаб – таре, ынчет – репеде, аскуцит – точит, рече – фербинте, луминос – ынтунекос, рэу – бун, моале – таре. Данные получены В.В. Левицким [см. Левицкий 1979].

Таблица 5

**Очищенные оценки символических значений
немецких гласных и согласных**

звуки	Ш К А Л Ы						
	сила	актив- ность	оценка	размер	твёр- дость	свет	темпе- ратура
1	2	3	4	5	6	7	8
а	0,41	0,99	0,65	−0,34	0,09	0,31	−0,19
а:	1,07	−1,39	0,94	1,29	−0,52	0,39	0,55
е:	0,55	−1,13	0,16	0,58	−0,44	0,36	0,50
ε	−0,50	1,09	−0,46	−0,45	0,38	0,59	−0,40
ε:	0,61	−0,90	−0,90	0,16	0,32	0,10	0,06
і	−0,90	0,97	−0,17	−0,90	0,12	0,97	−0,57
і:	0,97	−1,40	−0,74	1,15	0,61	0,86	−0,09
О	−0,48	1,16	−0,09	−0,48	0,25	−0,81	−0,21
о:	1,13	−1,42	0,90	1,35	−0,45	−0,83	0,64
œ	0,03	0,77	0,19	−0,29	0,32	0,32	0,03
ø:	0,68	−1,06	0,45	0,87	0,45	0,00	0,46
u	−0,08	0,55	0,02	−0,17	0,10	−0,55	0,00
u:	1,13	−1,82	−0,29	1,39	−0,06	−1,48	−0,03
y	0,05	0,71	0,21	−0,03	0,32	0,52	−0,25
y:	0,00	−0,17	0,39	0,03	−1,32	0,35	−0,01
p	0,77	0,69	−0,53	−0,52	0,72	−0,11	−0,68

1	2	3	4	5	6	7	8
t	0,90	0,73	-0,14	0,00	0,98	0,06	-0,75
k	0,89	0,69	-0,39	-0,19	0,91	0,14	-0,77
b	-0,26	-0,21	0,72	0,37	-0,60	0,04	0,12
d	-0,13	0,01	0,77	0,25	-0,57	0,22	0,54
g	-0,17	0,10	0,67	0,41	-0,37	0,00	0,33
f	0,07	0,32	0,11	-0,30	0,13	0,19	-0,15
s	0,29	0,84	-0,21	-0,56	0,81	0,39	-0,14
š	1,10	-0,93	0,07	0,97	1,13	-0,58	0,21
ç	-0,92	0,05	0,27	-0,61	-0,88	0,96	-0,08
h	-0,99	-0,41	0,92	-0,04	-0,59	0,62	0,40
v	-0,29	-0,35	0,50	0,32	-0,62	-0,04	0,57
z	0,10	-0,42	0,73	0,40	-0,13	0,11	0,56
j	-0,26	-0,26	0,52	0,35	-0,92	0,58	0,23
r	0,39	0,21	-0,71	0,10	0,87	-0,45	-0,76
m	-0,06	-0,60	1,34	0,13	-0,74	-0,22	0,82
x	0,93	0,03	-1,03	0,49	1,23	-0,48	-0,45
n	-0,11	-0,37	0,61	-0,03	-0,74	-0,70	0,43
η	-0,18	-0,76	0,69	0,22	-0,92	-0,23	0,61
l	-0,27	-0,02	0,87	0,04	-0,44	0,31	0,09
tS	1,19	0,19	-1,10	-0,08	1,52	0,11	-0,43
ts	1,55	-0,02	-0,74	-0,06	0,84	-0,23	0,82
pf	1,44	0,42	1,15	0,37	+0,37	-0,34	-0,31

Знаком + обозначены полюса: stark, schnell, groß, hart, hell, heiß, angenehm.
Данные получены В.И. Кушнериком [см. Левицкий / Кушнерик 1986].

Таблица 6

Очищенные оценки английских гласных и согласных

звуки	ш к а л ы		
	размер	сила	активность
1	2	3	4
i	-1,25	-0,67	0,99
э:	-0,98	-0,92	0,72
Λ	-0,59	-0,54	0,56
e	-0,44	-0,70	0,25
u	-0,08	-0,15	0,10
i:	-0,07	0,72	-0,40
u:	0,24	0,76	-0,55
¾	0,43	0,04	-0,46
O:	0,82	0,13	-0,59
O	1,05	-0,19	-0,81
a:	1,17	0,25	-0,89

1	2	3	4
p	–1,39	–0,34	0,71
t	–1,27	0,19	1,07
s	–1,10	–0,06	0,69
f	–1,00	–0,55	–0,02
θ	–0,86	–0,65	–0,40
Z	–0,86	–0,41	–0,37
h	–0,69	–1,22	–0,26
k	–0,64	0,48	0,84
l	–0,50	–0,32	–0,45
S	–0,50	0,35	–0,71
η	–0,05	–0,12	–1,24
ts	+0,02	0,91	0,56
j	0,14	–0,95	0,31
dZ	0,17	–0,52	–0,41
n	0,20	–0,77	–0,94
m	0,22	0,04	–0,68
ð	0,35	–0,04	–1,00
b	0,38	0,59	–0,19
d	0,42	0,42	–0,07
r	0,49	0,52	0,87
v	0,53	0,59	–0,61
w	0,57	0,62	–0,77
z	0,65	0,72	–0,57
g	0,69	0,91	–0,14

Знаком + обозначены полюса: large, strong, fast. Данные получены Л.А. Комарницкой [см. Комарницька 1984].

Таблица 10

**Средние оценки начальных сочетаний согласных
в английском языке по шести шкалам**

	Сила (слабый- сильный)	Оценка (неприятный- приятный)	Активность (медленный- быстрый)	Шерохова- тость (шерохова- тый- гладкий)	Жестокость (жестокый - добрый)	Размер (маленький - большой)
Bl	2,7	2,8	2,6	3,3	3,2	2,9
Br	3,7	2,7	3,3	2,6	2,6	3,2
Kl	2,8	3,04	2,9	2,9	2,98	2,7
Kr	3,7	2,4	2,9	2,4	2,4	3,2
Dr	3,5	2,8	2,9	2,9	2,8	3,1
Fl	2,5	3,6	3,1	3,7	3,7	2,7

Fr	3,6	2,4	3,2	2,3	2,4	3,4
Gl	2,8	3,1	2,8	3,3	3,3	2,9
Gr	4,1	2,4	3,1	2,5	2,4	3,7
Pl	2,3	3,5	2,97	3,6	3,6	2,7
Pr	3,5	3,2	3,1	3,1	3,4	3,1
Kw	2,8	2,4	2,6	2,4	2,8	2,8
Sk	3,6	2,9	3,3	2,8	2,97	2,9
Sf	2,3	2,2	2,4	2,1	2,4	2,6
Shr	3,4	2,7	2,7	2,8	2,8	3,7
Sl	2,8	3,3	2,8	3,6	3,2	2,2
Sm	2,9	3,5	2,9	3,6	3,6	2,6
Sn	2,9	2,9	2,9	3,3	3,1	2,7
Sp	3,4	3,1	3,3	3	3,03	3,2
Spl	3,3	3,04	2,9	2,7	3,2	3,6
Spr	3,8	3,1	3,3	2,99	3,2	3,7
Skw	3,03	2,2	2,4	2,1	2,4	3,2
St	3,7	3,2	3,7	3,1	3,2	3,2
Str	3,9	2,9	3,6	2,8	2,8	3,8
Sv	2,8	2,3	2,7	2,1	2,4	2,7
Sw	2,9	3,3	3,1	3,4	3,3	2,8
Thr	3,6	2,9	3,1	3,2	2,96	3,6
Tr	3,7	2,9	3,2	2,9	2,8	3,1
Ts	2,5	2,5	2,98	2,8	2,7	2,6
Tw	2,6	2,9	3	2,5	3,2	2,7

Данные получены Н.Л. Львовой (см. Львова).

Рекомендации для проведения и интерпретации звукосимволических экспериментов

При проведении экспериментов по исследованию звукосимволизма необходимо соблюдать множество условий, касающихся предъявления материала и подбора испытуемых (см. Taylor / Taylor 1965). Коротко укажем на некоторые из этих условий.

1. *Предъявление материала.* Материал (звуки или звуковые комплексы) предъявляется в письменном виде, т.к. при произнесении их экспериментатором (или даже диктором) интонация, логическое ударение, экспрессия диктора могут оказать влияние на решение испытуемого (см. Taylor/Taylor 1965: 419). При использовании методики семантического дифференциала рекомендуется предъявлять звуковые комплексы, а не отдельные звуки, как это делал, например, А.П. Журавлев, предъявлявший испытуемым «звукобуквенные» образы б, в, г и т.д. Испытуемые произносят не [б], [в], [г] и т.д., а бэ, вэ, гэ. Кроме того, необходимо, чтобы звуки, оцениваемые испытуемым, встречались в разных позициях. Это достигается с помощью применения так называемого «латинского квадрата» (см. схему 1).

Латинский квадрат

	b	p	d	t	g	k
b	i	e	a	o	u	ū
p	e	a	o	u	ū	i
d	a	o	u	ū	i	e
t	o	u	ū	i	e	a
g	u	ū	i	e	a	o
k	ū	i	e	a	o	u

По вертикали расположены начальные согласные, по горизонтали – конечные. В результате экспериментатор получает сочетания bib, ber, bad, bot и т.д. Если согласных оказывается больше, чем гласных, то гласные можно повторить в каждой строке дважды (i, e, a, o, u, i, e, a, o, u). *Нельзя предъявлять испытуемым слова или звуковые комплексы, имеющие в данном языке значение. Эти комплексы должны быть бессмысленными.*

2. Важным компонентом любого психолингвистического эксперимента является фактор, который условно можно назвать «участие экспериментатора». Если, например, в лингвистических экспериментах подбор единиц анализа и их группировка осуществляется самим экспериментатором и такая процедура (если, разумеется, она не носит ярко выраженного субъективного и произвольного характера) считается вполне приемлемой, то в психолингвистических экспериментах такое «участие» экспериментатора в подготовке материала является недопустимым. Так, например, подготавливая материал для предъявления испытуемым с целью изучения фонетической мотивированности слова, Ж.-М. Петерфальви (Peterfalvi 1970) выбрал из словаря 75 слов и разделил их на 5 семантических категорий: то, что можно услышать; то, что воспринимается органами чувств (кроме слуха); движение; конкретные предметы; абстрактные понятия. Полученные 5 списков он попросил оценить испытуемых (проверялась правильность категоризации). Лишь внеся коррективы с учетом оценок испытуемых, экспериментатор предъявил 5 списков слов участникам эксперимента для выполнения основной задачи – оценки степени мотивированности каждого слова. Однако, предвидя возражения критиков, Ж.-М. Петерфальви составил новый список стимулов, сформированный по его заданию испытуемыми. По аналогичному вопросу велась полемика между Тэйлорами и их оппонентами относительно формирования списка слов, предназначенного для последующего фоносемантического анализа. Такие списки формируются не экспериментатором, а выписываются из идеографических словарей (например, из словаря Роже, как это делал Ньюмэн).

Если экспериментаторам необходимо подобрать слова с определенным коннотативным значением («приятные»-«неприятные» и т.п.), то такой подбор осуществляется также по специальным словарям (см., например [Johnson et al. 1964], которые выписали «плохие» и «хорошие» слова из так называемого «атласа коннотаций»). Поэтому некорректной – с позиций принятых в психолингвистике требований – будет процедура, при которой экспериментатор сам оценивает и группирует тексты для последующего фоносемантического анализа (например, экспериментатор подбирает тексты с «мажорным» или «минорным», как ему представляется содержанием, а затем анализирует их фонетический состав). Это требование может быть менее жестким, учитывая недостаточное число экспертов в условиях окружающих нас реалий. Если, однако, экспериментатор сам группирует исследуемые тексты, то при их правильной группировке следует ожидать статистически значимых различий в распределении прежде всего звуков /г/ и /л/, а также таких звуков, как /м/ /п/, с одной стороны, и /т/, /к/ и др. – с другой.

Точно так же является ошибочной процедура, при которой экспериментатор интуитивно оценивает соответствие между фонетическим значением слова и лексическим содержанием этого слова, как, например, поступал А.П. Журавлев, сравнивая значение слова *жаба* и вычисленное фонетическое значение этого слова.

3. *Испытуемые.* Нельзя привлекать носителей одного языка для оценки звуков другого языка, если изучение такого «взаимодействия» не является предметом специального исследования. Если все же студентов-украинцев пытаются привлечь для оценки звуков немецкого языка, то предварительно опытным путем необходимо доказать, что студенты-украинцы оценивают звуки немецкого языка так или приблизительно так, как это делают немцы. Опыт изучения звуко-символизма показал, что по некоторым шкалам наблюдается сходство в оценках звуков английского и немецкого языков студентами-украинцами. Но это совершенно не касается шкалы оценки. Нельзя переносить оценки тех или иных звуков (тем более, по шкале «приятный – неприятный») в одном языке (например, в древнегреческом) на оценки схожих звуков в другом языке (например, в английском), как это имеет место в некоторых диссертационных исследованиях.

Прежде чем привлекать студентов-украинцев к экспериментам, где материалом является иностранный язык, необходимо решить, связан ли такой опыт с тем, что принято называть языковой компетенцией, или от испытуемого требуется проявить только способности к решению чисто логических задач. Например, в исследовании Л.В. Цвяк (см. [Цвяк 2001]) студенты-украинцы, владеющие в той или иной степени немецким языком, привлекались для оценки семантического расстояния между словами. Однако результаты этого эксперимента были учтены лишь после того, как тот же материал был предъявлен носителям немецкого языка и экспериментатор получил возможность убедиться, что обе группы испытуемых оценивают семантическое расстояние между словами одинаково (использовался корреляционный анализ).

4. При изложении результатов психолингвистических экспериментов (исходя из образцов публикаций в профильных зарубежных журналах по

психологии и психолингвистике) рекомендуется подробно описать условия проведения эксперимента: как и в каком виде предъявлялся материал, какие требования содержала инструкция, как было проверено согласие между испытуемыми (можно использовать, например, коэффициент Кендэла W – см. раздел 6.6), каким образом были математически обработаны данные. После изложения условий проведения эксперимента излагаются его результаты, а затем следует раздел «обсуждение результатов» (discussion).

Основной целью интерпретации результатов эксперимента должна быть проверка «каузальных» (причинных) гипотез. Как полагает Д. Кэмпбелл, для утверждения о том, что отношения между двумя переменными являются каузальными, необходимы, по крайней мере, три условия: 1) причина должна по времени предшествовать эффекту; 2) воздействие должно быть статистически связано с эффектом, так как, если возможные причина и эффект не связаны (статистически значимо) друг с другом, одно не может быть причиной другого; 3) не должно быть правдоподобного альтернативного объяснения появления наблюдаемого эффекта (Кэмпбелл 1980: 40-41).

Следует иметь в виду, что каждый компонент психолингвистического эксперимента (материал, испытуемые, инструкция, методы обработки результатов) могут оказать влияние на конечные результаты и выводы. В практике психолингвистических исследований наблюдаются случаи, когда в ходе возникшей полемики забраковываются и отклоняются, казалось бы, убедительные результаты, если оппоненту удастся найти некорректно использованные материалы или некорректно обработанные данные в том или ином эксперименте (таковой была, например, полемика по поводу звуко-символических экспериментов между И. Тейлор и Дж. Вайсом (см. подробнее [Левицкий 1998: 13])). В заключение следует заметить, что психолингвистический эксперимент интересен только в том случае, если экспериментатор четко представляет себе, что он хочет узнать с помощью эксперимента, если он детально обсуждает и умело интерпретирует результаты этого эксперимента.

Таблица 7

Распределение частот фонетически и семантически сходных единиц

Семантические единицы		Фонетические единицы	
Сходство	Различие	Сходство	Различие
64	66	64	44
44	115	66	115

Таблица 8

Фонетика	Семантика
bl	Блеск, сверкать
br	Дробь, крошить, рычать, чваниться
dr	Текст., мед., тех
gl	Сиять, скользкий, блеск
gr	Крупа, ужас, великий, каша, ворчливый, скалить, хвастаться,

	сельск.-хоз., спорт., мифол., мед.
fl	Мерцать, сверкать, поле, воен., ловкий, плоский, стремиться, грубый
fr	Дерзкий, наглый, веселый
kl	Клейкий, куча, изящный, взбираться, шлепать, комок, звонкий, глыба, неуклюжий, разг., диал.
kn	Грызть, хруст, трещать, мять, дубина, комок, глыба, шелкать, грубый, диал.
kr	Чесать, хлам, ссора, царапать, тех., крик, лопаться, маленький, диал.
pl	Лопаться, слабый, хлам, шататься, неуклюжий
pr	Щекотать, колотить, точный, хвастаться, бить
sl	Лакать, болтать, гибкий, диал., разг.
sm	Грязь, шрам, дрянь, лесть, швырять, неопрятный, худой, блеск
sn	Нюхать, шелкать, трещать
sr	Скоблить, трещать
st	Толкать, нюхать, крутой, колоть, крепкий, палка, трести, сильный
str	Строгий, бродить, тугой, бросать, болтать, режущий
sw	Мрачный, болтать, гибкий, шататься, тяжелый, разг.
tr	Стремиться, стучать, ходить, скучный, вера, печальный, бежать, лить

Таблица 9

**Статистически значимые фонетико-семантические связи
(английский язык)**

Фонетика	Семантика
bl	Реветь, пузырь, белить, волдырь, глянец, клякса, унылый, хвастать, бледный, парень, порыв, маленький, ветер, болтать, вздор, толстый, ошибка, льстить, пятно, мрачный
br	Ссора, ломать, хрупкий, грубый, храбрый, ясный, живой, веселый, чистить, скоба
dr	Сухой, капать, чепуха, тянуть, отбросы, течь
fl	Мехать, пух, хлопья, поток, плавать, провал, висеть, течь, движение, легкий, лететь, вялый, свет, бег, слабый, яркий, короткий
fr	Холодный, неистовый, тереть, ледяной, ломать
gl	Блеск, свет, сверкать, радость, тусклый, взгляд, гладкий, скользкий, ледяной, мерцать, хмурый, веселый, прочный, слабый
gr	Решетка, большой, серый, крупа, зерно, гравий, хвастать, рычать, мучить, прочный, ужасный, важный, сердитый, ворчать, скрип
kl	Комок, лязг, жать, глыба, скоба, карабкаться, топот, треск, шум,

	резкий, чистить, болтать, звук
kr	Давка, хруст, ворчать, сгибать, курчавый, вить, ползти, треск, дробь, грохот, группа, крик, удар
kw	Причудливый, дрожь, смех, слабый
pl	Плоский, плести, щипать, полный, складка, дергать, тяжелый, бросать, внезапно
pr	Красивый, надменный, гордо, точный, острый, колоть, ясный, бросать, шутка
sk	Нестись, стремиться, скудный
skr	Каракули, рыть, скрип, скряга, грести, царапать, визг, крик, тощий, грубый
skw	Пронзительный, визг, крик, жать
sl	Тонкий, слякоть, спать, щель, неряшливый, слюни, медленный, хитрый, грязь, хлопать, слабый, скользкий, слой, шлепать, щепка, ленивый, болото, жидкий, резать, ловкий, скудный, вялый, гладкий
sp	Брызги, худой, храбрый, слюни, струиться, острый, щеголь, внезапно
spl	Плеск, щепка, грязный, пятно
spr	Побег, живой, брызги, тянуть
st	Неподвижность, заикаться, крепкий, строгий, суровый, твердый, чопорный, ствол, пень, прочный, боль, большой, сильный
str	Напряженный, здоровый, полоса, промежуток, тянуть, жать
sm	Дым, мазать, пахнуть, пятно, бить
sn	Сопли, хватать, ябеда, нюх, фыркать
sw	Пеленать, глоток, махать, важный, удар, хватать, щеголь, сильный, быстрый
sr	Визг, блеск
θr	Бить, удар
tr	След, тащиться, ловить, ступать, опрятный, желоб, хлам, обман, тяжелый, шутка
tw	Крутить

Середньоарифметичні оцінки досліджуваних фонем

Таблица 10

Фонесте ми	Шкала сили “слабкий – сильный”		Шкала активності “повільний – швидкий”		Шкала оцінки “неприємний –приємний”	
	експ.№1	експ.№2	експ.№1	експ.№2	експ.№1	експ.№2
bl-	2,43	2,37	3,57	2,78	3,67	3,53
br-	2,33	2,30	2,38	2,47	2,33	2,47
gl-	2,19	2,25	3,52	2,22	3,57	3,62
gr-	3,62	3,52	3,95	3,62	1,81	2,17

Фонестеми	Шкала сили “слабкий – сильний”		Шкала активності “повільний – швидкий”		Шкала оцінки “неприємний –приємний”	
	експ.№1	експ.№2	експ.№1	експ.№2	експ.№1	експ.№2
dr-	3,29	3,70	3,67	3,57	2,43	2,35
fl-	2,33	2,04	2,52	2,49	3,63	3,60
fr-	4,14	3,74	3,95	3,61	2,43	2,26
kn-	4,04	3,50	4,10	3,69	2,33	2,22
kr-	3,62	3,65	2,90	2,49	1,90	1,74
pl-	2,38	2,26	2,24	2,48	3,62	3,50
pr-	3,76	3,72	3,61	3,63	2,43	2,48
ɲn-	2,48	2,45	2,71	2,47	2,62	2,46
ɲm-	3,76	3,56	2,52	2,15	4,05	2,39
ɲr-	4,10	3,84	3,86	3,48	2,47	2,47
ɲv-	2,38	2,32	2,43	2,43	3,90	2,45
sk-	3,76	3,52	3,52	3,70	2,67	1,78
ɲt-	3,81	3,65	3,76	3,54	2,43	2,46
ɲp-	3,48	3,54	3,62	3,60	2,43	2,49
kl-	3,76	2,48	3,52	2,95	2,52	3,76
tr-	3,67	3,69	2,81	2,43	3,81	3,50
ɲl-	2,47	2,36	2,30	2,36	2,38	2,35
tɕv-	3,67	3,73	2,90	3,56	2,19	1,91
pɕl-	3,58	3,67	2,32	2,34	3,60	3,59
ɲpr-	3,60	3,68	3,65	3,68	2,52	2,48
ɲtr-	3,57	3,60	3,68	3,72	2,47	2,48

ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин Н.И., 1918

Основы чувашской мимологии. – Казань, 1918.

Балли Ш., 1955

Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с 3-го франц. Изд. Е.В. Вентцель. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

Барташова О.А., 1987

Звукоизобразительность в терминологии (на материале английских морских терминов). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1987. – 15 с.

Бенвенист Э., 1974

Общая лингвистика. – М., 1974.

Бистрова Л.В., Левицкий В.В., 1976

Ще раз про символічні значення деяких голосних і приголосних // Іноземна філологія. – 1976. – №42. – С. 3-10.

Блумфилд Л., 1968

Язык. – М.: Просвещение, 1968. – 607 с.

Будагов Р.А., 1963

Сравнительно-семасиологические исследования. – М.: МГУ. – 1963. – 300 с.

Быстрова Л.В., Левицкий В.В., 1973

Фонетическое сходство семантически связанных слов // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. – Berlin, 1973. – Bd. 26, Heft 6. – S. 591-901. – Abstract in: LLBA, 1975, 2, p. 362.

Валуйцева И.И., Сорокин Ю.А., 1987

Фонетическое значение текстов, построенных по типу “глокой куздры” Л.В. Щербы // Психолингвистические исследования: звук, слово, текст. – Калинин, 1987. – С. 20-28.

Варфоломеев А.П., 1984

Тембровая значимость речи и её взаимодействие с фонетическим и коннотативным значением. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1984. – 17 с.

Вельди Э.А., 1989

О некоторых чертах германского происхождения в звукоизобразительной лексике эстонского языка // Проблемы фоносемантики. Тезисы выступлений на совещании. – М., 1989. – С. 35-37.

Вестерман Д., 1963

Звук, тон и значение в западноафриканских суданских языках // Африканское языкознание. – М., 1963. – С. 94-113.

Воронин С.В., 1982

Основы фоносемантики. – Л.: ЛГУ, 1982. – 242 с.

Воронин С.В., 1990

Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. – Л.: ЛГУ, 1990. – 200 с.

Воронин С.В., Пузырёв А.В., Сорокин Ю.А. (ред.), 1990

- Фоносемантические исследования. – Москва-Пенза, 1990.
- Воронин С.В., 1997
 Фоносемантика и этимология // Чехоян Л.П. (ред.) Диахроническая германистика. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. – С. 131-177.
- Воронин С.В., 1998
 Английские онематопы. Фоносемантическая классификация. – С.-Петербург, 1998. – 196 с.
- Вундт В., 1912
 Проблемы психологии народов. – СПб., 1912.
- Газов-Гинзберг А.М., 1965
 Был ли язык изобразителен в своих истоках? – М.: Наука, 1965. – 183 с.
- Газов-Гинзберг А.М., 1974
 Символизм прасемитской флексии. О безусловной мотивированности знака. – М.: Наука, 1974. – 122 с.
- Галунов В.И., Тарасов В.И., 1976
 Анализ семантической структуры поэтических ритмов // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград: КГУ, 1976. – С. 89-91.
- Гамкрелидзе Т.В., 1972
 К проблеме произвольности языкового знака // Вопросы языкознания. – 1972. – №6. – С. 15-21.
- Гинзбург Р.С., 1957
 Смысловая структура слова // Иностранные языки в школе. – 1957. – №5. – С. 90.
- Глухарёва Е.А., 1978
 Ономатопоэтические глаголы в современном немецком языке. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978. – 19 с.
- Горелов И.Н., 1969
 О возможной примарной мотивированности языкового знака // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. – Л.: Наука, 1969. – С. 17-20.
- Гумбольдт В., 1984
 Избранные труды по языкознанию. Пер. с нем. под ред., с предисл. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс. – 1984. – 397 с.
- Гумбольдт В., 1984
 О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 90-94.
- Гурджиева Е.А., 1973
 Элементарный звуковой символизм (статистическое исследование). – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973. – 31 с.
- Данилова М.Э., 2007
 Семантика рифм современной английской лексики (фоносемантический аспект). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2007. – 21 с.

- Жерновой А.Н., Левицкий В.В., 1988
Начальные сочетания фонем в немецком языке // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. – Калинин, 1988. – С. 124-132.
- Журавлев А.П., 1969
О мотивированности признаковой семантики слова натуральным значением входящих в него звуков // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. – Л.: Наука, 1969. – С. 64-68.
- Журавлёв А.П., 1971
О символическом значении в языке // Ученые зап. Калининградского ун-та. – 1971. – Вып. 6. – С. 65-90.
- Журавлёв А.П., 1974
Фонетическое значение. – Л.: ЛГУ, 1974. – 160 с.
- Журавлев А.П., Орлов Ю.М., 1971
Признаковое семантическое пространство русских гласных // Развитие фонетики современного русского языка. – М., 1971, с. 209-228.
- Журавлёва Т.С., 1983
Содержательность звуков речи в межъязыковом аспекте. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1983. – 23 с.
- Журинский А.Н., 1972
Звуковой символизм в языке: некоторые подходы и принципы описания // Проблемы африканского языкознания. – М.: Наука, 1972. – С. 95-124.
- Журковский Б.В., 1968
Идеофоны: сопоставительный анализ. – М.: Наука, 1968. – 65 с.
- Залевская А.А., 1986
О некоторых актуальных проблемах психолингвистики // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. – Калинин, 1986. – С. 3-14.
- Зимова М.Д., 2005
Звукоизобразительные тенденции начальных согласных в немецком и новогреческом языках. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. – 17 с.
- Ибрагимова В.С., 1983
Точечный массаж. – М.: Медицина, 1983.
- Иванова-Лукьянова Г.Н., 1966
О восприятии звуков // Развитие фонетики современного русского языка. – М.: Наука, 1966. – С. 136-143.
- Калита А.А., 2001
Фонетичні засоби актуалізації смислу англійського емоційного висловлювання. – К.: Вид. центр Київського державного лінгвістичного університету, 2001. – 351 с.
- Канкия Н.Д., 1988
Примарная мотивированность слова /на материале английского и грузинского языков/. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1988. – 16 с.

- Кантемір С., Лучак М., Львова Н., 2005
Побудова мовного поля за допомогою квантитативних методів // Проблеми квантитативної лінгвістики: Збірник наукових праць. – Чернівці: Рута, 2005. – С. 245-272.
- Кларк Е., 1984
Универсальные категории: о семантике слов-классификаторов и значениях первых слов, усваиваемых детьми // Психолінгвістика. – М., 1984. – с. 221-240.
- Климова С.В., 1986
Глаголы “неясного происхождения” в сокращённом оксфордском словаре (элементы этимологической фоносемантики). – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1986. – 16 с.
- Койбаева Т.Х., 1987
Звукосимволическая лексика английского и осетинского языков. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1987. – 17 с.
- Комарницкая Л.А., 1981
Изучение фонетических связей слов-синонимов в английском языке. – Черновцы, 1981. – 7 с. – Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР, 24.07.1981, №8163.
- Комарницкая Л.А., 1985
Субъективный и объективный звуковой символизм в английском языке. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1985. – 17 с.
- Комарницкая Л.А., Кушнерик В.И., Левицкий В.В., 1986
Фоносемантическая общность языков // Семантическая общность национальных языковых систем. – Воронеж: ВГУ, 1986. – С. 167-180.
- Комарницька Л.А., 1984
Символічні значення голосних і приголосних в англійській мові // Мовознавство. – 1984. – №4. – С. 67-70.
- Комарницька Л.А., 1996
Фонетична мотивованість слова // Науковий вісник Чернівецького університету. – Вип. 2. Германська філологія: Збірник наук. Праць. – Чернівці: ЧДУ, 1996. – С. 18-32.
- Кушнерик В.И., 1982
Звуковой символизм в современном немецком языке. – Черновцы, 1982. – 32 с. – Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР, 29.04.1982, №9996.
- Кушнерик В.И., 1987
Фонетическое значение и фонетическая мотивированность в современном немецком языке. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1987. – 15 с.
- Кушнерик В.І., 1996
До проблеми взаємозв'язку фонетичного значення з лексичним значенням слова // Науковий вісник Чернівецького університету. – Вип. 2. Германська філологія: Збірник наук. Праць. – Чернівці: ЧДУ, 1996. – С. 14-17.
- Кушнерик В.І., 2004

- Фоносемантизм у германських і слов'янських мовах. – Чернівці: Рута, 2004. – 415 с.
- Кушнерик В.И., Левицкий В.В., 1986
Фонетическая мотивированность и фонетическое значение слова // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. – Калинин, 1986. – С. 21-27.
- Лапкина Л.З., 1979
Английские и башкирские акустические ономатопы (Опыт типологического исследования). – Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1979.
- Лебле Л.О., 1976
Статистический анализ значимости буквенной формы в поэме Эдгара По «Колокола» // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград: КГУ, 1976. – С. 82-88.
- Левицкий В.В., 1966
Историко-семасиологическое исследование некоторых групп прилагательных в немецком языке (в сравнении с английским). – Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966. – с. 153-160.
- Левицкий В.В., 1967
К проблеме звуко-символизма (о соотношении формы и содержания на различных уровнях языка) // Уровни языка и их взаимодействие. Тезисы научной конференции. – М., 1967. – С. 93-96.
- Левицкий В.В., 1969
К проблеме звуко-символизма // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. – М.: МГУ, 1969. – С. 123-132.
- Левицкий В.В., 1969а
Виды мотивированности слова, их взаимодействие и роль в лексико-семантических изменениях // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. – Л.: Наука, 1969. – С. 21-25.
- Левицкий В.В., 1973
Семантика и фонетика. Пособие, подготовленное на материале экспериментальных исследований. – Черновцы: ЧГУ, 1973. – 102 с.
- Левицкий В.В., 1974
Современное состояние проблемы звуко-символизма // Лимба ши литература молдовеняскэ. – 1974. – №4. – С. 61-68.
- Левицкий В.В., 1975
Звуковой символизм в лингвистике и психолингвистике // НДВШ. Филологические науки. – 1975. – №4. – С. 54-61.
- Левицкий В.В., 1976
Фонема или признак? // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград, 1976. – С. 49-53.
- Левицкий В.В., 1977
Объективный и субъективный звуковой символизм в финно-угорских языках // Исследования финно-угорских языков и литератур. Тезисы

докладов всесоюзного научного совещания. – Ужгород: УГУ, 1977. – С. 42.

Левицкий В.В., 1979

Звуковой символизм в молдавском языке // Лимба ши литература молдовеняскэ. – 1979. – №3. – С 40-48.

Левицкий В.В., 1980

Несколько замечаний о звуковом символизме (субъективный и объективный звуковой символизм) // Восприятие языкового значения. – Калининград, 1980. – С. 144-148.

Левицкий В.В., 1983

Начальные сочетания фонем в английском языке // Сочетаемость языковых единиц в германских и романских языках. – Киев: Вища школа, 1983. – С. 8-18.

Левицкий В.В., 1986

Звуковой символизм в романских языках // Современные проблемы романистики: функциональная семантика. Тезисы 5 всесоюзной конференции по романскому языкознанию. – Том 1. – Калинин, 1986. – С. 178-180.

Левицкий В.В., 1989

Статистическое изучение лексической семантики. – Киев: УМК ВО, 1989. – 155 с.

Левицкий В.В., 1989а

Фонетическая мотивированность и лексико-грамматический статус слова // Анализ текста. Лексика и лексикография. Сборник научных трудов. – М., 1989. – С. 96-104.

Левицкий В.В., 1989б

Звуковой символизм: закономерности функционирования и источники порождения // Проблемы фоносемантики. Тезисы выступлений на совещании. – М., 1989. – С. 69.

Левицкий В.В., 1989в

Звуковой символизм и развитие словарного состава языка // Психолингвистические проблемы фонетики и лексики. – Калинин, 1989. – С. 5-12.

Левицкий В.В., 1993

Звуковой символизм в 4 неродственных языках // Проблемы психолингвистики. – Тверь, 1993.

Левицкий В.В., 1994

Фонетическая мотивированность слова // Вопросы языкознания. – 1994. – №1. – С. 26-37.

Левицкий В.В., 1997

Этимологические и семасиологические исследования в области германских языков. – Черновцы: ЧГУ, 1997. – 276 с.

Левицкий В.В., Комарницкая Л.А., 1987

Факторы, влияющие на фонетическую мотивированность слов в английском языке // Психолингвистические исследования: звук слово, текст. – Калинин, 1987. – С. 13-20.

- Левицкий В.В., Комарницкая Л.А., Кушнерик В. И., 1986
Сопоставительное изучение символических свойств звуков русского языка // Контрастивное исследование русского и немецкого языков. – Воронеж: ВГУ, 1986 – С. 167-171.
- Левицкий В.В., Стернин И.А., 1989
Экспериментальные методы в семасиологии. – Воронеж: ВГУ, 1989. – 192 с.
- Левицкий В.В., 1971
Чи існує універсальний звуко-символізм? // Мовознавство. – 1971. – №1. – С. 25-37.
- Левицкий В.В., 1973
Символічні значення українських голосних і приголосних // Мовознавство. – 1973. – №2. – С. 36-49.
- Левицкий В.В., 1974
Фонетична мотивованість слова // Мовознавство. – 1974. – №1. – С. 15-26.
- Левицкий В.В., 1979
Фонетичні зв'язки слів-синонімів і слів-антонімів у німецькій мові // Іноземна філологія. – 1979. – №54. – С. 67-71.
- Левицкий В.В., 1979а
Звуковий символізм у природних мовах // Мовознавство. – 1979. – №1. – С. 46-55. – Abstract in: LLBA, 1983, 17, p. 198.
- Левицкий В.В., 1986
Семантичні і стилістичні функції початкових сполучень фонем у німецькій мові // Іноземна філологія. – 1986. – №81. – С. 75-80.
- Левицкий В.В., 1993
Звуковий символізм: основні поняття, ідеї, результати // Мовознавство. – 1993. – №1. – С. 16-25. – Abstract in: LLBA, 1997, 31, p. 589.
- Левицкий В., 2000
Символізм звуковий // Українська мова. Енциклопедія. – Київ, 2000. – с. 537.
- Левицкий В.В., Комарницкая Л.А., 1981
Конотативне і фонетичне значення слова // Мовознавство. – 1981. – №3. – С. 21-24. – Abstract in: LLBA, 1983, 17, p. 691.
- Левицкий В.В., Кушнерик В.И., 1986
Символічні значення голосних і приголосних сучасної німецької мови // Мовознавство. – 1986. – №3. – С. 21-27. – Abstract in: LLBA, 1987, 21, p. 72.
- Леонтьев А.А., 1967
Психолінгвістика. – Л., 1967. – 118 с.
- Леонтьев А.А., 1971
Психологическая структура значения // Леонтьев А.А. (ред.). Семантическая структура слова. – М.: Наука, 1971. – С. 7-19.
- Леонтьев А.А., 1976
Психолінгвістический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. – С. 46-73.

Лепинг Е.И., 1976

Немецко-русский словарь. – М.: Русский язык, 1976.

Лихоманова Л.Ф., 1986

Семантическая филиация английских звукоподражательных глаголов движения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1986. – 16 с.

Львова Н.Л., 2004

Символічний потенціал початкових приголосних сполучень у сучасній англійській мові // Науковий вісник Чернівецького ун-ту: Зб. наук. пр. – Вип.206-207. Германська філологія. – Чернівці: Рута, 2004. – С. 255-266.

Львова Н.Л., 2004

Звукова символіка початкових сполучень фонем у лексичному складі сучасної англійської мови // Науковий вісник Чернівецького ун-ту: Зб. наук. пр. – Вип.213. Германська філологія. – Чернівці: Рута, 2004. – С. 3-14.

Львова Н.Л., 2005

Дослідження звукосимволічних зв'язків між англійськими початковими приголосними сполученнями та морфологічними категоріями // Гуманітарний вісник. Серія: Іноземна філологія: Всеукр. зб. наук. пр. – Г94 Черкаси: ЧДТУ, 2005. – Число дев'яте. – С. 255-258.

Львова Н.Л., 2005а

Вимірювання фонетичного значення тексту // Науковий вісник Чернівецького університету. Збірник наукових праць. – Вип. 234. Германська філологія. – Чернівці: Рута, 2005. – С. 38-46.

Львова Н.Л., 2005б

Вивчення фоносемантичних зв'язків у текстах з позитивною та негативною конотацією // Studia Germanica Et Romanica: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання: Науковий журнал – Донецьк: Дон НУ, 2005. – Т.2. - № 1(4). – С. 34-43.

Мазанаєв И.А., 1985

Основные группы звукосимволических слов: фоносемантический анализ (на материале английского и лезгинского языков). – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1985. – 16 с.

Мазанаєв И.А., 1989

О звукоизобразительной лексике агульского языка // Проблемы фоносемантики. Тезисы выступлений на совещании. – М., 1989. – С. 52-53.

Материалы ..., 1969

Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. – Л.: Наука, 1969. – 77 с.

Михалёв А.Б., 1989

О семантическом пространстве консонантного комплекса *br* в современном французском языке // Психолингвистические проблемы фонетики и лексики. – Калинин, 1989. – С. 30-37.

Михалёв А.Б., 1995

Теория фоносемантического поля. – **Пятигорск: ПГЛУ**, 1995. – 213 с.

Михалёв А.Б., 2008

Психолингвистическая проблематика фонестемы // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Материалы IV Международных Березенских чтений. Вып. 14. – М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2008. – С.140-148.

Найдеш О.В., 1998

Явище фоносемантизму в німецькомовній поезії / Найдеш О.В. // Наук.вісн. Чернівецького університету: зб.наук. праць. – Вип. 41: Герман.філологія. – Чернівці: ЧДУ, 1998. – С. 14-25.

Найдеш О.В., 2000

Суб'єктивні тенденції у вивченні символіки початкових фонемних сполучень німецької мови // Науковий вісник: германська філологія. – Вип. 71. – Чернівці: Рута, 2000. – С. 131-138.

Найдеш О.В., 2008

Розподіл фонестемної лексики за морфологічними підкласами // Науковий вісник Чернівецького університету: збірник наукових праць. – Вип. 407: Германська філологія. – Чернівці: Рута, 2008. – С- 154-162.

Никифорова О.И., 1954

Восприятие метафоры // Учёные записки 1 Московского гос. пед. института иностранных языков. – Т. 8. – М., 1954. – С. 311-315.

Орлова Е.В., 1966

О восприятии звуков // Развитие фонетики современного русского языка. – М.: Наука, 1966. – С. 144-154.

О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. – М.: АН СССР, 1960.

Павловская И.Ю. 2001

Фоносемантический анализ речи. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2001. – 292 с.

Павлюк Н.А., 1976

Сопоставление фонетического и лексического значения // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград, 1976. – С. 66-73.

Панов М.В., 1966

О восприятии звуков // Развитие фонетики современного русского языка. – М.: Наука, 1966. – С. 155-162.

Панфилов В.З., 1977

О гносеологических аспектах проблемы языкового знака // Вопросы языкознания. – 1977. – №2. – С. 3-14.

Пизани В., 1956

Этимология. История-проблеми-метод. – Пер. с итал. Д.Э. Розенталя. Под ред. и с предисл. В.И. Абаева. – М.: Изд-во иностр. лит. – 1956. – 188 с.

Полукарова Т.А., 1989

Фонетическая значимость английских монофтонгов // Проблемы фоносемантики. Тезисы выступлений на совещании. – М., 1989. – С. 54-55.

- Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград, 1976. – 168 с.
- Проблемы фоносемантики // Тезисы выступлений на совещании. – М., 1989. – 133 с.
- Прокофьева Л.П., 2007
Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. – Саратов: Изд-во Саратовского медицинского ун-та, 2007. – 279 с
- Прокош Э., 1954
Сравнительная грамматика германских языков. – М.: Иностранная литература. – 379 с.
- Пруцких Т.А., 2009
Проявление иконизма в языке: экспериментально-фонетическое исследование. – Автореферат... канд. филол.наук. – Иркутск, 2009.
- Психоллингвистика. Сб. ст. / Сост. А.М. Шахнарович; Общ. ред. А.М. Шахнаровича. Предисловие Р.М. Фрумкиной. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
- Пузырёв А.В., 1995
Анаграммы как явления языка. Опыт системного осмысления. – Москва-Пенза, 1995. – 378 с.
- Розумовская В.А., 1985
Экспрессивная глагольная номинация в современном английском языке. – Автореферат дис. ... канд. наук. – Л., 1985.
- Русанівський В.М., 1988
Структура лексичної і граматичної семантики. – Київ: Наукова Думка, 1988. – 236 с.
- Слоницкая Е.И., 1987
Звукосимволизм обозначений округлого (опыт типологического исследования). – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1987. – 15 с.
- Слоницкая Е.И., 1989
Экспериментальное исследование звукосимволизма фонемотипа лабиальных // Проблемы фоносемантики. Тезисы выступлений на совещании. – М., 1989. – С. 32-33.
- Солнцев В.М., 1977
Языковой знак и его свойства // Вопросы языкознания. – 1977. – №2. – С. 15-28.
- Супрун А.Е. (ред.), 1983
Общее языкознание Под общ. ред. А.Е.Супруна. – Минск: Вышэйшая школа, 1983. – 456 с.
- Тамбиева Ж.М., 2003
Межъязыковые фоносемантические соответствия гуттуральных согласных (на материале русского, английского и абазинского языков). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2003. – 17 с.
- Тарасова В.К., 1985
Системные связи и семантика синестетических словосочетаний // Семантическое взаимодействие языковых единиц различных уровней. Межвузовский сб. научных трудов. – Л.: ЛГУ. – 1985. – С. 94-101.

- Фасмер М., 1967
Этимологический словарь русского языка. – Т. 2. – М.: Прогресс, 1967. – С. 564, 620.
- Филин Ф.П., 1965
Заметки о состоянии и перспективах советского языкознания // Вопросы языкознания. – 1965. - № 2. – С. 15-28.
- Хусаинов К.Ш., 1988
Звукоизобразительность номинации в казахском языке. – Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Алма-Ата, 1988. – 46 с.
- Шаховский В.И., 1989
Звуковой символизм, ассоциативность и коннотативность слова // Психолингвистические проблемы фонетики и лексики. – Калинин, 1989. – С. 19-27.
- Шляхова С.С., 2004
Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. – Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2004. – 225 с.
- Шляхова С.С., 2003
Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику. Учебное пособие. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т. – 2003. – 216 с.
- Шляхова С.С., 2006
Фоносемантические маргиналии в русской речи (докторская диссертация). – Пермь, 2006. – 489 с.
- Шмелёв Д.Н., 1964
Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.
- Штерн А.С., 1967
Объективное изучение субъективных оценок звуков речи // Вопросы порождения речи и обучения языку. – М.: МГУ, 1967. – С. 114-117.
- Штерн А.С., 1969
Объективные критерии выявления эффекта «звуковой символики» // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. – Л.: Наука, 1969. – С. 69-73.
- Юсифов Н.М., 1986
Лексико-семантические особенности английских звукоподражательных слов. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 1986. – 16 с.
- Якобсон Р., 1985
Избранные работы. – М., 1985. – С. 30-91
- Asher J., 1965
Comment: phonetic symbolism reexamined // Percept. Motor Skills. – 1965. – V. 20.
- Bentley M., Varon E., 1933
An accessory study of phonetic symbolism // American Journal of Psychology. – 1933. – 45. – p. 76-86
- Berlin B., 1994

- Evidence for pervasive synesthetic sound symbolism in ethnozoological nomenclature // *Sound Symbolism*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – p. 76-93.
- Brackbill Y., Little K.B., 1957
Factors determining the guessing of meaning of foreign words // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1957. – 54. – P. 312-318.
- Brock E., 1944
Der heutige Stand der Lautbedeutungslehre. // *Trivium*. – 1944. – 3. – S. 199-219.
- Brown R., 1958
Words and Things. – Glencoe, Illinois: Free Press, 1958. – 398 p.
- Brown R., Black A.H., Horowitz A.E., 1955
Phonetic symbolism in natural languages // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1955. – 50. – P. 388-393.
- Brown R., Nuttal R., 1959
Method in phonetic symbolism experiments // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1959. – 54. – P. 441-445.
- Bybbee J.L., Moder C.L., 1983
Morphological classes as natural categories // *Language*. – 1983. – Vol. 59, 2. – P. 251-268.
- Chastaing M., 1958
Le symbolisme des Voyelles: significations des «i» // *Journal de Psychologie*. – 1958. – № 55. – p. 403-423.
- Chastaing M., 1964
L'opposition des consonnes sourdes et muettes a-t-elle une valeur symbolique? // *Vie et Langage*. – 1964. – 147. – P. 367-370.
- Chastaing M., 1966
Si les “R” etaient des “L” // *Vie et Langage*. – 1966. – 173. – P. 468-472.
- Childs G.T.
African idephones // *Sound Symbolism*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – p. 178-206.
- De Vito, J.A., Civicly C.V., 1972
Some semantics of Repetition: An Experiment in Phonetic Symbolism // *The Journal of Communication*. – 1972. – 22, 1. – P. 39-47.
- Diffloth G. i: big, a:small // *Sound Symbolism*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – p. 107-113
- Ertel S., 1969
Psychophonetik (Untersuchungen über Lautsymbolik und Motivation). – Göttingen, 1969. – 230 S.
- Ertel S., 1972
Erkenntnis und Dogmatismus // *Psychologische Rundschau*, 1972, № 23, S. 241-269.
- Ervin-Tripp S.M., Slobin D.J., 1966
Psycholinguistics // *Annual review of psychology*. – 1966. – Vol. 17, California. – P. 437-475.
- Fenz E., 1940

- Laut, Wort, Sprache und ihre Deutung. Grundlegung einer Lautbedeutungslehre. – Wien: Deuticke, 1940. – 179 S.
- Firth J.R., 1934
The use and distribution of certain sound in English // *Papers in Linguistics*. – London, 1934. – № 4. – P. 37-47.
- Fischer-Jørgensen E., 1978
On the universal character of phonetic symbolism with special reference to vowels // *Studia Linguistica*. – 1978. – № 32. – p. 80-90.
- Fonagy J., 1961
Communication in Poetry // *Word*. – 1961. – vol. 17. – № 2. – 194-218.
- Fonagy I., 1983
La vive voix. Essais de psycho-phonétique. – Paris: Payot, 1983.
- Gebels G., 1969
An investigation of phonetic symbolism in different cultures. // *Journal of verbal learning and verbal behavior*. – 1969. – 8. – P. 310-312.
- Gordon M., Heath J., 1998
Sex, Sound Symbolism, and Sociolinguistics // *Current Anthropology*. – 1998. – vol. 34, № 4. – p. 421-450.
- Görner H., Kempcke G., 1974
Synonymwörterbuch. – Leipzig, 1974. – 643 S.
- Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. – 600 S.
- Hinton L., Nichols J., Ohala J. (ed.), 1994
Sound Symbolism. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Hinton L., Nichols J., Ohala J. (ed.), 1994
Sound-symbolic processes // *Sound Symbolism*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – p. 107-113.
- Hörmann H., 1967
Psychologie der Sprache. – Berlin, Heidelberg, New York, 1967.
- Householder F., 1946
On the problem of sound and meaning, an English phonestheme // *Word*. – 1946. – Vol. 2. – P. 83-84.
- Jakobson R., Waugh L.R., 1979.
The Sound Shape of Language. – Bloomington: Indiana University Press, 1979.
- Jespersen O., 1933
Symbolic value of the vowel i. // *Linguistica*. – Copenhagen, 1933. – P. 283-303.
- Jenkins J., Russel W., Suci G., 1958
An Atlas of semantic profiles for 360 words. // *Amer. Journal of Psychology*. – 1958. – Vol. 71, №4. – P. 688-699.
- Johnson R.C., 1967
Magnitude Symbolism of English Words. // *Journal of verbal learning and verbal behavior*. – 1967. – P. 598-511.
- Johnson R.C., Suzuki N., Oldes W., 1964

- Phonetic symbolism in an artificial language // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1964. – Vol. 69, №2. – P. 233-236.
- Kainz F., 1960
Psychologie der Sprache. – Stuttgart: Ferdinand Enke Verlag, 1960.
- Kanungo R., Lambert W.E., 1963
 Semantic Situation and Meaningfulness // *Amer. Journal of Psychology*. – 1963. – Vol. 76, №3. – P. 540-545.
- Klappenbach R., Steinitz W., 1978
Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. – Berlin: Akademie-Verlag, 1978. – Bd. 6.
- Koriat A., 1975
 Phonetic symbolism and feeling of knowing // *Memory and Cognition* – 1975. – 3. – P. 545-548.
- Koriat A., 1976
 Another look at the relationship between phonetic symbolism and the feeling of knowing // *Memory and Cognition* – 1976. – Vol. 4, №3. – P. 244-248.
- Koziol H., 1957
 Schalldeutungen und Schalldeutungswörter // *Orbis*. – 1957. – 6. – S. 185-191.
- Kronasser H., 1952.
Handbuch der Semasiologie. Kurze Einführung in die Geschichte, Problematik und Terminologie der Bedeutungslehre. – Heidelberg: Carl Winter, 1952. – 204 S.
- Lapolla R.J., 1994
 An experimental investigation into phonetic symbolism as it relates to Mandarin Chinese // *Sound Symbolism*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – p. 130-147.
- Louden M.L., 2000
 Umlaut, Ablaut, and Phonetic Symbolism in German // *General Linguistics*. – 2000. – 37. – P. 1-22.
- Lu A.Y.-Ch., 1998
 Phonetic Motivation. A study of the Relationship between Form and Meaning. – München: Hieronymus, 1998. – 223 p.
- Magnus M., 2001
Gods of the word. – Truman State University Press, 2001. – 192 p.
- Malkiel Y., 1962
 Etymology and General Linguistics // *Word*. – 1962. – vol. 18. – № 2.
- Malkiel Y., 1990
 Diachronic problems in Phonosymbolism. *Edita and Inedita*, 1979-1988. – Amsterdam / Philadelphia, 1990. – 274 p.
- Malkiel Y., 1994
 Regular sound development, phonosymbolic orchestration, disambiguation of homonyms // Hinton L. et al. (ed.). *Sound symbolism*. Cambridge University press 1994, p. 207-221.
- Maltzmann J.M., Morrisett L., Brooks L.O., 1956

- An investigation of phonetic symbolism. // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1956. – Vol. 53. – P. 249-251.
- Marchand H., 1958
Phonetic symbolism in English word-formation // Indogermanische Forschungen. – 1958. – Vol. 64. – P. 146-277.
- Meinhold G., Stock E., 1980
Phonologie der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1980. – 256 S.
- Merten K., 1983
Inhaltsanalyse. Einführung in Theorie, Methode und Praxis. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1983. – 385 S.
- Miron M.S., 1961
A cross-linguistic investigation of phonetic symbolism // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1961. – Vol. 62, №3. – P. 623-630.
- Müller H., 1935
Experimentelle Beiträge zur Analyse des Verhältnisses von Laut und Sinn. – Potsdam, Berlin: Müller & Kiepenheuer Verlag, 1935. – 154 S.
- Murdock G., 1959
Gross-language parallels in parental kin terms // Antropol. Linguistics. – 1959. – Vol. 1, №9. – P. 1-10.
- Newman S., 1933
Further experiments in phonetic symbolism. // Amer. Journal of Psychology. – 1933. – Vol. 45. – P. 53-75.
- Orr J., 1944
On some sound values in English // British Journal of Psychology. – 1944. – Vol. 35, pt. 1. – P. 1-8.
- Osgood Ch., 1959
The Representational Model and Relevant Research Methods // Pool I. (ed.) Trends in Content Analysis. – Urbana: University of Illinois Press, 1959, p. 33-88.
- Osgood Ch., Suci G., Tannenbaum P., 1957
The measurement of meaning. – Urbana: Univ. Illinois Press, 1957. – 242 p.
- Peterfalvi J.-M., 1970
Recherches experimentales sur le symbolisme phonetique. – Paris: Centre National de la recherche Scientifique, 1970. – 174 p.
- Porzig W., 1950
Das Wunder der Sprache. – Bern, 1950.
- Priestly T. M.S., 1994
On levels of analysis of sound symbolism in poetry, with an application to Russian poetry // Sound Symbolism. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – p. 237-248.
- Rhodes R. Aural images // Sound Symbolism. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – p. 276-292
- Sapir E., 1929

- A study in phonetic symbolism // Journal of experimental Psychology. – 1929. – Vol. 12, №3. – P. 225-239.
- Sereno J.A. 1994
Phonosyntactics // Sound Symbolism. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – p. 263-275.
- Sieberer A., 1947
Primäre oder sekundäre Lautbedeutsamkeit? // Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse. – 1947. – №9. – S. 35-52.
- Sperber H., 1923
Einführung in die Bedeutungslehre. – Bonn, Leipzig, 1923.
- Stevens G., De Vito A., Isaacson N., 1969
Phonetic symbolism and audience perception // Southern Speech Journal. – 1969. – 34. – P. 185-186.
- Tarte R., 1974
Phonetic symbolism in adult native speakers of Czech // Language and Speech. – 1974. – Vol. 17, pt. 1. – P. 87-94.
- Tarte R., Barritt L., 1971
Phonetic symbolism in adult native speakers of English. Three studies // Language and Speech. – 1971. – Vol. 14, pt. 2. – P. 158-168.
- Taylor I.K., 1963
Phonetic symbolism re-examined. // Psychological Bulletin. – 1963. – Vol. 60, №2. – P. 200-209.
- Taylor I.K., 1965
Note on phonetic symbolism // Percept. Motor Skills. – 1965. – Vol. 20. – P. 803-804.
- Taylor I.K., 1965a
Phonetic symbolism and vocabulary learning // Percept. Motor Skills. – 1965. – Vol. 20. – P. 842.
- Taylor I.K., 1967
An anatomy of words used in a word matching phonetic symbolism experiment // Journal of general Psychology. – 1967. – Vol. 76, №2. – P. 231-239.
- Taylor I.K., Taylor M.M., 1962
Phonetic symbolism in four unrelated languages // Canadian Journal of Psychology. – 1962. – Vol. 16, №2. – P. 344-356.
- Taylor I.K., Taylor M.M., 1965
Another look at phonetic symbolism // Psychological Bulletin. – 1965. – Vol. 64, №6. – P. 117-124.
- Thorndike E., 1945
On Orr's hypothesis concerning the front and back vowels // Brit. Journal of Psychology. – 1945. – Vol. 36, pt.1. – P. 10-13.
- Thorndike E., Lorge I., 1944
The teacher's word book of 30 000 words. – New York: Teachers College Bureau of Publications, Columbia University. – 1944. – 274 p.
- Tsur R., 1992

- What Makes Sound Patterns Expressive? – Durham and London: Duke University Press, 1992. – 174 p.
- Ullmann S., 1964
Semantics: An introduction to the science of meaning. – Oxford: Basil Brackwell, 1964. – 278 p.
- Ultan R., 1978
Size-sound symbolism // J. Greenberg (ed.). Universals of Human Language. – Vol. 2. – Phonology. – Stanford: University Press, 1978. – p. 525-568.
- Weiss J., 1963
Further study of relation between the sound of a word and its meaning // Amer. Journal of Psychology. – 1963. – Vol. 76, №4. – P. 624-630.
- Weiss J., 1963a
Role of “meaningfulness” versus meaning dimensions in guessing the meanings of foreign words // Journal of Abnormal and Soc. Psychology. – 1963. – Vol. 66, №6. – P. 541-546.
- Weiss J., 1964
Phonetic symbolism re-examined // Psychological Bulletin. – 1964. – Vol. 61, №6. – P. 454-458.
- Weiss J., 1966
A study of ability of English speakers to guess meaning of non-antonym foreign words // Journal of general Psychology. – 1966. – Vol. 74. – P. 97-106.
- Weiss J., 1968
Phonetic Symbolism and Perception of Connotative Meaning // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – 1968. – 7. – P. 574-576.
- Werner H., 1932
Grundlagen der Sprachphysiognomik. – Leipzig, 1932.
- Werner H., Kaplan B., 1963
Symbol formation: an organismic-developmental approach to language and the expression of thought. – New York, 1963.
- Wertheimer M., 1958
The relation between the sound of a word and its meaning // American Journal of Psychology. – 1958. – Vol. 71. – P. 412-415.
- Wescott R.W., 1980
Sound and Sense. Linguistic Essays on Phonosemantic Subjects. – Lake Bluff, Illinois: Jupiter Press, 1980. – 405 p.
- Wescott R.W., 1987
Encoding without Grammar: Phonic Iconism // Proceedings XI-th ICPHS. – Tallinn, 1987. – vol. 4. – P. 189-192.
- Woodworth N.L., 1991
Sound symbolism in proximal and distal forms // Linguistics. – 1991. – № 29. – p. 273-297.

Левицький В.В. Звуковий символізм. Міфи і реальність. Монографія. –
Чернівці: ЧНУ, 2009. – с.